

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ИЮНЬ

2004

СИВАН

5764

N 6 (146)

ловека с Б-гом. Почему Б-г нас любит – даже если мы далеки от строгого исполнения Его заповедей? Почему мы любим Б-га – даже если на нас обрушивается несчастье за несчастьем? Природа этой любви близка к непостижимости. Обычной логикой ее не истолковать...

Вот почему, совершая обрезание, входя в союз с Б-гом, мы вовсе не должны стремиться к тому, чтобы это было обдуманном поступком. Как говорится, родителей не выбирают. Иначе получится, что в нашем союзе есть элемент выгоды: когда нам хорошо, мы за союз с Б-гом, когда нам плохо – мы против!

Кстати, тут и ответ для людей, полагающих, будто евреи делают обрезание из гигиенических соображений. Разумеется, медицина, развиваясь, давно уже дошла до мысли, что обрезание полезно для здоровья. Последнее подтверждение: совсем недавно медики сделали вывод, что люди, совершившие обрезание, меньше подвержены СПИДу! Но наши предки, как вы догадываетесь, получив от Г-спода заповедь, о которой речь, и понятия не имели о пользе обрезания, о том, что оно предохраняет от десятков болезней. Ни один врач на свете еще не знал о преимуществах обрезания, а мы уже делали его своим младенцам.

Поэтому неверно думать, что евреи совершают свой обряд, из-за его полезности. Они совершают его, ибо он необходим: именно его выбрал Б-г, желая закрепить наш союз с Ним.

Да, обрезание сопряжено с болью, как и всякое оперативное вмешательство. Но получаемое благодаря ему куда важнее преходящей боли! Нам даруется связь с Б-гом на иррациональном уровне. Эта связь сохраняется на всю жизнь, постоянно напоминая каждому еврею, что он часть Б-жьего народа и призван выполнять Его заповеди. И даже если в данный момент еврею плохо, память об обряде «брис-мила», некогда над ним совершенном, не позволит ему забыть, что он еврей и что Б-г о нем помнит.

Áëááí úé ðáááéí Ðíííéé Ááðé Éáçáð

ИЮНЬСКИЕ ПОУЧЕНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ ЗА БУКВОЙ ЗАКОНА

Ī āi āōāi - Ī āi āē Ōī āōāi

Ī ÊĒĀŪĀŌ ÊŌŚĪĀŌĀ È ŌĀĪĎĀĪ ÊÈ Ī ÊĎĀ

Āāīyōū nūī Ī ūōāē mō āi dāi Ī āūēī Ī āēāī ōī ā nūāī ō ū ā nūi ādēāō: ūōā cāi ēē, ūōā ēē ēē ēē āōā, ūōā Ī ūēēōū, dāāōā, Ī āī ā, Ī ūōō Ī Īōā «ōāi ēō», nī Ī Ī ūūī ēī ōī ōī ā dāīīāēē ēāi Ī ē Ī dē nō ōī ēō āēūō āi ūōāi ā, āēāī, Ī āāī ēnī (Ī ā nēdēāēāyō) ē nēdēāēē. Ē āūā āāī ūyō: cēūā āōē, āīāī ēōā Ī Īōā, Ī āāī āēy Āāāāi ā, Ī dāī ōōā Ī āōāā. Ē āūā āāī ūyō: ē ēēāūē nī Ī Ī ūūī ādāēō ēēāūāē āūēē nūāī ū.

Ī ūō-āīēy ūōōīā 5:9

Как прикажете думать о хозяине, который принялся готовить трапезу и накрывать на стол, когда гости давно уже собрались? Именно поэтому, поясняет нам Талмуд, человек был сотворен позже всех прочих созданий, лишь на шестой день творенья. Человек – «сороботник Б-га в творенья» (Шабос, 119б), призванный облагородить и благоустроить мир, дабы стал он таким, каким задумал его Творец. Поэтому к моменту появления человека Б-г позаботился, чтобы все мироздание было «готово», чтобы «мог человек сразу войти и сесть к пиршественному столу» (Сангедрин, 38а).

Однако Мишна утверждает: десять (или двенадцать, или четырнадцать) сущностей были сотворены уже после появления человека, в самом конце шестого дня творения. [Поясним: «уста земли» были созданы, чтобы поглотить Кораха (см. Бемидбар, 16:32); под «устьем колодца» понимается «колодец Мириам» – волшебный камень, давший воду, когда возжаждали евреи в пустыне (см. Шмойс, 17:6; Бемидбар, 21:16-18); говоря об «устах ослицы» подразумевается Валаамова ослица (см. Бемидбар, 22:28); «шамиром» назывался червь, с помощью которого были вырезаны плиты при строительстве Храма (см. Гитин, 68а)]. Резонно предположить, что эти сущности не имеют отношения к «пиру», на который зван человек и который одновременно является работой всей жизни каждого из нас. Прочие элементы творения – не что иное, как инструменты и ресурсы, обеспечивающие труд «Б-жьего сороботника». Но те сущности, которые упомянуты в нашем «списке», принадлежат иному порядку, недостижимому для человека.

Действительно, все, что включено в это перечисление сущностей, сотворенных «накануне субботы, в сумерках», принадлежит чудесному, сверхъестественному порядку бытия: будь то червь «шамир» или посох Моше. А задача человека – «обустройство» мира и превращение его в обитель Б-га – связана со сферой природного, естественного бытия. Мы используем свои способности, чтобы освятить окружающий нас мир. Те или иные способности мы имеем потому, что такова наша природа, миссия человека – воздействовать на природный мир, превращая его в то, что желанно Б-гу. А чудесное связано с присутствием Б-га в этом мире: это проявление Его соучастия в творении. Чудесное – работа Б-га, а не Его смертного «партнера». Недаром мудрецы указывали: заповедь, исполненная чудесным образом, не считается нашей заслугой. Заповеди говорят об использовании естественных ресурсов творения, которые посредством человека вовлекаются в служение Б-гу.

Однако в «списке» из этого поучения есть странное исключение: первые клещи, которые были сделаны человеком. В Талмуде затронут вопрос: как можно было выковать первые клещи, если при ковке раскаленный металл удерживается клещами (Псохим, 54а)? Именно поэтому Б-г сотворил в сумерках шестого дня творения еще и клещи. Однако если предположить, что кузнечное дело не могло

развиваться без клещей, созданных Самим Б-гом (а Талмуд оставляет такое утверждение под вопросом, указывая, что первые клещи могли быть не выкованы, а отлиты), то возникает вопрос: почему же их сотворение было оставлено «напоследок»? Разве клещи – сугубо прозаическая вещь – не входят в категорию инструментов и ресурсов, используемых человеком в ходе благоустройства мира?

Âîçî èèàp ùèá àî'îîîî

Однако не все так просто и с остальными тринадцатью «чудесными» творениями, созданными накануне субботы в сумерках. Насколько правомерно утверждать в отношении этих сущностей, что они не связаны с «пиром», на который зван человек?

В начале второй главы книги Брейшис читаем: «И завершил Всесильный в седьмой день дело Свое, которое Он созидал, и почил в день седьмой от всего произведения Своего, которое Он созидал. И благословил Всесильный день седьмой и освятил его, ибо тогда почил от всего произведения Своего, которое Всесильный, творя, созидал» (Брейшис, 2:2,3).

Мудрецы указывали, что стих «И завершил Всесильный в седьмой день дело Свое» явно противоречит следующему утверждению: «почил в день седьмой от всего произведения Своего». Иначе говоря: трудился Б-г или нет в седьмой день? Нам предписано соблюдать Субботу в память об отдыхе Б-га в седьмой день творения. Но почему тогда можно говорить, что Он завершил творение в седьмой день?

В комментарии на это место книги Брейшис Раши приводит два объяснения.

«Человек из плоти и крови, не знающий времен своих и мгновений своих, обязан прибавить от буднего к святому, к дню субботнему. Однако Святой, благословен Он, знающий времена Свои и мгновения Свои, вошел в него в седьмой день с точностью величайшей, и казалось, будто Он завершил труд Свой в этот день». Другое объяснение: «Чего недоставало миру? Покоя. Настала суббота – настал покой; труд был закончен и завершён седьмым днем».

Заметим: вслед за словами «И завершил Всесильный в седьмой день дело Свое, которое Он созидал» Тора, по сути, сообщает нам о соработничестве человека в творении. Следующий стих гласит: «почил от всего произведения Своего, которое Всесильный, творя, созидал» [в точном русском переводе в конце этой фразы стоит целевой инфинитив: «<что надлежало> делать»). Однако в иврите на этом месте стояла форма «лаасойс», смысл которой можно передать и как «улучшать до совершенства». Человек призван вести творение к совершенству, ведь сказано в Мидраше: «Все, сотворенное Бгом, взывает к совершенству» (Брейшис Раба, 11:7; см. также комментарии на этот мидраш Эц Йосефа].

Вследствие этого можно предложить такую интерпретацию разбираемого стиха Торы: все, созданное Б-гом в последние мгновения шестого дня творения, а также отдых седьмого дня, – все это «сотворил Б-г (для человека), чтобы улучшить до совершенства».

Но почему эти сущности были вызваны к бытию уже после того, как появился Адам?

Î àðáî èá î àä àî'äàî è

Резонно заключить, что жизненная миссия человека включает два аспекта.

С одной стороны, «пир», приготовленный к моменту прихода Адама в мир, предполагает, что человек, пробудившись к бытию, находит готовым все, что ему понадобится для улучшения этого мира.

С другой стороны, элементы творения, явленные после прихода человека в мир (то есть сущности, созданные «в сумерках» шестого дня, и Суббота) олицетворяют грядущую стадию его миссии в Б-жественном мире.

Мудрецы уподобляли Б-га архитектору, который предоставляет строителям все необходимые материалы, инструменты и чертеж, чтобы они возвели задуманное им здание. Материалы и инструменты – это наши способности и ресурсы этого мира, чертеж – это Тора, а здание, которое предстоит выстроить, – мир Мошиаха (Брейшис Раба, 1:2).

Вот почему, поясняя второй стих книги Брейшис: «Когда земля была пуста и нестройна, и тьма над бездною, а дух Всесильного парил над водою», – Мидраш сообщает: «дух Всесильного, паривший над водою, – это дух Мошиаха» (Брейшис Раба, 2:5). Дух Мошиаха – душа самого творения, ибо Мессеианская Эра будет реализацией мира, каким его задумал Б-г при творении.

Но что мы будем делать, когда эта цель окажется достигнутой, когда зло и невежество будут изгнаны с лица земли, а человечество войдет в «золотой век», несущий отдых от всех трудов? Неужели на этом история закончится? Б-г бесконечен, и Он сотворил нас по Своему образу и подобию. Поэтому в человеке заложена бесконечная возможность совершенствоваться: едва достигая того, что казалось совершенством, мы понимаем, что существует иная, более высокая стадия совершенства, ждущая нас за горизонтом достигнутого.

Но есть существенное различие между нашими нынешними действиями, направленными на улучшение мира, и тем, что потребует от нас Мир Мошиаха. Поскольку сегодня основные наши усилия сосредоточены на борьбе со злом, то и достижения наши описываются примерно так: «побеждена болезнь», «преступник исправился», «улицы очищены». Творить добро сегодня означает накормить голодающих, просветить безграмотных, привести воюющие стороны к умиротворению. Наше нынешнее понимание совершенства органически связано с идеей изгнания из жизни зла и страдания.

Но существуют высшие степени совершенства: когда речь идет не об освобождении общества ото зла, но о развитии царствия добра как такового. Выражаясь метафорически, не об отделении золота от пустой породы, но о получении сверхчистого золота.

Óðāā́ áí òú áóóóúāā́

Комментируя книгу Брейшис, Рамбан писал, что шесть дней творения соответствуют шести тысячелетиям человеческих усилий. Подобно тому как шесть дней творения разрешаются в седьмом дне Б-жественного отдыха, шесть тысяч лет человеческой истории должны разрешиться «днем вечной Субботы и покоя» – эрой Мошиаха.

Как было сказано, «отдых» этой «вечной Субботы» будет ознаменован не отсутствием каких-либо достижений, но иным характером таковых: они будут связаны с гармоничным продвижением к более высоким уровням совершенства.

Поэтому сверхъестественные сущности, созданные на исходе шестого дня творения, накануне Субботы, и даже сам элемент «отдыха», «созданный» в Субботу, получают развитие на поздних стадиях нашего «соратничества» с Б-гом.

То, с чем мы имеем дело в сегодняшнем опыте и на что направлены наши нынешние усилия, – все это было сотворено до человека. «Пир» наших достижений был приготовлен ранее, чем человек вошел в пиршественный зал. А те элементы, которые олицетворяют совершенствование мира за пределами борьбы и страданий, были сотворены позже, чтобы подчеркнуть: сталкиваясь с этими сущностями в сегодняшней жизни, мы соприкасаемся с будущим.

И сегодня раз в неделю мы проживаем Субботу. По контрасту с остальными шестью днями недели, когда мы прилагаем невероятные усилия, чтобы выпутаться из тенет повседневных проблем, связанных с выживанием в материальном мире, Суббота – день гармонического очищения, когда мы сосредоточены на священном. В этот день для нас все исполнено иного смысла, а мир – возвышенной и святее. Вместо того чтобы бросать миру вызов и пытаться его изменить, мы прикасаемся к благодати Б-жественного творения, которая в этот день «просвечивает» через все сущее в мире. В Субботу мы заботимся о том, чтобы обогатить эту Б-жественную благодать, разлитую в мире, а не о том, чтобы изгладить негативные черты этого мира. (Простой тому пример – как мы относимся в Субботу к физическим удовольствиям. В течение недели мы заботимся о том, чтобы преобразить получаемое нами на физическом уровне в нечто «духовное». Так, когда мы едим, мы получаем энергию, содержащуюся в пище, чтобы направить ее, в конечном итоге, на достижение высших целей. Материальная субстанция пищи и физический акт ее поглощения преобразуются в нечто, призванное служить Б-жественному и его выражать: энергию помощи нуждающимся, жар молитвы, сосредоточенность сознания, постигающего Б-жественную премудрость Торы. Напротив, поглощение пищи только во имя получения физического удовольствия – акт достаточно разрушительный и далекий от всего, что сопряжено со «священным» порядком бытия. Вместо материального «очищения» такой акт обращается полной противоположностью:

человек погружается в «болото» потакания своей «самости», удаляясь от своих сущностных целей и устремлений. Но в Субботу получать удовольствие ради самого удовольствия означает просто следовать заповеди, исполняя волю Создателя. В Субботу не нужно изменять природу физического мира или пытаться преобразить нашу физическую природу: само получение удовольствия от материального мира становится святым деянием, выражая Бжественную сущность, явленную в нашем существовании.) То же самое верно и в отношении элементов, созданных «в сумерках шестого дня»: они олицетворяют моменты истории и аспекты нашей жизни, когда мы соприкасаемся с гармонией, с развитием, направленным на «прирост блага».

Это предвкушение грядущего мира, «вкус» которого нам отчасти дано ощутить еще в этом мире. Если эти явления пришли в мир уже после того, как человек начал свою миссию на земле, значит, они принадлежат порядку, который наступит после выполнения человеком своей миссии и после преобразования мира. Их истинное место и время – «тысячелетие Субботы», венчающей «рабочую неделю» борьбы: первую фазу истории человечества.

Ḥōāīnō āi è öäëë

«Первые клещи», о которых говорилось ранее, подразумевают определенный аспект более высокой степени очищения и совершенствования мира. Б-г создал эти клещи не для «пира», олицетворяющего начальную стадию миссии человека в мире: мы уже говорили, что человек вполне мог обрабатывать железо без Б-жественного праорудия. Скорее всего, эти клещи были созданы, чтобы выявить некую истину, заложенную в творении: они призваны быть прототипом и «знамением» пути ко все большему совершенству в мире, откуда изгнано зло.

Основой нашей работы по очищению и совершенствованию мира является заповедь. Человек использует силы и навыки для добывания денег, а потом часть этих денег отдает на благотворительность; человек поглощает пищу, а полученную физическую энергию использует для молитвы и изучения Торы; шкура животного становится тфилин, шерсть становится цицис, вода и мука – мацой для Пейсаха. Исполняя эти действия, мы обращаем свои способности и ресурсы на службу Б-гу, таким образом реализую Его «чертеж творения».

Конечно, вовсе не все, чем мы обладаем и с чем соприкасаемся, становится инструментом для исполнения заповеди. Но даже если десятая часть принадлежащей человеку собственности отдана на дела благотворительности, то оставшиеся девять десятых позволят ему поддерживать жизнь и дело, так что он и дальше сможет из года в год отдавать десятую часть на благие дела. То же самое относится к другим заповедям: хотя лишь небольшая толика наших усилий и ресурсов направлена непосредственно на исполнение заповеди, «незадействованный остаток», – намного превосходящий часть, вовлеченную в процесс исполнения «мицвос», можно рассматривать как «приложение» к этим усилиям. Мы видим, что человеку по силам преобразить свою внутреннюю жизнь так, чтобы она всецело оказалась направлена на исполнение Б-жественной воли, когда каждый поступок и усилие становятся или исполненной заповедью, или «приложением» к ней, обеспечивающим реализацию заповеди, или даже «приложением к приложению». [Ср. с талмудической дискуссией (Шабос, 130а): дозволено ли в Субботу «валить деревья, чтобы получить из них уголь, потребный для закаливания ножа, предназначенного для ритуального обрезания»].

При таком подходе различные компоненты, из которых складывается наша жизнь, можно рассматривать как в разной степени приближающиеся к чистоте и совершенству. Например, энергия, направленная на помощь ближнему, потрачена «лучше», чем та, которая ушла на добывание средств к существованию. В первом случае энергия была непосредственно вовлечена в процесс «соучастия в творении», в другом – играла вторичную роль.

Но подобная классификация, выстра

ивающая иерархию «святости» вещей и поступков, имеет смысл только тогда, когда движущим стимулом соответствующих действий является желание почувствовать соучастие в творении, не забывая, что партнером выступает Сам Всесильный. Только тогда действия, более тесно связанные с реализацией Бжественного плана, можно расценивать как более «возвышенные» и «духовные», чем те, которые имеют отношение ко «вторичным» аспектам нашего существования. И только тогда «более духовные» действия принесут большее удовлетворение.

Итак, истории Амнона и Йонатана показывают, что изначальная причина и реальная основа любви не определяют характер ее проявления. Так, например, изначальное присущая человеку любовь к кровному родственнику может переживаться как нечто, зависимое от внешних факторов, – тогда она превращается в «любовь, зависящую от условий, которая преходяща». И наоборот, любовь, возникшая под влиянием некоего мотива, может перерасти в «бескорыстную любовь, которая не исчезнет».

עֲשֵׂה לְפָנָי

В «Мишне Тора» Рамбам подробно разбирает важность представления о «любви Б-га». В десятой главе «Законов покаяния» он пишет: «Тот, кто служит Б-гу из любви к Б-гу, занят Торой и исполнением заповедей, и следует тропой мудрости не потому что это сопряжено с какими-либо выгодами в этом мире, не потому, что боится зла, и не из желания унаследовать благо; он поступает поистине единственно потому, что это – истина <...>

Б-гу желанно, чтобы мы достигли именно этого уровня, – в Писании сказано: «Возлюби Г-спода Б-га своего». Когда человек любит Б-га подобающей любовью, он исполняет заповеди во имя любви <...> «Тот, кто занят Торой во имя получения награды или ради того, чтобы избежать наказания, занят этим не во имя <самой Торы>. Тот же, кто занят этим <...> во имя любви к Господину Мироздания, повелевшему делать сие во имя <этого делания>. Сказано мудрыми: человеку всегда надлежит заниматься Торой, даже если он занят этим не во имя Торы; ибо, будучи занят Торой не ради Торы, придет он к тому, чтобы делать сие ради самой Торы» (Псохим, 50б).

Хасидизм идет дальше. Хасидские учителя указывают: праведное занятие из неправедных побуждений желательно не только потому, что со временем перерастет в то же занятие из побуждений праведных, но даже на начальной, непросветленной стадии в основе такого занятия все-таки правильное побуждение. Пока сознательное «я» человека сконцентрировано на физических и духовных выгодах праведной жизни, в глубине сердца он пребывает в контакте с истиной и желает ее, «поскольку она есть истина».

Эта идея заложена и в приведенном нами талмудическом высказывании, цитируемом Рамбамом. В оригинале использовано слово «митох», означающее «изнутри». Поэтому буквальный перевод гласил бы: «человеку всегда надлежит заниматься Торой, даже если он занят этим не во имя Торы; ибо, будучи занят Торой не ради Торы, изнутри придет он к тому, чтобы делать сие ради самой Торы». Иначе говоря, под спудом внешних побудительных мотивов, определяющих наше поведение, лежит истина: укорененное в глубине человеческой души желание поступать праведно ради самой правды.

Однако это сущностное «я» на непросветленной стадии духовного развития не получает реализации на уровне осознанных чувств и повседневного поведения. Поэтому, хотя желание исполнить Б-жественную волю само по себе содержит чистую самоотверженную любовь к Б-гу, характер связи человека со Всемогущим зависит от внешних факторов, приоритетных для сознания.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Мы приходим к выводу, что поучение, рассматривающее «зависимую» и «бескорыстную» любовь, содержит в себе двойной урок.

Ни в коем случае нельзя преуменьшать ценность того или иного занятия, даже осознавая, что в поглощенности этим делом присутствует внешняя мотивация. В самом деле, разве любовь Давида и Йонатана не показывает, как чувство, родившееся в силу внешних причин, преобразуется в бескорыстную любовь, ни от чего не зависящую?

Знайτε: в основе ваших поступков и чувств лежит чистая, совершенно бескорыстная любовь к Создателю и приверженность той цели, ради которой сотворен человек. Сохраняя верность своей связи с Творцом в треволнениях повседневности, вы создаете предпосылки, чтобы эта любовь к Б-гу реализовалась во всей чистоте и обрела выражение в ваших поступках.

Однако на этом пути вас подстерегает опасность. Ведь можно сказать: «Если подсознательно я бескорыстно люблю истину и всегда ей причастен, почему бы не освободиться от всех моих

несовершенных желаний? Ведь стоит изгнать все эгоистичные побуждения из моего сердца, страхнуть их с себя, – и моя истинная природа сама явится на свет».

Предупреждая об опасности таких заблуждений, «Поучения отцов» указывают на историю Амнона как на пример «любви, зависящей от какого-либо условия». Несмотря на то что с Тamar его связывали сущностные узы, вовсе не они реализовались, когда эгоистичная любовь Амнона исчерпала себя. Едва только его «зависимая от внешних условий» любовь утратила свое основание, ее место заняла не бескорыстная любовь, а ненависть и отвращение.

Эгоистичная «любовь» Амнона к сестре была губительной и разрушительной. И, тем не менее, из этой истории следует извлечь урок о правильном приложении любви, обусловленной внешними причинами. История Амнона учит: следует укреплять мысль о том, что Б-жественная Тора приносит нам вполне ощутимую пользу.

Оказавшись без опоры, мы обречены на падение. Поэтому надо помнить: «любовь, если она зависит от какого-либо условия, преходяща: условие меняется – любовь исчезает». И пока человек не достиг того уровня, когда изначально заложенная в его сердце любовь к Создателю станет реально ощутимой и постоянно наполняющей сердце, внешние факторы очень важны: не будет их, исчезнет и любовь. На непросветленном уровне именно внешние факторы являются гарантией связи со Всемогушим. Пока человек пребывает на этом уровне, ему следует укреплять ощущение пользы – материальной и физической, которую он извлекает, ведя праведную и продуктивную жизнь. Так следует поступать до тех пор, пока не станут определяющими глубинные, чистые мотивации, изначально присущие человеческой душе, пока не заполнят собой все сознание и не подчинят себе нашу повседневную жизнь.

ŃĬ Î ĐŪ ÂÎ ÈÏ B ÈÑÒÈÍ Ū

Èpáay ĭ ĭēāi ēēā, ēŕōĭđay āāāōŕy ā ĭ ēi ŷ Ĭ āāā, ā ēĭĭā-ĭĭi ĭ-āōā çāāđōēōŕy, ĭĭ ĭ ĭēāi ēēā, ēŕōĭđay āāāōŕy ĭā ā ĭ ēi ŷ Ĭ āāā, ĭ ēēĭāā ĭā çāāđōēōŕy. xōĭ ĭ ĭāēāō ĭēēāēōŭā ēā-āŕōāi ĭ đēi āāā ĭ ĭēāi ēēē ā ĭ ēi ŷ Ĭ āāā? ŷōĭ ĭ ĭĭđ ĭ āēāō ĭēēāēĭi ē Ōāi āāi.

Ĭ ŕō-āĭ ēy ŕōōĭā 5: 20

Зачем продолжать полемику – даже если это «полемика во имя Небес»?

Но прежде чем отвечать на этот вопрос, следует вспомнить, что такое полемика вокруг Торы («махлокос»). Ведь сама возможность различных толкований тех или иных положений Торы противоречит сути Писания, поскольку Тора – это прямое слово Б-га.

Однако именно Тора предусматривает ситуацию, когда две группы толкователей, опираясь на свои знания и мудрость, приходят к двум разным решениям. В таких случаях Тора велит следовать мнению, к которому пришло большинство (Шмойс, 23:2), а решение, вынесенное большинством, приобретает статус алохи – закона, выражающего волю Всемогущего.

Получается, что решение, основанное на субъективной человеческой логике, зависящее от убедительности доказательств и аргументов, которые подобраны каждой из сторон, и определяющееся такими случайными факторами, как присутствие при голосовании того или иного человека, когда проблема рассматривалась в суде раввинов (см. Шабос, 13б; комментарий Рамбама на Мишну), – в итоге это решение считается выражением абсолютной и неизменной воли Б-га!

ŃĬpç ôi ĭā

Однако Всемогущий желал видеть дарованную Им Тору сочетанием Б-жественного откровения и человеческого интеллекта. Именно человеческий разум, со всеми его несообразностями и недостатками, был избран Б-гом, чтобы перевести Тору на язык тварной реальности. И когда человек, с помощью своего разума, истолковывает принципы Торы в соответствии с правилами, установленными Всемогушим, то полученные суждения приравниваются к Торе: мудрости и воле Б-га, переданным человеку.

Талмуд идет еще дальше, указывая, что при споре двух групп мудрецов был глас с Небес: «И то и другое – слова Б-га живого» (Эрувин, 13б). То есть не только победившее в споре мнение выражает волю Б-га – отвергнутое мнение также является «словами Б-га живого».

В основании и того и другого мнения – Б-жественная воля, явленная в Торе; оба мнения сформулированы на основе правил, сообщенных Торой; обе группы мудрецов стремились выявить истину, отрешившись от субъективности, – а значит, мнения обеих групп принадлежат Торе как ее часть, будучи результатом взаимодействия Б-га и человеческого разума.

Ī īāqā-īñōū è ĩāīqā-īñōū

На практике мы руководствуемся лишь каким-то определенным установлением или мнением. Сфера действия требует конкретности, однозначности, и немислимо принимать за истину два взаимоисключающих положения: в физическом действии может быть реализован только один подход. Деньги могут принадлежать либо истцу, либо ответчику; кусок мяса либо кошерен, либо нет. Поэтому Тора велит следовать мнению большинства.

Однако в зыбком мире души взаимоисключающие представления могут сосуществовать, и их «наложение» может образовывать своеобразный унисон. Полемику вокруг Торы порождают варьирующиеся мнения по одному и тому же вопросу, – именно на них зиждется двойственность, без которой немислимы наши переживания, взгляды на жизнь и отношение к бытию.

У каждой полемики вокруг Торы есть два измерения. Если иметь в виду прагматический аспект Торы – «нижнюю точку» отсчета, подобную «уровню моря» в картографии, которой является алоха, то мы делаем выбор в пользу одной из точек зрения, и она становится законом. Только одна из сторон получает право утверждать, пользуясь формулой Талмуда: «Г-сподь с ним» (I Шмуэл, 16:18) – алоха такова, как сказал он» (Сангедрин, 93б).

Но есть еще «душа» спора – это идеи, направления мысли, которые развиваются по ходу доказательства правоты сторон. И в этом случае действует формула: «И то и другое – слова Б-га живого».

Такое различие сущностей можно проследить в использовании имен «Б-га» в Талмуде. Так, во фразе: «И то и другое – слова Б-га живого» (на иврите: «эйлу вз-эйлу диврей Элоким хаим») используется имя Элоким, тогда как в утверждении «Г-сподь с ним» – алоха такова, как сказал он» («вз-Авайа имо – алоха кэ-мото»). Всемогущий назван Авайа. Элоким – это имя Б-га, указывающее на Его связь с творением, на мощь, выразившуюся в беспредельном разнообразии созданного Им. Характерно, что слово Элоким содержит в себе грамматический показатель множественного числа. Авайа – имя, указывающее, что Б-г трансцендентен творению, и это имя подчеркивает единство и единственность Б-га.

Имя Элоким, указывающее на Б-жественную мудрость и волю Б-га, в некоторых контекстах говорит о проекции Его мудрости на двойственный человеческий разум, когда Б-жественная мудрость получает выражение в самых разных идеях, порой взаимоисключающих. Имя Авайа в Торе ассоциируется с алохой, единственным законом, управляющим данной ситуацией и не предполагающим вариантов.

Āīāōñi èy ĩñēāi èèè

Многие известные диспуты вокруг толкования Торы возникали между учениками двух знаменитых мудрецов – Шамай и Гилела. (Между прочим, сами Шамай и Гилел разошлись во мнениях лишь по поводу трех законов Торы.) Можно говорить о двух школах, известных как «Дом Шамай» и «Дом Гилела». Именно во время одного из их споров с Небес раздался голос: «И то и другое – слова Б-га живого». «Дом Гилела» и «Дом Шамай» расходились в толковании целого ряда вопросов, среди которых были уголовное и гражданское право, проблемы ритуальной чистоты, соблюдение праздников, брачное законодательство. По сути, речь идет о всех аспектах Торы. Но эти разногласия могут быть сведены к нескольким базовым принципам, характеризующим подход одной и другой школ к проблемам толкования Закона.

Рассмотрим некоторые из них.

Сколько свечей следует зажигать на ханукальной меноре в каждый из восьми вечеров праздника? Дом Шамаа учил, что в первый вечер должны гореть восемь свечей, во второй – семь и так далее, чтобы в последний вечер горела лишь одна свеча. Правило Дома Гилела: в первый вечер следует зажигать одну свечу, во второй – две и так далее по возрастающей (Шабос, 21б; см. комментарий Раши).

Что именно считать точным моментом Исхода? Согласно дому Шамаа – это сочельник Пейсаха (15 нисана), когда евреи получили право свободного выхода из Египта. Ученики Гилела считали моментом Исхода лишь полдень следующего дня, когда наши праотцы пересекли границу Египта. (От решения этого спора зависел практический вопрос: следует ли читать 114-й псалом («Когда вышел Израэл из Египта...») перед вкушением пасхального ягненка во время сейдера (Псохим, 116б; Иерусалимский Талмуд, Псохим, 10:5; см. также комментарий Раши на Дворим, 16:1).

Тора велит читать молитву Шма Исроэл дважды в день, «ложась и вставая» (Дворим, 6:7). Мудрецы двух школ по-разному толковали значение слова «ложась» в этом стихе Торы.

Так, рабби Элазар, принадлежавший к школе Шамаа, понимал это указание как необходимость читать Шма Исроэл в часы, когда люди отходят ко сну, то есть в начале ночи. А рабби Гамлиэл, как и другие мудрецы школы Гилела, толковал это указание «расширительно», понимая под ним все ночное время и тем самым допуская чтение Шма в любой час ночи. (См. Брохойс, 2а. Заметим: другие члены школы Гилела, в целом принимая точку зрения, что Тора указывает на вечернее/ночное время для чтения Шма, считали неподобающим откладывать чтение молитвы до полуночи, если в этом не было крайней необходимости. Однако они соглашались с тем, что, если полночь миновала, а человек не прочел Шма, то можно сделать это до зари.)

С какого момента можно усомниться в ритуальной чистоте рыбы? Одно из правил, лежащих в основе законов о ритуальной чистоте, гласит: пока растения и животные живы, контакт с нечистым объектом не делает их нечистыми. Дом Шамаа считал, что как только рыбак вытащил сеть из воды, контакт с ритуально нечистым предметом грозит сделать пойманную рыбу нечистой. Дом Гилела не соглашался с этим утверждением, настаивая, что рыба не может быть нечистой, пока она не уснула.

В основе споров между учениками Гилела и Шамаа лежит одна проблема: что сущностнее для объекта – его потенциальное или актуальное состояние?

Что такое свобода: это потенциальная возможность освободиться или реальный выход за пределы гнета и ограничений? Что такое «время сна»: когда люди действительно спят или когда они готовятся отойти ко сну? Может ли создание, продолжающее жить, но не имеющее возможности далее поддерживать жизнь, считаться неуязвимым для ритуальной нечистоты в силу того, что в нем еще теплится жизнь?

Свечи меноры символизируют число дней, соотносимых с той или иной ханукальной ночью. Вопрос в том, считаем ли мы оставшиеся дни или те дни, которые праздник уже длится? Первый сочельник Хануки аккумулирует в себе один-единственный день (всего несколько его минут), но при этом потенциально в нем содержатся грядущие восемь дней. То же самое применимо к последнему дню: потенциально он несет лишь один день праздника, но осуществлены в нем все восемь дней Хануки (точнее семь и первые мгновения восьмого дня).

Во всех этих случаях мы сталкиваемся с двумя реальностями: потенциальной и явленной. Какой из них отдать предпочтение? Видеть ли в сущностях этого мира их актуальное состояние, а заложенный потенциал рассматривать как нечто малозначимое? Или же следует обращать внимание на суть вещей – чем они могли бы стать, а к текущему опыту, связанному с проявлением каких-то аспектов потенциальной «реальности», относиться как к истине лишь постольку, поскольку?

«И то и другое» явно лишь Б-гу, а наша жизнь зависит от однозначных решений. Рыба не может быть ритуально чистой и ритуально нечистой одновременно; мы не можем прочитать и при этом не прочитать псалом перед тем, как есть пасхального агнца; в два часа ночи мы можем прочитать либо не прочитать Шма, но не то и другое вместе; а в первый сочельник Хануки мы можем зажечь либо одну, либо восемь свечей. Или мы признаем, что в нашей жизни преобладает актуальное, или наоборот. Нельзя, говоря о приоритете одного над другим, полагать, что приоритет принадлежит обоим сущностям. Или все-таки можно?

Ī ādāē:ī īñō ū ī ādāī ā

Возможно, важнейшим спором между школами Шама и Гилела был диспут, отраженный в талмудическом трактате «Хагига».

«Дом Шама говорит, что первыми сотворены были небеса, потом – земля. Дом Гилела говорит, что сперва сотворена была земля, а потом – небеса» (Хагига, 12а).

Вспомним первый стих Торы: «В начале сотворения Всесильным неба и земли». Конечно, школы Шама и Гилела спорили не о том, что было первым в смысле последовательности творения. Кабалистическое учение в основном сосредоточено вокруг «порядка эволюции»: процесса, в ходе которого Б-г эманировал из Себя ряд Б-жественных атрибутов («сфирос») и «развернул» из них цепь «миров». Каждый из этих «миров» был все более «удален» от Его абстрактного и непостижимого бытия.

Иначе говоря, Б-г начал творение всего сущего в наиболее тонкой и духовной форме; затем Его волей эти сущности стали разворачиваться дальше, проходя через стадии процесса метаморфозы, когда каждый следующий уровень «развертывания» был все «плотнее», пока не был порожден наш физический мир: последний, самый «плотный» уровень реальности.

Таким образом, дух предшествовал материи. (Время, например, это физическое творение Б-га, «развернутое» Им из «изначального» понятийно-духовного состояния. Поэтому, когда мы говорим, что «сперва» Б-г сотворил духовную сущность мира, а «потом» «воплотил» ее в материи, мы подразумеваем не последовательную прогрессию в физическом времени, а иерархию причин и следствий. Например, равенство $1+1=2$ несомненно «предшествует» равенству $2-1=1$ и «предопределяет» его. Однако в этом случае мы не говорим о предшествовании во времени: оба эти утверждения одновременно истинны, речь идет о логическом предшествовании. В той мере, в которой мы способны осмыслить процесс творения, духовные небеса «предшествовали» материальной земле. Поэтому интересующая нас полемика между Домом Шама и Домом Гилела должна была касаться глубинного смысла понятий «первичное» и «вторичное».)

Итак, школы Шама и Гилела спорили о том, что было целью Б-га в Творении. Сотворил ли Он все сущее, включая физическую Вселенную, во имя духовности небес? Или Б-жественной целью творения было существование материальной жизни на земле, а все прочее служит осуществлению этого?

Dāqēūō àò ā āāī ēyō, ī ā:āēī ā ī ī ūñāō

Казалось бы, и здесь не о чем спорить. Тора ясно свидетельствует, что было целью Б-га при создании мира: творение во всей его полноте, от самых «тонких» духовных уровней до нашего материального мира, получило бытие, чтобы человек, соблюдая заповеди, осуществил волю Б-га и сделал этот мир обителью для Него. [«Тора говорит: я строительный инструмент Б-га <...> Архитектор, строящий дворец, воздвигает его не в одиночку. Для этого у него есть чертежи и заметки, с которыми он сверяется: где быть той или иной комнате и где в ней расположена дверь. Точно так же Б-г сверялся с Торой и творил мир» (Брейшис Раба, 1:2). Зогар добавляет к этому: «еврей смотрит в Тору и тем держится мир» (Зогар, часть II, 1616). Заметим: Тора открывается словом «брейшис». В иврите букве «бейс» соответствует «двойка», поэтому слово «брейшис» указывает на две сущности, которые описываются в Торе как «рейшис», первостепенные: сама Тора (Мишлей, 8:22) и Израиль (Ирмияу, 2:3). Об этом см. комментарий Раши на Брейшис, 1:1.]

Во имя этого душа человека, которая «вырезана из небесного трона Б-га» (Зогар, часть III, 296; см. комментарий Раши на Шабос, 1526), «нисходит» на землю, обретая материальное тело, характер, жизнь. Во имя этого Тора, имеющая небесное происхождение (см. Шмойс, 20:19; Дворим, 4:36; Сангедрин, 90а), не только явлена на земле как откровение, но вручена человеку: после Синая Тора – «не в небесах» (Дворим, 30:12; Бава Мециа, 59б), но в руках изучающих и соблюдающих ее.

Укажем в связи с этим на следующий фрагмент Талмуда.

«Когда Моше взошел на небо, ангелы сказали Б-гу: “Что делает среди нас человек?” И ответил Он: “Он пришел получить Тору”. Тогда воззвали ангелы: “Это сокровенное сокровище, что

пребывало скрытым у Тебя на протяжении жизни девятисот семидесяти трех людских поколений, прежде чем сотворен был мир, Ты хочешь отдать тем, кто из плоти и крови? <...> Слава Твоя выше небес!”

Сказал Б-г Моше: “Ответь им”.

Сказал Моше: “Владыка Вселенной! Тора, которую даешь Ты мне, что в ней написано: Я – Г-сподь, Б-г твой, выведший тебя из земли египетской. А вы, ангелы, нисходили ли вы в Египет? – спросил Моше. – Были ли вы рабами фараона?”

Далее же сказано: “Да не будет у тебя иных богов, кроме Меня”, – жили ли вы среди народов языческих? <...> “Соблюдай день субботний”. Трудаетесь ли вы? “Не клянись ложно”, – разве заключаете вы сделки? “Чти отца твоего и мать твою”. Разве у вас есть родители? “Не убий”, “Не прелюбодействуй”, “Не укради”, – но разве ведомо вам чувство зависти? Разве есть в вас склонность ко злу?» (Шабос, 89а).

Мидраш также говорит: «Б-г возжелал обители в дольних мирах» (Танхума, Носой, 16). Он возжелал, чтобы обителью стал мир нижний, далеко от Него отстоящий, мир, враждебный Его присутствию, – иными словами, наш физический мир. И человек призван преобразить этот мир в обитель, где явлено Его присутствие.

«Вот во имя чего сотворен человек, и все миры, высшие и преходящие», – пишет рабби Шнеур-Залман из Ляд (Тания, гл.27).

Цель творения – в нашем земном существовании. Во имя этого Б-г сотворил сначала духовные, небесные миры: чтобы они довлели над физическим миром, который низведен от высших миров, где явлена реальность Б-га. Так физический мир получает потенциальную возможность выйти за пределы материальности и стать обителью, где пребывает Б-жественность.

Что же является первостепенным: земля или небеса? Что касается последовательности творения, первенство принадлежит небесам, однако сущностно первенство отдано земле. (Словами поэта и кабалиста рабби Шломо Алкабаца – «то, что венчает деяние, первенствует в замысле».)

Но о чем все-таки шел спор между Домом Гилела и Домом Шамаля?

Êtîm è:âîèè èjèîî àdèi ài ò

Можно двояко понимать желание Бга обрести обитель в нижних мирах. Подход Гилела, разумеется, будет отличаться от подхода Шамаля в этом вопросе: одна школа, как уже говорилось, делала акцент на потенциально заложенном в той или иной сущности, другая – подчеркивала актуально данное.

Силач на чемпионате поднимает тяжелую штангу. Ученый, проверяя точность своих теорий, ставит эксперимент. Какова цель этих действий? Поднять пару сотен килограммов железа на пару метров над землей? Или заставить ртуть в термометре подняться на несколько делений? Конечно, нет. И то и другое проделано, чтобы установить реализованную в этих действиях истину: силу атлета или правомерность научной теории. Актуально явленное здесь не самоцель, но средство проявить потенциальное.

Под таким углом зрения можно увидеть и все творение в целом: мир создан Б-гом, чтобы быть выражением бесконечного потенциала Всемогущего. Мощность лампы определяется тем, насколько далеко виден ее свет. Гениальность выражается в способности объяснить самую сложную идею простому человеку так, чтобы он ее понял. Так же физический мир, в котором явлена Б-жественная истина, свидетельствует о бесконечности и всемогуществе Творца. Если Б-г истинно бесконечен, Его дух проникает всюду, достигая самых далеких окраин мироздания, где царят телесность и конечность. Если Б-жественная истина абсолютна, она может являть себя везде, даже в навязчивой «физичности» нашего существования.

Это взгляд на реальность, из которого исходит школа Шамаля. Что было первым в творении? Духовность небес. И душа, и Тора нисходят с небес на землю, но это – «нисхождение во имя восхождения» (Ликутей Тора, Балак, 73а): нисхождение, цель которого – проявить небесный потенциал

тех или иных сущностей. Материальный мир – это лишь арена для реализации задуманного Б-гом. Но согласно Его замыслу именно материальное должно служить выражению высших истин.

Рабби Исроэл Баал-Шем-Тов выразил эту мысль в формуле: «Б-г сделал духовное материальным; евреи делают материальное духовным». Когда еврей исполняет заповеди – то есть волю Б-га – и вовлекает в этот процесс различные физические объекты, он одухотворяет материальное, возвышая его. Это процесс в направлении, противоположном тому, в котором Б-г творил мир. Б-г сперва замыслил духовный потенциал творения, а потом облек его в физическую реальность. Исполнение заповеди подразумевает такой контакт с сущностью материального объекта, при котором в вещи раскрывается ее духовная составляющая. В объекте словно пробуждается его Б-жественная сущность и функция, скрытая за материальной оболочкой. Именно поэтому физическое является производным от духовного, оно отражает духовное и свидетельствует о его бесконечности и интенсивности.

Но возникает вопрос: что для Торы реальней: потенциал вещи или ее актуальное состояние? Мудрец Шамай отвечает: потенциал. С его точки зрения, актуальное не имеет существенного значения: реален потенциал творения, выражающий Б-жественную истину, а временное бытие тех или иных сущностей – лишь «эксперимент», подтверждающий истину, скрытую за материальными объектами.

Ī dīñò ĭá ææëí èá

Дом Гилела с этим не согласен. Нужно ли Б-гу выражать Свой потенциал? И может ли существовать рациональное обоснование Его желания, побудительный мотив, заставляющий Его чего-то хотеть? Разумеется, нет. Если Б-г «захотел обители в нижних мирах», то это – Его желание. Желание это нельзя описать рационально, а тем более приписать ему какую-то причину и как-то его определить.

Б-г сотворил небеса и землю, потому что возжелал, чтобы Его воля, как она выражена в заповедях Торы, была исполнена нами, реализовалась в физическом мире через действия наших физических тел. Если это желание Б-га, то именно в нем самом, а не в чем-либо ином, заключается цель желания.

Когда мы исполняем Его желание, мы также доказываем бесконечность и всеприсутствие Его истины, однако суть не в доказательстве. Духовное, присутствующее в творении, – то есть потенциал творения, выражающий Бжественное, – существует, чтобы служить этому желанию, побуждая нас к соблюдению заповедей.

Так, согласно школе Гилела, именно актуальное, физическое состояние объекта определяет его статус. В конечном итоге, цель Творения (и функция Торы) не в том, чтобы «одухотворять» материальное существование, а в том, чтобы материальное существование служило исполнению Б-жественной воли. Все прочее имеет лишь вторичное значение.

Áúòüèèè ĭáò

Эти два взгляда на мироздание нашли свое отражение в другом философском споре, который вели между собой школа Гилела и школа Шамаи.

«Два с половиной года Дом Гилела и Дом Шамаи вели спор. Одни говорили: “Лучше человеку не быть сотворенным, чем быть сотворенным”; другие же говорили: “Лучше человеку быть сотворенным, чем несотворенным”» (Эрувин, 13б).

Прежде чем душа человека соединится с телом и обретет физическую идентичность, она является сугубо духовной сущностью: у нее отсутствуют «эго» и индивидуальность, и ее бытие можно определить только как выражение высшего источника, из которого она берет начало.

Поэтому с позиции Шамаи душе лучше было бы не соединяться с телом и не становиться «человеком». Если, как настаивает Дом Шамаи, наша миссия заключается в освобождении человека и мира от их материальной природы, то изначальное состояние души до ее воплощения в тело – это самое совершенное состояние. Воплощение же, воистину, есть нисхождение, а значит, удаление от истинной сути.

Душа наделяется телом во имя осуществления Б-жественной цели творения. Но сама эта цель определена как усилие, направленное на восстановление изначальной духовности самой души и мира в целом. Поэтому материальное не обладает какой-либо существенной ценностью: все сущее – это лишь «испытательный полигон», на котором Б-жественный потенциал, присущий душе и тварному миру, проявляет себя, нисходя в мир телесный, чтобы затем вновь вернуться к духовному бытию.

По учению Дома Шама, цель творения заключается в «преодолении материальности». Всякую заповедь можно рассматривать как упражнение в отказе от себя, ибо сказано: «подчини свою волю Его воле» (Поучения отцов, 2:4). Посредством «отказа от себя» человек возглашает Б-жественную истину, что «нет другого, кроме Него» (Дворим, 4:35) и все сущее в этом мире лишь затем, чтобы служить Творцу. По Шамаю, мир устроен так, что человек сотворен для «развоплощения» себя; дух облекается в материю лишь затем, чтобы вновь вернуться к несубстанциональному состоянию.

Ḍīæāāí íúé áúòü

Школа Гилела утверждала, что «лучше человеку быть сотворенным».

Несомненно, душа в ее невоплощенном состоянии духовнее, чем когда она «нагружена» материалистическим «эго» и характером, связанными с телесным существованием. Несомненно, сфокусированное на себе человеческое «эго» менее приспособлено к выражению Б-жественной истины, чем лишенная болезненной «самости» душа до воплощения в теле. Однако только через «нисхождение» к телесному бытию и индивидуальности душа человека может обрести особую, «насыщенную» связь с Творцом, в основе которой – исполнение Его воли.

Это и есть «обитель в нижних мирах», которой возжелал Б-г. Речь не о том, чтобы обрести обитель в мирах, находящихся ниже в иерархии и последовательности Творения, не о трансформации низших миров в миры высшие, а об обретении обители в нижнем мире как он есть. Конечная цель творения реализована именно в физической реальности – в таких ее качествах, как «физичность» и реальность, и прежде всего реализована в человеке. Б-г пожелал, чтобы этот «низший» мир, оставаясь таким, каков он есть, «приветил» Его и стал обителью Его истины.

В «актуальной перспективе» школы Гилела функция заповедей заключается в том, что они вовлекают физическое творение в исполнение Б-жественной воли. Более того, «обитель Б-га в нижних мирах» означает нечто большее, чем физические действия и материальные сущности, связанные с процессом исполнения заповедей. Подразумевается, что физическое (то есть те черты, которые делают физическое бытие нижним уровнем бытия) по самой своей сути призвано служить этой цели. «Эго», индивидуальность, гордыня – все, что противоположно приятию душой Б-жественной истины, становится силой, подталкивающей нас к строительству мира, желанного Б-гу.

Öñò íé:éāā í ḏí òéāí íñò āāēāí èā

Какой взгляд на мир – Шама или Гилела – следует принять нам?

Как мы должны воспринимать реальность: как потенциально возможное или актуально явленное? Что первенствует в «малом мироздании» (Мидраш Танхума, Пкудей, 3), которым является человек, – небо или земля?

Должны ли мы прежде всего видеть в нашем мире дух или материю? Должны ли мы придавать серьезное значение материальным требованиям, которые предъявляет нам жизнь, или видеть в них испытание нашей духовной целостности? Должны ли мы стремиться к самозабвению, или нам следует думать о конструктивном приложении своего эгоизма?

«И то и другое – слова Б-га живого».

Когда речь идет о том, сколько свечей надо зажигать в первый сочельник Хануки, мы можем соотносить количество огней либо с потенциальным числом дней праздника, либо с актуальным

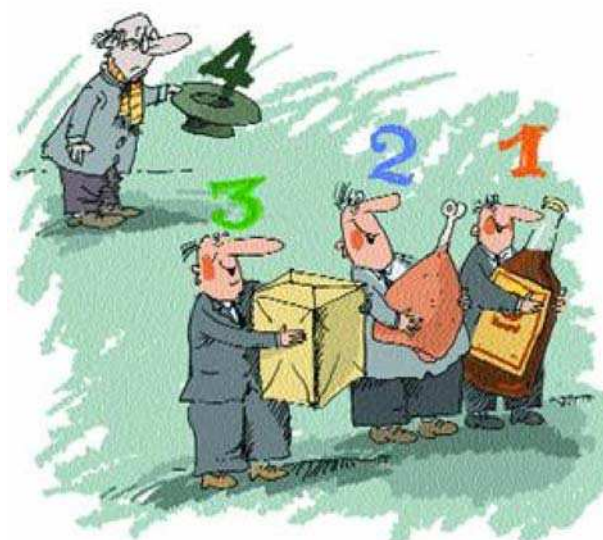
праздничным днем. Но мы не можем делать то и другое разом. И тогда мнение большинства дает нам алоху.

Но когда речь о том, как нам относиться к самим себе, миру и нашей роли в нем, над нами не довлеют эти ограничения. Мы можем совмещать подход Шама и подход Гилела: и то и другое мнения соответствуют Торе; и то и другое – часть Б-жественного замысла.

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2004 СИВАН 5764 – 6 (146)

ПОМНИТЬ О ЧЕТВЕРТОМ

Апрельское солнце быстро расправилось с остатками зимы, превратив последние сугробы в веселые ручейки, особенно радостные на городском асфальте. И когда с легким сердцем садишься к вечернему телеэкрану, душа отдыхает при виде весеннего пейзажа, озвученного напевами, предвещающими – вот-вот – майское торжество природы. А если в кадр попадает затопленная деревня, дорога, уподобившаяся реке, душа не желает их воспринимать. Человеческая натура изначально привередлива и предпочитает то, что ей импонирует. На городских улицах люди замечают веселую нарядную молодежь с мобильными телефонами. Бедно одетые не попадают в поле зрения. Мысль о беспримерной поляризации нашего общества не желает удерживаться в сознании.

Человек по природе своей фильтрует впечатления, предпочитая, как правило, приятные глазу, умиротворяющие. Официальная информация идет навстречу. Протокольные улыбки собеседников воспринимаются как норма. А вот бомж в своем рванье...

За века многосложной истории евреи привыкли верить собственным глазам и ушам куда больше, чем словам, звучащим со стороны. Эта вера предполагает долю недоверия к так называемой официальной информации. Особенно, когда дело касается уровня человеческого существования.

По статистике, четверть населения России живет за чертой бедности. И об этом никто не смеет забывать! Особенно тот, кто и знать не знает об этой черте. Для кого поляризация – нечто сомнительно-отвлеченное. Словно проблема человеческого существования на Марсе...

Благотворительные еврейские организации немало делают, стремясь не допустить людей до рокового рубежа. Но само его наличие, неоднократно подтвержденное официально, не позволяет трем благополучным отмахиваться от четвертого, обреченного на нищету. Не позволяет даже в том случае, если этому четвертому перепадает кое-какая помощь. Его право на эти крохи не относится к чему-то исключительному и не заслуживает благодарности.

Таков национальный и человеческий долг трех благополучных, обязанных не просто помнить о четвертом, но и постоянно ощущать собственную ответственность за его участь.

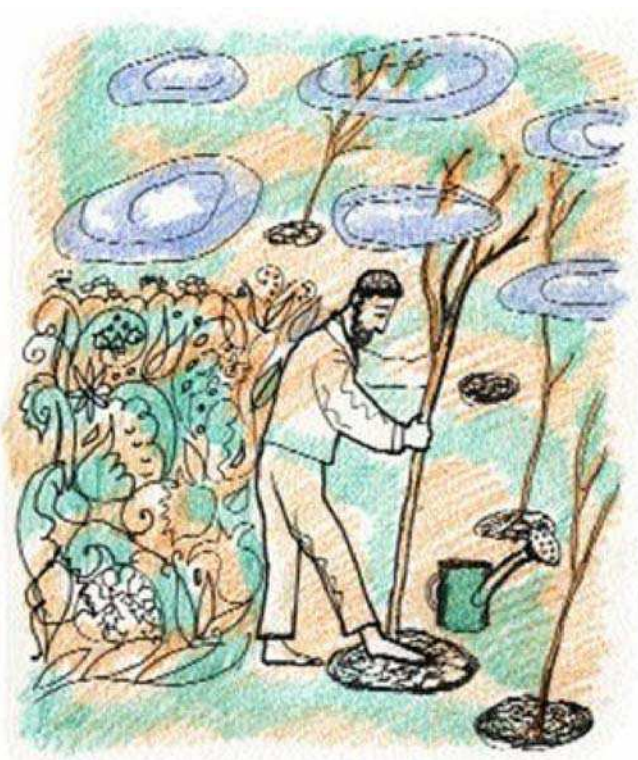
ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2004 СИВАН 5764 – 6 (146)

ЧТО ТАКОЕ МИЦВА БЕЗ ЛЮБВИ?

Nei Yi Aselelumi

Большинству из нас знакома рассказанная в Талмуде история о человеке, попросившем мудрого Гилела обучить его всей Торе, пока тот стоит на одной ноге. В ответ Гилел процитировал главный закон Торы: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступили с тобой. В этом – вся Тора, остальное – всего лишь комментарий».

По сути дела, Гилел говорит: вся Тора – завет любви, любви к ближнему.

Звучит достаточно просто. Но, если вдуматься, слова Гилела озадачивают. Каждый, кто знаком с Торой, знает, что большинство законов Торы как будто прямо не толкуют о любви. Например, законы о кошерной еде, о молитве, о храмовых приношениях, законы о чистом и нечистом не имеют прямого отношения к теме любви к ближнему.

Эту тему трактуют только те законы, которые касаются отношений между людьми. Например, люби своего ближнего! Твори милостыню! Оказывай гостеприимство! Навещай больных! Впрочем, и другие законы о том, что люди должны быть добрыми и щедрыми, – тоже о любви.

Так что же имел в виду Гилел, говоря, что вся Тора – о любви?

Рабби Шнеур-Залман из Ляд в главе 32 своего классического труда «Тания» дает следующие объяснения. Тора полностью нацелена на то, чтобы провозгласить: душа – выше тела, дух – выше материи, качество – главное количества. И тем самым основная цель Торы – продемонстрировать миру Б-жественную сущность. Не физические желания и телесные нужды должны быть двигателем нашей жизни, а душа. Тело же должно быть только средством для осуществления этой цели.

Какова сущность подлинной любви: могут ли два разных человека бескорыстно, самоотверженно любить друг друга, когда у каждого из них имеются свои собственные потребности и интересы?

Да – могут! Потому что любовь – это преодоление самостоятельного существования, вытекающего из нашей материальной сущности, это – соединение наших духовных «я». Только когда дух возьмет верх над физической сутью, когда душа будет первична, а тело – вторично, только тогда станет возможна подлинная любовь.

Почему же достичь подлинной любви удастся лишь тогда? Попытаемся разобраться.

Первый физический закон гласит: все материальное по природе своей должно занимать какое-то место во времени и пространстве. В силу действия этого закона исключена возможность того, чтобы место одного физического тела или существа в тот же самый момент занимало другое тело. Для того, чтобы ты мог сесть на мое место, я должен освободить его. Так же – если ты поделишься с кем-то своей едой, то у тебя самого еды станет меньше.

Духовность же, наоборот, благодаря своей природе способна преодолевать физические границы во времени и пространстве. И именно духовность дает возможность двум людям делиться всем имеющимся у них, чтобы пользоваться всем сообща, чтобы объединяться и любить без каких-либо условий и оговорок. По закону «духовной природы» у меня вовсе не станет меньше, если я поделюсь с вами: практически у меня станет больше!

Таков смысл слов Гилела: любовь к ближнему – в этом вся Тора! Гилел объясняет нам природу любви и Торы. Такая любовь – отнюдь не нарциссизм, и уж тем более – вовсе не эгоистическое удовлетворение своих собственных желаний. Любовь – трансцендентальна, любовь – это господство духа над материей, души – над телом. И вся Тора – именно об этом: о любви друг к другу. О любви, являющейся утверждением превосходства объединяющего нас духовного начала. О первенстве этого объединяющего духовного начала, над телами, которые нас разъединяют.

Слова Гилела имеют далеко идущий глубинный смысл: человек не может воспринять Тору, если у него нет любви. Технически вы можете выполнять все предписания Торы и совершать мицвоис, но при этом дух Торы, как и любовь и тепло, которые она рождает, – ускользнут от вас. Мицва без любви – пустой оксиморон, потому что всякая мицва – это любовь. И если какая-то мицва выполняется не рожденной любовью к ближнему, то это нарушает повеление Б-жье.

Рамбан объясняет, что нам особенно строго запрещено гневить Б-га во имя Торы, творить зло во имя Торы.

Каждая мицва, творимая человеком другому человеку, или мицва, касающаяся отношения человека к Б-гу, должна учить нас становиться менее эгоистичными, более духовными и чуткими. Так, например, благодаря Г-спода в молитве перед едой, в этот миг мы признаем, что еда – не акт самоудовлетворения и что мы питаемся не только для поддержания своего физического существования. Еда должна быть актом самосовершенствования. Ибо энергию, рождаемую пищей, мы используем, чтобы стать более деятельными, более способными к созидательному труду, к творчеству.

Также и Шабос побуждает нас признать, что после шести дней, в течение которых мы были поглощены заботами о материальном, необходимо утвердить господствующую роль духовной жизни.

Каждая мицва должна делать человека более теплым, более любящим существом, должна учить нас признавать Всемогущество Г-спода и через эту мицву устанавливать связь с Ним. Каждая мицва утверждает главенство духа, позволяя любви проникать во всякий аспект нашей жизни, наполняя ее любовью – и когда мы спим, и когда просыпаемся, и когда принимаем пищу, и когда любим, трудимся или играем.

Наша главная задача – понять, что любовь к Торе и любовь к Б-гу означают любовь к ближнему. Это – одно и то же! Творя мицвы от чистого сердца, из любви к ближнему, мы тем самым в конце концов укрепим свое духовное «я», свою душу, которая не покинула мир любви.

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2004 СИВАН 5764 – 6 (146)

ИЮНЬСКИЕ НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

ÑÒÐÎ ÈÒÀËÛÑÒÀÎ ÁÂÐÂËÑËËÕ ÎÁÛËÎ

29 марта в Анапе торжественно открыли стадион для мини-футбола. Член еврейской общины Борис Невкипелов пожертвовал под него собственный огород размером в тысячу квадратных метров. За воротами установлена девятиметровая сетка, а по периметру размещены мощные прожекторы, позволяющие играть ночью. Еврейский лидер города Иосиф Рогельберг отметил, что в строительстве стадиона участвовала вся община. По мнению владельцев стадиона, затраты окупятся в первый же курортный сезон, начинающийся в мае. На стадионе уже прошел матч по мини-футболу между командами еврейской и армянской общин.

Ñ. Èààîæîëàÿ

Ï ÁÐÂÂÇ ÁÂÐÂËÑËËÇ ØËÎËÀ

Учащиеся екатеринбургской еврейской гимназии «Ор Авнер» стали участниками конкурса «Моя школа в Екатеринбурге», посвященного 280-летию юбилею екатеринбургского образования. 280 лет назад по указу основателя города Василия Никитича Татищева при екатеринбургском заводе открылась первая арифметическая школа. В конце XIX – начале XX веков здесь была довольно большая и сплоченная еврейская община, члены которой старались дать детям хорошее образование. Однако нынешняя еврейская общеобразовательная гимназия и детский сад «Ор Авнер» с квалифицированными педагогами и классами, оборудованными по последнему слову техники, стала первой еврейской образовательной школой со дня основания Екатеринбурга.

ÀÀÎ

ÁÂÐÂËÑËËË ÎÁÛËÎ ÎÛË ÕÀÎ ØÐÂ ÁÐÂÀÎ ÈÒÀ

На строительстве здания еврейского общинного центра Хабаровска началась укладка гранитного камня. Главный раввин города Яков Снетков особо подчеркнул, что «огромную помощь в строительстве центра оказывает Попечительский совет хабаровской

еврейской общины. Член Попечительского совета, директор “Промкомплекса-2” Владимир Фридман доставил гранит для еврейской общины из собственного карьера. В июле мы планируем установить двери и надеемся, что в сентябре состоится открытие общинного центра».

Y. Oeoi ai

Í ÀÓÈÀ È ÐÀËÈÁÈß

8 апреля прошла встреча «за круглым столом» педагогического коллектива брянской еврейской школы «Ор Авнер» и руководства иудейской религиозной общины Брянска на тему «Формирование мировоззрения учащихся». Как сегодня преподавать в школе тему «Наука и религия о возникновении жизни на Земле и происхождении человека»? Сообщения сделали председатель общины кандидат медицинских наук Николай Ривкинд и раввин Брянска Ицхок Ройтман, а также учащийся ешивы из США Борух-Шолом Островский. Свои мнения высказали и педагоги во главе с директором школы Галиной Комаровой.

Такие «круглые столы» было решено проводить регулярно и обсуждать на них важные вопросы, зачастую не имеющие однозначных ответов.

Ü. Deaeia

ÁÎÑÑÒÀÍÍÁËÁÍÈÁÈÌÁÍÈ

*Íñáííþ í èíóóóáá ããã á ááááéééþ íáíéíó óáóéáí óà íáááóéééíý Ýáóáóá Íñéáðíáé-
Íóáðíáééé ñ íðíííáé íéááóóü ñááéééóáéá á ííéééáó çáðíðíáééý áá óáóé Ðíçáééé Áðíííáíí
Èáíéáí, ííðíðíáííé á1938 ááó íá óáóéáí ðíéíí ééááééüá Áíðééííéá*

В рамках программы сохранения еврейских кладбищ в общине с 2001 года проводился учет захоронений на одном из старых кладбищ Ташкента – Боткинском. На этом кладбище захоронения, как правило, датируются 1937–1945 годами. В основном здесь похоронены члены еврейских семей, эвакуированных из Польши, Белоруссии и Украины во время второй мировой войны. Работа осложнена тем, что многие захоронения разрушены и имена усопших восстановить практически невозможно. Как всегда, помог случай: при проведении реконструкции здания ташкентской синагоги были обнаружены старые учетные книги 1940-х годов, в которых перечислены все похороненные на этом кладбище. Сопоставляя имена из этих книг и данные последнего учета, проведенного на кладбище, удалось восстановить имена десятков людей, ранее считавшихся неизвестными.

Так произошло и с тетей Э.О. Ошеровского. В течение двух месяцев он вместе с сотрудниками общины анализировал старые записи и современные данные, в результате чего удалось точно определить место захоронения. Одновременно появилась возможность идентифицировать еще более десяти захоронений.

Кладбище Боткинское находится в очень плохом состоянии. Еврейская община обратилась ко всем бывшим жителям Ташкента с просьбой оказать содействие в его срочном восстановлении.

ÁÁÍ

Í ÁÑÒÈ ÁÍÁÐÍ È ÈÐÁÍÁÛ

*Íñáíé ááááééééé íáíéííéé óáíð íðéðíéíý íá ñááóá Íðééáí íý, á Ááááçéééáá. Ýóí
ñáííóéá áíçáéí çíá:éóáéíííé íáíáíóááíííé éíóááí áéý áá ñáááíáééý íðéáíééé æóðíáééíóü éç
ááçáó «Ááááçéééé áá:áðíéá», «Ááááçéééíáééé óááí:éé», á í áíðííá óáááééáí éá ðáíéáçáéí í íáí á
áá:áðíééé é óóðáííéó ííáííóýá*

В церемонии открытия центра приняла участие начальник управления культуры городской администрации Ольга Власко, которая подчеркнула, что Березники – город многонациональный и многоконфессиональный и каждая народность должна сохранять свои обычаи и культуру. Поэтому с прошлого года в Березниках начато проведение дней национальных культур, ведь каждая культура по-своему прекрасна. От лица администрации города она приветствовала открытие еврейского центра, пожелала успехов в возрождении и развитии традиционной еврейской культуры и выразила надежду на плодотворную совместную работу.

Раввин Залман Дайч прикрепил мезузу к входу в общинный центр. Он сказал: «Когда мы начинали работать в Перми, почти никто не верил, что у нас что-то получится. Прошло меньше трех лет, и сейчас пермская община насчитывает около тысячи человек, открыты еврейская школа и детский сад, организуется летний отдых детей, отмечаются все еврейские праздники, начал работать проект сотрудничества еврейской общины с детскими домами. Наша главная задача – нести в этот мир добро и любовь к человеку. Я верю, что в новом центре начнется настоящая еврейская жизнь для людей пожилых и среднего возраста, для детей и молодежи. В мире нет случайностей, все взаимосвязано. Я верю в человека, верю, что Б-г поможет нам».

י. דוסי א'י

ДОМ ВЕЧНОСТИ

*4 א'י דאָעו א'י דאָאַאַאַדע י אַעפֿאַ אאאאאעאָ אַדאָאַאעאָ יאַועיאַ י'דאָאַאַ אַי'נעדאָאַי עע י'י אַא'דעאַ
ע אַעאַאַ'אָ'אָ'ע'אָ'אָ עע'ע'אָ'אָ'ע'אָ אאאאאע'אָ עאַאַאַע'אָ, יאַי יאַ אַע'אָ'אָ'אָ אַ דאַ'אָ'ע'ע'ע'אַ אַע'ע'פֿ
י'דאָ'אָ'ע'אָ'ע'ע' אַי'אָ'ע'אָ'ע' אאאאאע'ע'ע' י'דאָ'אָ'ע'אָ'ע'ע' ע יאַועיאַ י' יעאַאַע'ע' ע אַעאַאַ'אָ'אָ'דע'אָ'ע'אָ'אָ י'ע' אַ'אָ'ד
ע'אַ'אָ'ד» («I'ò i'f'e'f'e'f'e'f'e' è i'f'e'f'e'f'e'f'e'f'e'»).*

Воскресник стал первым в череде намеченных мероприятий, посвященных приближающейся печальной дате – 101-й годовщине Кишиневского погрома 1903 года и Дню памяти жертв Холокоста.

Всем волонтерам, пришедшим на кладбище «Бейс а-алмин» («Дом вечности»), раздали необходимый инвентарь. Работа предстояла непростая, за пару часов не справишься. Наравне со всеми трудились председатель Ассоциации еврейских организаций и общин Семен Шойхет с супругой, директор Израильского культурного центра Боаз Розенцвайг, глава фонда «Дор ле-Дор» Владимир Ягубец, видные еврейские предприниматели города, активисты общинного культурного центра,

работники Еврейского агентства. Особенно споро дело шло у ребят из кишиневских еврейских школ № 15 и № 22. Подгонять их никому не пришлось – напротив, взрослые старались не отстать. Многие брали специально привезенные гладкие камни, чтобы по обычаю положить на обихоженные могилы родственников.

За день было убрано несколько десятков захоронений, приведена в порядок главная аллея, вывезен многотонный самосвал с мусором.

В перерыве руководитель фонда «Дор ле-Дор» сделал важное сообщение о том, что уже вышел сигнальный экземпляр долгожданной книги-мортиролога с тем же названием, что и у старого кладбища – «Бейс а-алмин». Вскоре будет готов тысячный тираж самого полного описания места последнего упокоения. Книга – почти в 300 страниц, в твердом переплете, на хорошей бумаге, с цветными и черно-белыми иллюстрациями, картой кладбища, алфавитным справочником – создавалась более года. В ее основу легло прежнее, далеко не столь полное справочное издание благотворительного фонда – альманах «Некрополь».

«Первое издание было приурочено к 100-летию Кишиневского погрома и к созданию нашего фонда, взявшего на себя заботу по восстановлению старых еврейских кладбищ республики, – рассказал Владимир Ягубец. – Теперь мы подводим итоги работы за год. А это перечень 23 400 могил, из которых идентифицированы 16 тысяч».

Директор «Дор ле-Дор» добавил: «Задумка такая: чтобы в каждой еврейской семье книга передавалась от поколения к поколению. Как реликвия и символ памяти. Чтобы внуки и правнуки, если даже они не будут жить в Молдавии, всегда могли найти могилу предков. Желающих иметь книгу не только у нас, в Молдавии, но и в Израиле, Германии, США уже немало. Все вырученные за издание средства пойдут на восстановление “Бейс а-алмин”».

А. Оаòîòèíá

НАПАДЕНИЕ ВАНДАЛОВ НА СИНАГОГУ

10 апреля в синагоге Нижнего Новгорода неизвестными лицами был совершен акт вандализма. В 18 часов в здание был брошен обрезок трубы, попавший в ограду, а в 1 час ночи в сторону синагоги полетели три бутылки с битумным лаком и другими ядовитыми веществами. Одну из них злоумышленники метнули в тот момент, когда в дверь проходили живущие в гостиничном помещении практикантки, что нанесло серьезный ущерб их здоровью. С делом ознакомлены дознаватели Нижегородского РОВД.

Ÿ. Оаòòáííáá

Ì ÁÆÄÓ ËÁÍ ÈÍ ÛÌ È ÆÈÒËÁÐÌÌ

22 апреля в 15:20 по местному времени группа хулиганов ворвалась в здание Ульяновского еврейского общинного центра. Выкрикивая фразы: «Мы хотим знать наших врагов в лицо!», «Жида, не топчите нашу землю!» – они стали срывать, рвать и топтать флаги еврейских организаций. В здании были разбиты окна. К счастью, на этот раз никто из членов общины не пострадал.

Наверняка это не последняя выходка антисемитов. В ближайшем будущем «скинхеды» пообещали вернуться: они видели плакат, приглашающий членов общины на празднование Дня независимости Израиля. Община принимает все возможные меры по предотвращению нападений.

Еврейский центр регулярно подвергается нападениям антисемитов. В таком положении и при соблюдении повышенных мер безопасности ульяновские евреи живут уже несколько лет.

Два года назад был зверски избит заместитель председателя ульяновской еврейской общины Александр Голынский. Весной 2001 года надписями антисемитского содержания были изрисованы стены ЕОЦ. В 2003 году было совершено несколько нападений на молодых активистов общины, которые получили серьезные травмы. Зимой прошлого года так называемые «скины», вооруженные цепями и дубинками, разбили окна в здании общины. Позже среди бела дня были украдены две видеокамеры наружного наблюдения.

А местная газетенка «Православный Симбирск» обвинила евреев в убийстве христианских младенцев. К сожалению, суд не усмотрел в этих действиях признаков разжигания межнациональной розни. Даже в ходе предвыборной кампании в городе появлялись плакаты-карикатуры, изображавшие евреев, рвущихся к власти!

Зимой этого года было совершено очередное нападение на еврейский общинный центр, когда более 15 бритоголовых, выкрикивая лозунги антисемитского содержания, пытались совершить непристойные действия.

Не пора ли поставить точку?

È. Îäëääî

ÎÁÏÎÄËÄËËÒÇÄÄÄÎË

18 апреля в зале администрации Ворошиловского района Волгограда собрались более 250 евреев города-героя, чтобы вспомнить о Катастрофе. Со словами сочувствия и поддержки к ним обратился начальник отдела национальных отношений Комитета по делам национальностей и казачества администрации Волгоградской области Олег Бородин. Он говорил о том, что память Холокоста объединяет людей всех национальностей.

Кадровый офицер, ветеран войны Моисей Израилит поделился своими воспоминаниями об освобождении концлагеря Майданек. Раввин Волгограда Залман Йоффе прочел поминальную молитву по жертвам, в том числе и по тем, чьи имена не известны. На черных полотнищах, висевших на стенах, были написаны имена 660 волгоградцев, сгоревших в огне Холокоста.

Однако самое сильное впечатление на собравшихся в зале произвел спектакль «Неоконченная сказка», показанный учениками школы «Ор Авнер». Эмоциональный рассказ о трагедии еврейского народа буквально заставил рыдать всех – и старых людей, и детей!

Евреи Волгограда вместе с евреями всего мира почтили память погибших минутой молчания...

ע. חאעעטלא

וְיִזְכֹּר ה' אֶת־יְהוֹשֻׁעַ בְּנֵי־יִשְׂרָאֵל אֲשֶׁר־יָצְאוּ מִן־מִצְרָיִם

Главный раввин России Берл Лазар призвал всегда помнить героев восстания в Варшавском гетто и благодарить Праведников народов мира. Об этом говорилось в обращении, распространенном 21 апреля информационными агентствами России. Символично, что День Катастрофы и героизма отмечается сразу же после праздника Пейсах, символизирующего освобождение из рабства, подчеркнул раввин Берл

различных аспектах жизни российской еврейской общины.

В частности, он коснулся вопросов безопасности и подчеркнул, что «люди почувствовали себя намного более уверенно, даже несмотря на теракты, чем во многих других городах мира».

В интервью он привел некоторые цифры, характеризующие демографическую ситуацию в российском еврействе, которые существенно отличаются от общепринятых. Так, по мнению раввина Берла Лазара, результаты переписи не отражают реального положения дел. «Мы не знаем точно, сколько евреев живет сегодня в России, – сказал он, – но уверены, что их намного больше, чем миллион, – может быть, даже два миллиона...Естественно, что многие были шокированы результатами переписи, показавшей, что в России осталось всего 230 тысяч евреев. У нас почти столько же зарегистрировано только в Москве, а ведь развитие общины есть и в других городах: в Петербурге, Новосибирске, Владивостоке, Хабаровске!» При этом лидер российской еврейской общины подчеркнул, что для него как для раввина не столь уж интересна общая численность евреев – «важнее, сколько из них живут настоящей общинной жизнью: отмечают праздники, отдают детей в еврейские школы, соблюдают обычаи народа».

Раввин Берл Лазар полагает, что в количественном отношении Москва, без сомнения, остается «самой еврейской» из европейских столиц. Однако что касается насыщенности еврейской жизни, то здесь и, например, в Париже, Лондоне, даже в Милане или Брюсселе существуют заметные различия. «Там жизнь евреев кипит: на каждые два квартала есть синагога, еврейский центр, школа, магазин кошерных продуктов, а у нас пока все находится на начальном этапе». Впрочем, по мнению главного раввина, все говорит о серьезных перспективах развития еврейской жизни в российской столице.

И вновь, возвращаясь к количественной оценке, главный раввин России приводит сенсационные цифры, утверждая, что «число евреев в Москве точно переходит за 500 тысяч, а может быть, доходит и до миллиона». «Достаточно посмотреть на фамилии, – продолжает он. – Когда взорвали дом на Каширском шоссе, мы отбирали жившие там еврейские семьи, чтобы им помочь с организацией похорон в соответствии с еврейской традицией, и нашли целых тринадцать, при том, что дом был сравнительно небольшой. Может быть, люди не афишируют свою национальную принадлежность, но про себя-то знают, что они евреи».

При этом раввин Берл Лазар подчеркивает, что к высказываниям израильских должностных лиц с призывами о репатриации в Израиль он относится неоднозначно: «В детстве я жил в Италии. Говорить, что там евреям живется лучше, чем в России, было бы неверно. Тем не менее никто не приезжает в Италию и не предлагает итальянским евреям уезжать в Израиль. Этого не говорят даже во Франции, хотя уровень антисемитизма там намного выше, чем в России, потому что понимают, что французская еврейская община живет своей полноценной жизнью и тот, кто хочет, уедет сам».

В России, полагает Берл Лазар, это все еще происходит по инерции. Но в то же время он считает: «Если кто-то из евреев становится репатриантом сегодня, то для нас это большая радость. В отличие от советских времен он не бежит из России, а поднимается к Израилю, переселяясь под воздействием религиозных мотивов или душевного порыва».

По данным раввина Берла Лазара, за последние два с лишним года количество репатриантов составило чуть более 10 тысяч человек, что по отношению к предыдущим годам совсем немного. В то же время согласно данным еврейской общины, за последние два года в Россию из Израиля уехало 50-60 тысяч человек. Кроме того, многие оставили себе израильский паспорт, приехав сюда по гостевым или рабочим визам, и живут здесь по году, а то и больше. Понятно, что многие возвращаются из-за проблем, которые сегодня переживает Израиль, но, к счастью, эти люди видят, что могут жить и в России, ничего не теряя, и даже чувствуют себя лучше: у них есть перспективы для бизнеса, их дети могут продолжать учиться в еврейских школах и т.д.

Главное, считает лидер российской еврейской общины, что евреи сами делают свой выбор: «Хочет уезжать – пусть уезжает, хочет возвращаться – пусть возвращается. Мы не можем указывать человеку, где ему жить. Мы хотели бы только, чтобы жизнь евреев была наполнена смыслом и чтобы они жили в соответствии с традициями своих предков».

Говоря о проблеме антисемитизма, раввин Берл Лазар подчеркнул, что сегодня в России этого зла гораздо меньше, чем во Франции и во многих других европейских странах. Количество антисемитских инцидентов сегодня сократилось в два-три раза по сравнению с прошедшими годами. В то же время существует около 70 газет, которые пропагандируют национальную рознь, особенно в

отношении евреев. Впрочем, по его мнению, государство достаточно эффективно оказывает противодействие антисемитам; во всяком случае, недавно появился закон, который проводит черту между хулиганством и антисемитизмом и предусматривает ответственность за неонацизм. В этом раввин Берл Лазар усматривает значительную перспективу. Он подчеркивает также, что на государственном уровне антисемитизм в России исчез вообще. Еще пять-шесть лет назад губернаторы, депутаты могли выступить против евреев, но сегодня на официальном уровне такого уже нет.

Главный раввин России дал высокую оценку состоянию межрелигиозного диалога с традиционными конфессиями страны. «В отличие от остального мира, – сказал он, – в мусульманских регионах России вообще не чувствуется антисемитизма... Наши добрые отношения – пример для многих стран». На заседаниях Межрелигиозного совета России, по словам раввина, все вопросы решаются только на основе консенсуса. «Цель наших встреч – решать, как можно улучшить жизнь простого человека, как помочь ему вернуться к духовным традициям, напомнить о моральных ценностях, общих для всех нас», – подчеркнул раввин Берл Лазар.

Говоря об успехах в развитии общинной жизни евреев России, раввин Берл Лазар особо отметил работу по возрождению синагог. «Еще пару лет назад в России было четыре-пять городов, где находились действующие синагоги: Москва, Петербург, Ростов, Нижний Новгород. Сегодня число синагог выросло уже до сорока. Особенно радует то, что еврейская жизнь зачастую возрождается на периферии, причем буквально с нуля».

Другим важным аспектом деятельности является открытие общинных центров, которые включают и синагоги, и театры, и кафе, и библиотеки, куда люди могут прийти и получить ответы на многие волнующие их вопросы. Таких центров в России открыто уже почти пятьдесят, 22 из них открылись за последний год. По мнению раввина, такие центры сегодня являются самым успешным способом привлечения еврейской молодежи: «Создавая общинные центры, мы обретаем уверенность в том, что молодежь не станет искать развлечений на улице, не пристратится к наркотикам, а почувствует интерес к жизни внутри этих стен».

НАШ ДЕНЬ ПРИДЕТ

*14 ai'daay á I in'etani aad'eteni laue'itni ba'oda i'di'oaé e'it'edni ei'ba'ed'ia'it'ie
i'at'e, á ei'oidi'i i'de'iyee ó:ai'odeá ó:ai'eeé ai'ed'ani'úó aad'et'eeó o'e'té «Áááó» - I ÁI'Ó,
«N'te'ie'ie'eeé», «Éa'oi'do'i'at'», «Ú'ee'e'i'i», «N'te'ie'», «Á'i'at'ie' no'á'ee'i'i», «I'ú'oe'ue'»,*

«Eai oai eoi areay». Ii aieiaei eieoia eaeay oeiea aieeia aiea idaanoeou iaip, iiaiyuaiaiq i daai eeo I aiaa. E aae, e eo o-eoaei iia adaeia i aieaai iie ia oieuei m-eiee caiyoiua daeou ia iiaeydiua i deai, ii e iiaa oiaee idai e-ia eino pi u.

Участников конкурса и болельщиков приветствовал главный раввин России Берл Лазар. Он напомнил историю праздника, а затем рассказал притчу...

«Некая семья была очень бедной, а затем разбогатела после того, как отец семейства добился успеха в бизнесе. Но, даже став богачом, он считал своим долгом постоянно напоминать детям о том, что прежде они были бедными и что вокруг много нуждающихся, которым необходимо помогать. Прошел год, и в дом постучался бедно одетый незнакомец с сумой за плечами. Отца не было дома, но дети, помня его наставления, сказали страннику: “Проходи в наш дом, мы накормим тебя и дадим новую одежду”. Внезапно гость сорвал шляпу, закрывавшую его лицо, и дети увидели, что это их отец. “Ровно год назад мы перестали быть бедными. Я рад, что вы помните о нашем прошлом и о том, что надо помогать другим”, – сказал он, раздал детям подарки, которые лежали в его сумке, и устроил для них праздничный обед.

Aino oi eai ea o-ai eoiy aieoia i e oeiea «Eai oai eoi».

Через год, в тот же день, все повторилось: дети вновь не узнали отца в старой одежде и вновь предложили ему помощь, а он раздал им подарки и устроил пир. Так было из года в год, и дети привыкли к тому, что в их семье есть еще один праздник. Но вот дела отца разладились, и наступил день, когда ему не на что было купить еду своим детям. Когда он пришел домой – расстроенный, в обтрепанной одежде, – дети, сидевшие за столом, закричали: “Отец, мы помним – сегодня день нашего праздника, скорее раздай подарки и устрой для нас пир!” Посмотрев с жалостью на голодных детей, отец сказал: “Сейчас нам очень тяжело, но потом обязательно будет лучше. Наш день придет, и Б-г снова даст нам подарки”. Так и произошло – он снова смог достичь успеха, и его дети никогда не забывали о том, что необходимо помогать бедным, и о том, что даже в самую тяжелую минуту надо помнить: придет день, и Б-г снова даст чудесные подарки.

Когда-то в Египте евреи тяжело работали и голодали. Но потом они освободились и пришли в Израиль. Это было большое чудо. Нельзя забывать о том, что всякий раз в Пейсах совершается большое чудо, которому надо радоваться. На сейдере мы вспоминаем те времена, когда евреям было очень трудно, вспоминаем горький вкус рабства, чтобы лучше ощутить вкус свободы. И мы уверены, что скоро произойдет новое чудо, придет Мошиах, и тогда никто не будет болеть и не будет бедных.

Малыши слушали главного раввина России затаив дыхание.

Но вот начался конкурс. Ведущая Эстер Доргужеева рассказала о работе воскресных школ «Ахдут». А потом на сцену вышли «артисты» из школы «Сокол». Каждое выступление маленькие зрители сопровождали бурными аплодисментами. Школы «Водный стадион» и «Щукино» объединились и выступили вместе, исполнив песню «Мы пришли на Синай». А школа «Лефортово» приготовила песню на популярную мелодию из мультфильма «Бременские музыканты» – «Будем мы в пустыне жить богато...» Особенный восторг у зрителей вызвали дети из школы МЕОЦ, которые умудрились во время

исполнения одной песни, мелодия которой была «одолжена» у Верки Сердючки, показать целый спектакль о переходе евреев через Красное море.

Главный раввин России, глядя на малышей, которые вложили в исполнение всю душу, был очень растроган. Впрочем, каждое выступление оценивало строгое жюри во главе с руководителем сети еврейских воскресных школ «Ахдут» Симоной Мишуловин. В итоге победителями конкурса стали дети из школы МЕОЦ. Второе место досталось школам «Водный стадион» и «Щукино», а третье – школе «Мытищи».

Затем ребята посмотрели мультфильм «Иудейская молитва» режиссера Станислава Соколова. После просмотра началась вторая часть праздника – викторина по Торе и по истории еврейского народа. Надо сказать, что вопросы были очень сложными, но малыши отвечали просто блестяще. Параллельно в зале велось бурное обсуждение – каждый зритель спешил поделиться с другими своей версией ответа, но члены жюри строго следили за тем, чтобы не было подсказок. Победили дети из школы «Мытищи»; они получили ценный приз – часы с буквами ивритского алфавита вместо цифр. Второе место заняла школа «Водный стадион», а третье – школа «Сокольники». Все дети, участвовавшие в викторине, получили памятные подарки. В завершение праздника перед гостями выступил ансамбль «Цивей-а-Кешет», исполнивший праздничную композицию «Хаг Самеах».

Подводя итоги праздника, руководитель сети воскресных школ «Ахдут» Симона Мишуловин подчеркнула, что знания, которые дети получают в школах, были продемонстрированы блестяще.

À. Ààîéàéîâî

Ôîôî Ñ. Ñààè-

«ÑĬĂŒÈÒĂ ĂĂĚĂÒŪĂÎĂĐÎ» - ĂĚŒÈË ĬĐÎĂÎĚĂĂĂŒŦ

**3 i ay á Èáðññáèèi á ìíñòíýèáññi áèáññòáíðèòáèññi áý áèèèý: áðò-áí èá i àòáðèáèññi íè
 ìíi ìùè æáðòááì òáðáèòíá 16 ìáì áè ìíèò-èèè ìñáññòáá, ìáðáííúá íà áèáññòáíðèòáèññi úò
 èííòáðòáá, íðáíèçíááííúò áíñòííèèi èíi èòáòíi á ìíááðèèéó Èçðáèèý (ÑÒÁ). Áñá áèý
 íáíèíèèéó ìáì áè ìñáññòáá ìáðáèè ááðèè Ìííèè á òáì èáò áèèèè Áñáì èðííá èííáññá
 òñíèíýçí-ííá áðáèññòáá «Ñíáèèòá ááèòóíáíáðí».**

Áññòóí ááò ìðáññáòáèññi Èíi èòáòá ìíááðèèéó Èçðáèèý ÁÈÐÁ Õì óýè Áçáðñ

От имени русскоязычной еврейской общины Бостона выступил один из организаторов акции д-р Ариэль Борщевский, рассказавший, как желание помочь пострадавшим израильтянам сплотило людей в США. На благотворительных концертах с выставками-продажами картин художников из Бостона и Хайфы было собрано около 14 тысяч долларов. Как сообщила представитель Американской ассоциации выходцев из бывшего СССР Инна Аролович, за три с половиной года эта организация передала израильтянам, пострадавшим от террора, около 80 тысяч долларов.

Председатель Комитета поддержки Израиля ВКРЕ Шмуэл Азарх сказал, что евреи чувствуют любовь к Израилю, в какой бы точке мира они ни жили. «Жаль, что в данном случае поводом для проявления этой любви явились теракты, – подчеркнул он, – но для нас очень важна солидарность». Только за первые полгода проведения акции «Спешите делать добро» российским отделением ВКРЕ было собрано около полутора миллионов рублей, оказана помощь 40 семьям в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Афуле, Натании, а также жертвам террора в Москве, Кисловодске, Каспийске. На благотворительном концерте в российской столице, где выступили лауреаты и финалисты Международного конкурса и Фестиваля еврейского искусства «Золотая Ханукия», проведенного ВКРЕ, были собраны средства для пострадавших в иерусалимских автобусах во время терактов, произошедших в январе и феврале этого года.

У каждого пострадавшего своя история. Рахель Хундиашвили потеряла в теракте 29 января сына. Горе сломило пожилую женщину, она находится в очень тяжелом физическом и психологическом состоянии. В том же теракте погибла Хана Бондарь. Ее сестра Надя-Адина Росс, мать троих детей, взяла на воспитание двоих детей Ханы. «Мы сняли другую квартиру, рядом со школой, где учатся Шимон и Нехама, чтобы не травмировать детей новыми переменами, – рассказала она. – Дети получают помощь от государства, с ними встречается психолог, но, конечно, все это очень тяжело». Все присутствующие благодарили организации за помощь и подчеркивали, что, кроме материальной поддержки, для них очень важно знать, что о них не забывают.

Среди получивших пожертвования были три семьи израильтян – коренных жителей страны. Они особо подчеркнули свою благодарность русскоязычной общине, заметив при этом, что впервые получают помощь от общественной организации.

В. Õèí èáèññáðá

ÀÈÀÈÍÁ È ÁÇÀÈÌ ÍÍÍÍÈÌ ÁÍÈÁ - Í ÕÒÈ È Ì ÈÐÓ

*29 ai daey a'aa'it ue daaaei B'it'e Aad' E'aa'd i de'aa'oi i ue aey o-aa'ey a Aad'i aet'ei
ye'i'i e-aa'ei o'i'oi a a Aad'aa, a'u'oi ee i'aa' aa o-aa'ie'ei e. I a i'm'it'uo o'aa'eo i'aa'
i'aa'it ey i' da'ne'aa' AA'.*

«Главные вопросы форума касались расширения Евросоюза и его будущих отношений с Россией. Я сказал участникам, что самое главное для нас сегодня – это понимать, что для России расширение Европы несет позитивные последствия. Вместе с тем я считаю, что по целому ряду исторических, географических и политических причин отношения Евросоюза с Россией должны строиться несколько иначе, чем просто как с одной из европейских стран», – отметил главный раввин России.

По мнению раввина Берла Лазара, главная задача сегодня – это начинать выработать новую систему отношений между ЕС и Россией – в виде, например, экономического союза. «Мы надеемся, что это объединение облегчит взаимное сотрудничество не только в экономических, но и в целом ряде политических проектов, – подчеркнул он. – Мне кажется, что и наши народы, безусловно, сблизятся со временем гораздо больше и будут эффективно сотрудничать».

Главный раввин отметил также, что у России накоплен огромный опыт межнациональных отношений и Европе есть чему у нее поучиться. «Конечно, большинство европейцев исповедуют христианство, но в Европе также много мусульман и представителей других религий. Корень и источник всех религий один, и людей объединяют мораль и ценности, лежащие в основе любой религии. Путь, ведущий сегодня к миру, – это диалог и взаимопонимание», – сказал в заключение главный раввин России Берл Лазар.

В рамках Европейского экономического форума у Берла Лазара также состоялся ряд двусторонних встреч с политиками самого высокого уровня.

A. I'ore'ou'a

AADAE NIA: ADAI B I ADAI AI

Главный раввин Украины Азриел Хайкин, принимавший участие в работе форума, ответил на вопросы корреспондента Агентства еврейских новостей.

– Каковы ваши впечатления от конференции?

– Эта конференция важна не только для раввинов и не только для евреев, но для всех людей. Я был приятно удивлен тем, как много неевреев всерьез интересовались тем, что происходило на нашей конференции.

– Что изменилось в сознании евреев СНГ за последние 12-15 лет?

– Буквально все. Я был в России и на Украине 15 лет назад и могу сказать: между теми общинами и сегодняшними – огромная разница.

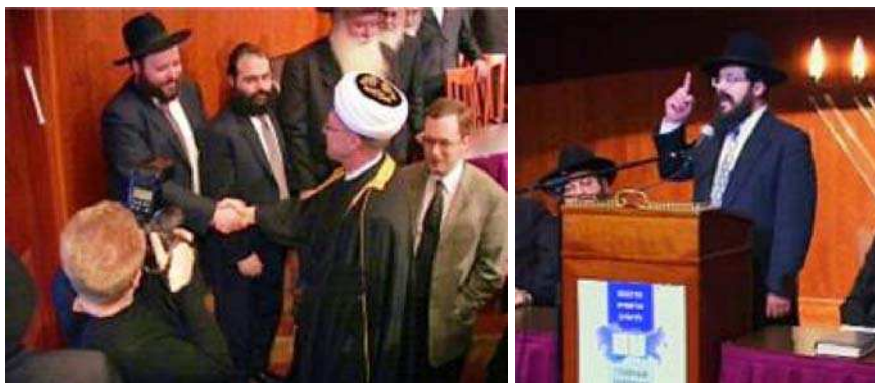
– Много ли еврейской молодежи, живущей на Украине, обращается сегодня к иудаизму?

– Смотря что понимать под словом «молодежь»... Например, дети, которые учатся в еврейских школах, многое знают и понимают, и это создает определенную атмосферу в их семьях...

– Не возникают ли в семье конфликты, если дети более религиозны, чем их родители?

– Нет. Как правило, родители тоже интересуются тем, что изучают их дети, и можно сказать, что они учатся вместе со своими детьми. Старые люди тоже многое знают и понимают. Но если говорить именно о молодежи и людях среднего возраста, то с ними необходимо еще много работать.

– Что вы хотели бы пожелать нашим читателям?

Конференция раввинов СНГ по проблемам еврейского религиозного права завершилась 29 апреля.

Комментируя ее итоги, главный раввин Центрального региона России, руководитель отдела образовательных программ ФЕОР Зеев Вагнер сказал: «В эти дни вместе работали практически все раввины из СНГ и стран Балтии. Это не конференция в обычном смысле слова, на ней никто не отчитывался о проделанной работе. Скорее ее можно назвать «мастер-классом». Шесть раввинов, специально прибывших из Израиля, – каждый из них крупнейший специалист в области религиозного права – проводили семинары для раввинов СНГ. Они касались разнообразных тем, в том числе такой, как использование современных технологий для облегчения выполнения некоторых заповедей, соблюдения кашруса, а также некоторых специфических проблем, таких, например, как еврейское ритуальное захоронение в условиях жизни в СНГ – ведь в России и странах СНГ еврейские кладбища разрушались в течение многих лет; в связи с этим возникает множество проблем, и главная из них – как совершить захоронение по всем правилам?»

«В конференции принимал участие раввин Леви-Ицхок Гальперин, глава иерусалимского Института права и технологии, – продолжал раввин Зеев Вагнер. – Раввин Гальперин рассказывал о том, как в Институте привлекаются новейшие достижения науки и техники для помощи верующим в соблюдении заповедей, как изготавливаются различные приспособления, облегчающие жизнь еврея в современном мире. В частности, в Институте разрабатываются медицинские приборы, которыми можно пользоваться по субботам, не нарушая при этом заповедей».

Главный раввин Украины Азриел Хайкин, принимавший участие в конференции, отметил: «Эта конференция важна не только для раввинов и не только для евреев, но для всех людей. Когда раввины могут свободно работать, они тем самым поднимают уровень своей общины. А когда еврейская община находится на высоком уровне, это поднимает духовный и экономический уровень города и страны».

А. Ашрафтай

ÈÑÒÏ ÐÈÈÈ ÀÑÃÕ ÑÒÐÃÏ ÎÃÕÃÈÏ ÈÈÈÑÛ ÎÃ ÎÃÑÕÃÈÛÏ ÎÏ ÑÃÈÃÃÃ

ÕÏ, ÷ÒÏ ñÈÏÃÏÃÈ ÈÏ àþò õáÏ òðàèÛÛ ÎÃ ÎÃçàÏ àÏ ÈÏ ÎÃ ÎÃÑÒÏ Ã ÈàæãÏÈ ààðèñÈÈÈ ÎãÛÈÏÃ - çÏããò ÈàæãÛÈ ààðãÈ. ÎñÏãÏÏÏ ãÏ ãðãÏ ÿ ïðãçÏÈÈÏÃ À ÈÏããã ã ãÏÈ ÏãÈÏãõã ïðòÏÏãÈÏÏÏ òãçÈàòÛÈç ãÏÏ ã - ÿòÏ ãÏÏãÛã õãèÿ ïðÏãèÏ ã! ÈãÈ ÈÏòãðÏÏÏ ïòÏ àòÈòÈòÛÏ ïãÏãèÛÛ ÛÈ ñãÈããð? ÃããÛ ããæã ñãÏ Ûã ãÏðÏãã ãÏòÈÏÈòÛ ïã ïããÛ ã-Èããþò ãÏçÏ ïãÈÏÏòÛÏ ïÈòãòÛÏÏ «ÈÏòãð Èã ïãÈÏãõ».

Вот и в этом году приехавшие на всемирный конгресс еврей-историки лихорадочно искали в Ереване выход из «положения». И выход, а вернее – вход на сейдер им указала Еврейская община Армении. За накрытыми столами в синагоге собрались «армянские» евреи, гости из Израиля, Англии, США, Канады и даже Филиппин. Поначалу ереванцы сконфузились... Но вот зазвучала традиционная еврейская мелодия и в мгновение ока все стали просто единой еврейской семьей. Пасхальная Агода, знакомая и близкая евреям всего мира, разрушила все препятствия в общении.

ÊÀÊÄÛË ÁÂÄË ÄÏËËÁ «ÂÛËÒË ËÇ ÁÂËÏ ÕÀ»

Ïòðòááÿ òíðåáíðááííð òáðáí ííêð á Ìíêòáíêòí áððáíêòí íáíêííí òáí òðá, ìííÿíáííð íá:áèò ìðáçáí íááíêÿ Ìáííðá á ðííêòíêòé áððáíêòé íáíêíá, áðáí ùé ðáááí ðííêé Ááðé Êáçáð íáçáé: «Ááðáé, áíêáÿ êç Ááíí ÕÀ, ...ááðééé ñáð ñááíò á ðéé Á-áíê, é ááíí áíêáé ìòòí áí Ëçðáéÿ ááðé ìòòíáéé ñáÿ ñááíáí ùí é. Ì ù áíêáí ù ñááíÿ íá òíêúêí áííí ìéòí íá ÿðéð ñááíòéÿ, Ì é ìðéíÿòú á ìéò ò:áíðéá - ÷òíá ìáæáúé êç íáí "áíòáé êç Ááíí ÕÀ" é ìòòéé ñáÿ íáíòíÿúéí ñááíáí ùí ááðáí ...»

Дай Б-г, чтобы Пейсах дал нам свободу не только в дни праздников, но и на будущее, на все дни в году! Дай Б-г, чтобы этот год был свободным годом, годом, в который сила Б-га решит все наши проблемы! Сегодня мы можем с гордостью сказать: “Российские евреи тоже чувствуют себя свободными, они могут весело и кошерно отмечать этот праздник – символ свободы, который дает нам еще больше сил и позволяет каждому из нас подняться все выше и выше. Мы идем по правильному пути, позволяющему нам встать на пути Свободы...

С праздником Пейсах! Дай Б-г, чтобы этот праздник был действительно кошерным и веселым для всех нас и всех евреев всего мира!»

После многолюдной торжественной церемонии состоялся сейдер, проходивший одновременно во многих помещениях МЕОЦ. Отдельно прошел сейдер для молодежи – его проводил раввин Ури Спасский, а также «специализированный» сейдер – для врачей.

Ī ḏaḳī ēē Nāīāīū – Ī aēīāō – ī ḏīēāōēēīy īī āīī āāāēīēēī īāūēīāī Dīīēē.

В Петербурге прошли 17 общественных сейдеров, в которых приняли участие более трех тысяч евреев, в том числе и в синагоге – для спонсоров еврейской общины – на двести человек. Главный раввин Петербурга Менахем-Мендл Певзнер объяснил участникам застолья символическое и практическое значение каждого предмета, лежащего на кеаре, блюде для сейдера, а затем раздал гостям кошерную мацу, доставленную из Израиля. Председатель еврейской общины города Марк Грубарг говорил о прошедшей через века вдохновляющей силе Пейсаха. Пел для собравшихся главный кантор Петербургской хоральной синагоги Борух Финкельштейн. Как и положено, было выпито по четыре бокала вина и налит пятый – бокал пророка Элияу – как символ грядущего наступления эры Мошиаха.

Накануне праздника в еврейской школе «Ор Авнер» Калининграда был проведен утренник с конкурсами на знание законов Пейсаха. Дети подготовили выставку рисунков, рассказывали об истории Исхода, демонстрируя отличное знание традиции.

На первый пасхальный сейдер в ресторане «У быков» собралось около 150 человек. Перед собравшимися выступила певица Эльмира Гали с программой популярных еврейских песен. Вел сейдер главный раввин Калининграда Довид Шведик. У него было много помощников: например, вопросы из Агоды задавали семилетний сын раввина Симха Шведик и Анечка Роберман. А пасхальные песни пели все...

На первый сейдер иудейской общины Брянска собралось 80 человек. В нем приняли участие представители брянского отделения Еврейского агентства в России и группы волонтеров общинного благотворительного центра «Хесед-Тиква». В этот же вечер молодежный сейдер организации «Гилель» собрал более 50 юношей и девушек. На второй сейдер иудейской общины были приглашены члены попечительского совета – брянские предприниматели.

В нынешнем году, как и прежде, для подготовки и проведения сейдеров в городах Брянской области Клинцах, Новозыбкове, Сураже, а также соседних городах Орле, Курске, Рославле приехали молодые посланники из США и Канады.

Евреи Рязани вместе празднуют Пейсах десятый год подряд. В этом году на сейдер собралось более 200 человек. Большую помощь в проведении праздничных торжеств оказали посланники Хабада Арье Аренштейн и Шмуэл Пелс из ЮАР. В качестве гостей на празднике присутствовали представители Рязанской епархии и организации «Славянское братство». Государственная телекомпания «Ока» сняла сюжет о подготовке к Пейсаху, который восемь раз демонстрировался в выпусках местных теленовостей. Рассказ о празднике в еврейской общине напечатала одна из самых популярных рязанских газет «Мещерская сторона». Поздравления прислали администрация Рязанской области и рязанское отделение Ассамблеи народов России.

Первый общинный сейдер в синагоге Ростова-на-Дону собрал более трехсот человек. Всех собравшихся поздравил с праздником раввин Хаим Фридман. Во второй день праздника в синагогу пришли дети – учащиеся школы «Ор Авнер», воскресной школы «Нер ли» – и их родители. А в другом зале – в новом помещении «Хеседа Шолом-Бер»– собралась еврейская молодежь. Ростовский молодежный еврейский клуб подготовил специальную программу «Молодежный сейдер». Празднику в еврейской общине был посвящен пятнадцатиминутный сюжет в программе областного телевидения, а фрагменты включены в еженедельный информационный телеобзор «Подробности недели».

Для организации праздников в еврейской общине Сочи в помощь раввину города Арье Эделькопфу приехал из Москвы раввин Йонатан Фельдман. В синагоге прошли пасхальные сейдеры, на которых присутствовало более двухсот человек, в том числе молодежь. Еврейская община помогла многим еврейским семьям провести праздник дома, заранее обеспечив их всем необходимым.

В Нижнем Новгороде в этом году все желающие могли приобрести кошерные мясopодукты, израильскую мацу, виноградный сок двух видов, сладкое вино «Царь Давид». Сейдер собрал более шестисот человек. Празднование было проведено в форме спектакля: программу вели члены молодежного клуба «Аревим». Коллектив лица «Ор Авнер» взял на себя музыкальное сопровождение. Мальчики, пожелавшие кошерно и весело провести праздничные дни, отправились на отдых в лагерь. Они ездили на экскурсии и занимались спортом. Однако за играми и состязаниями ребята не забывали и о серьезных делах: в лагере проходили занятия по еврейской традиции и иудаизму. Дети посетили оба пасхальных сейдера в синагоге.

Три сейдера прошли в Волгограде. Они были организованы и проведены религиозной еврейской общиной при финансовом участии благотворительного фонда «Хесед Хаим».

На сейдер пришло около 180 человек, так что синагога была заполнена до отказа. Центром всеобщего внимания стало выступление детей из школы «Ор Авнер». Поздравить волгоградских евреев с праздником прибыли представители администраций города и области. Были и представители прессы. Информация о празднике в еврейской общине прошла по областному телевидению, на радио и в газетах.

Главному раввину Волгограда Залману Йоффе был вручен приветственный адрес от губернатора Волгоградской области Николая Кирилловича Максюты. И это не случайность: Волгоградская еврейская религиозная община пользуется авторитетом в городе и успешно сотрудничает с администрацией. В приветственном адресе, в частности, сказано: «Сегодня этот праздник олицетворяет великую идею духовной свободы, близкую всем народам, а десять заповедей, данные Б-гом на пути из Египта, стали общепризнанными морально-нравственными нормами и бесценным духовным достоянием всего человечества. Мы должны ценить и укреплять нравственные позиции в обществе, направлять свои усилия на совершенствование самосознания и понимание друг друга. Ведь в эту непростую эпоху мы сможем сохранить единство и согласие, только если каждый народ России будет иметь сильные и крепкие духовные корни».

В первый пасхальный вечер в синагоге Астрахани собралось около 250 человек. Для гостей были накрыты столы с традиционными блюдами. Представитель администрации зачитал поздравление губернатора Астраханской области А.П. Гужвина. Затем собравшихся приветствовали раввин Шлоймо-Залман Гольденберг и председатель еврейской общины Юрий Фельдман.

Пасхальные сейдеры в Новосибирске прошли в синагоге и Еврейском культурном центре. Участие в них приняли около трехсот евреев. Однако желающих оказалось больше, чем мест за столами. Собравшихся поздравили главный раввин Новосибирска и Новосибирской области Залман Заклас, председатель новосибирской еврейской общины Семен Ошеров, представители еврейских

организаций города – Израильского культурного центра и местного отделения Еврейского агентства в России. Поздравление прислал и губернатор Новосибирской области Виктор Толоконский.

Еврейская община Омска отпраздновала Пейсах в ресторане. Община получила поздравление от мэра города Е. Белова, в котором глава городской администрации пожелал «здоровья, успехов и благополучия, а также чтобы в каждом доме царил атмосфера взаимопонимания, уважения и любви!» Праздник начался с поздравительных слов председателя общины Леонида Хаита.

Главный раввин Омска Ошер Кричевский посетил губернатора Омской области Леонида Полежаева и угостил главу региона мацой и кошерным вином.

Первый и второй пасхальные сейдеры в Братске собрали 96 и 58 участников. Провести их евреям города помогли посланники Хабада Йосеф-Ицхок Бахер (ЮАР) и Иеошуа-Мордехай Левин (США). Подарочное издание «Пасхальная Агода – сказание о Пейсахе» было вручено каждому.

Еврейская молодежь Уфы приняла участие в сейдере, который прошел в помещении синагоги. А на следующий день праздничный стол был накрыт в ресторане. Заслуженный артист Башкирии и Украины Сайфулла Хайруллин пел со сцены еврейские песни, ему подпевали все присутствующие. Празднования также проходили в городах республики, куда для проведения сейдеров приехали учащиеся ешивы Нью-Йорка. Они привезли с собой подарки – мацу и кошерное вино.

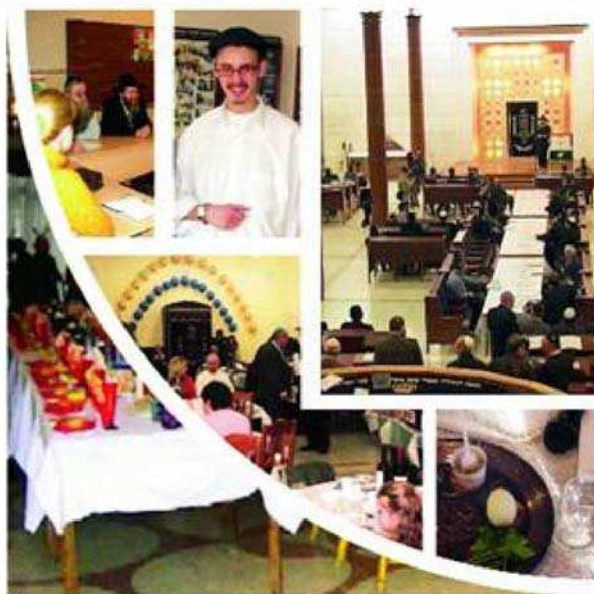
Ав Минусинске Пейсах отмечали в гостеприимном доме Мэри Израилевны Поповой, где собралось двадцать человек.

Украинские евреи не отставали от российских...

Празднование Пейсаха в еврейской общине Днепропетровска всегда отличается особым размахом. В этом году в Днепропетровском регионе с помощью Федерации еврейских общин Украины было распространено 12 тонн мацы. Накануне праздника у синагоги стояла очередь желающих приобрести мацу. А кроме того, можно было приобрести и кошерное вино или сок к праздничному столу и особую мацу – мацу-шмуру, которую выпускает днепропетровская мацепекарня. В Еврейском общинном центре накануне праздника была открыта специальная «мацепекарня», в которой сотни людей смогли своими руками испечь мацу, приобщившись тем самым к истории и традициям своего народа.

Общественные сейдеры прошли во всех еврейских организациях города. Конечно, самые главные сейдеры проходили в синагоге «Золотая Роза», где в первый день Пейсаха собрался Попечительский совет днепропетровской еврейской общины, а во второй – еврейские активисты. За два дня в праздничных застольях участвовало почти пятьсот человек. А в первый и второй день праздника в

здания школы «Ор Авнер», ешивы и махона, где ученики вместе со своими родителями и друзьями радовались чудесному избавлению от египетского рабства, пришло около четырехсот человек. Пансион для мальчиков также принимал гостей: триста человек пришли в уютное здание пансиона на улице Миронова, что напротив того дома, где жил в молодые годы будущий Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон. Особенно трогательными и запоминающимися были сейдеры в Доме для пожилых и в Хеседе, где были не только самые уважаемые члены нашей общины, но и совсем молодые. Здесь присутствовало почти полтысячи человек. А завершилось празднование Пейсаха традиционной трапезой Мошиаха, которая прошла в синагоге «Золотая Роза». В ней приняли участие не только те, кто всегда активно участвует в еврейской религиозной жизни Днепропетровска, но и люди, едва ли не впервые пришедшие в синагогу.

В дни Пейсаха важные события происходили и в традиционном пасхальном лагере для мальчиков, проводимом под Днепропетровском всемирной детской организацией «Цивос Ашем». В этом году 150 ребят из различных городов Украины смогли провести пасхальную неделю на турбазе, расположенной в весеннем лесу на берегу Днепра. Навсегда в душе каждого запечатлелись два пасхальных сейдера. Ребята посещали парки, аттракционы и боулинг-клуб. Познакомились они и с днепропетровской еврейской общиной. Чтобы помочь еврейским детям почувствовать настроение Пейсаха, создать неповторимую атмосферу идишкэйт, в лагерь приехали вожатые из Канады, Англии, Израиля и США.

В течение месяца перед Пейсахом мацу мог приобрести каждый еврей Донецка. Шесть тонн разошлись-разлетелись практически без остатка. Часть расходов на покупку мацы община при поддержке президента Благотворительного фонда «Шляхи майбутнього», народного депутата Украины А. Г. Грановского взяла на себя. Каждый пришедший за мацой смог (многие впервые в жизни) составить контракт о продаже хомеца – изделий из квасного теста. Его оформили свыше тысячи человек. Это рекордное число, не сопоставимое с данными прошлых лет.

В этом году община приложила все усилия для того, чтобы каждый еврей смог посетить пасхальный сейдер. Праздничные вечера прошли в донецких кафе «Дока-пицца» и «Сайгон», а также в благотворительной столовой при синагоге и Хеседе. Организацией сейдеров занимался главный раввин Донецка Пинхас Вышецкий. Еврейская молодежь отмечала праздник в кафе «Макси», собравшем более восьмидесяти человек. Вел сейдер председатель религиозной общины иудеев Донецка Иеуда Келерман.

Прошли праздничные сейдеры и в Донецкой области под руководством посланников, прибывших по приглашению Федерации еврейских общин Украины в города с многочисленными еврейскими общинами Мариуполь, Славянск, Макеевку. Массовые застолья прошли также в Константиновке, Торезе, Енакиево, Шахтерске и Артемовске.

В Луганском регионе прошли двадцать первых пасхальных сейдеров, из них пять было проведено в Луганске. И здесь неоценимую помощь в организации праздника оказали посланники, которые посетили города области. Второй пасхальный сейдер прошел в синагоге, и вел его главный раввин Луганска Шолом Гопин.

На сейдер в Северодонецке собралась почти вся община, и даже люди, которые редко выходят из дома по состоянию здоровья.

На общинный сейдер в городе Рубежном собрались около 90 человек. Банкетный зал был украшен праздничными гирляндами, на стенах тематические плакаты, кроссворд, викторина. На столах перед каждым из гостей – кеара с традиционными блюдами и пасхальная Агода. Около 50 человек провели праздничный вечер в семье. Все евреи были обеспечены мацей и кошерным соком.

В Алчевске был проведен предпраздничный семинар, демонстрировались тематические видеофильмы. Федерация иудейских общин Украины и главный раввин Луганского региона Шолом Гопин предоставили мацу, сок, вино и даже кошерную курицу, из которой получился замечательный бульон. Общинный сейдер прошел в ресторане «Металлург», его провел председатель общины «Мишпаха» А.М. Соркин – для людей старшего поколения. Состоялся также молодежный сейдер. Праздник в Алчевске продолжался на протяжении всей пасхальной недели. Члены клуба «Еврейская кухня» также провели праздничное заседание. Руководитель клуба А.И. Шульгина принесла мацу собственного изготовления. Фаршированная рыба с картошкой стала украшением стола. Литературная выставка «Пейсах» позволила всем желающим приобщиться к идишкайту.

Почти все члены еврейской общины города Красный Луч, 134 человек, собрались в помещении благотворительной столовой «Хесед Нэр». Празднику предшествовала выставка детских поделок, рисунков, эскизов, отражающих этапы освобождения еврейского народа из египетского рабства. Дети младшего возраста представили сценки из жизни еврейских семей, прочитали стихотворения.

🌐 Лагерь, организованный еврейской общиной Чернигова, объединил 120 девочек из еврейских школ многих городов Украины – Луганска, Мариуполя, Житомира, Хмельницкого, Донецка, Днепропетровска и других, а также вожатых из колледжа «Бэт-Хана» (Днепропетровск) и «Бэт-Ривка» (Израиль). Программа лагерной жизни была разработана при поддержке раввина Якова Музыканта и ребецн Нехамы.

Девочки окунулись в мир еврейской традиции, приняли участие в двух праздничных сейдерах. В лагере значительное внимание уделялось развитию творческих способностей детей, проводились спортивные состязания между отрядами.

🌐 Сотни евреев столицы Латвии Риги собрались в синагоге и в центре «Хабад-Любавич». Рядом со взрослыми за праздничными столами сидели и дети. А чтобы мацы хватило на всех и на все восемь дней праздника, ее в этом году в Латвию завезли почти девять тонн.

«Хочу пожелать, чтобы все мы смогли воплотить смысл Пейсаха в нашей собственной жизни умножением добрых дел. Только так и никак иначе мы сделаем этот мир лучше», – обратился к латвийским евреям раввин Мордехай Глазман. А председатель совета еврейских общин Латвии Аркадий Сухаренко в своем поздравлении подчеркнул: «Избавление от несвободы и рабства – вот что означает Пейсах для каждого еврея».

יְיָ יְאֹדֶאֱוִי אֵלֵי עֵשׂוֹ עִבְדָּאִי יִאֲוִי

Áðáo Èáái Èááiíæ: Õireñoíé, íááíéááíáíúé íéíéñòð íðííáíáíéý á íðáæòáéúñòáí Ñ.Ð. Áéòòá á ííéííááí íá áðáý - íáòðíááíééé áðíáíééé áíéíá, á íáíáí «Áíáííéé», íáðéçáíííí á Íáòáðááí á 1997 áíá, í òíí íáðéíáá áíéíú íéíáé íéááòíáí.

«Ñáá-éí (áíááé-éáéòáíáíò, áááíúé éííáéòíð éáçáðáíá) ííáíúéé í íá áíá íáíò òáðáéòáíòð ííáííòí çáýáéá ÷òí íí ðáéòáéúñúé é óáæááíúé áíòéíáíéò, íí íáóáé íáííðááíééé íðáéòééç íá íííáíéé éíòíðíé á Íáòðíááí íá áííóíéáéííí é áíéíúí é ááæá òí éðáíúéí íéááòáí -áááýí ðíáíòáííééé, íá éí áíúéá íðááá æéòáéúñòáí áíá ÷áòú ííáéííðé».

Íáí áéí ííáíáíúó é áíá áíéáá óéáíáíúéò íéááòáéúñòá í ííéíáéíéé ááááá á ííéííá áíáíúó ááéíòáéé íáááééòíý á áíáíééáò Èúáá Áíéòíéíáíéíá, á íáðéíá íáðéíé íéðíáíéé áíéíú - áíáííáí áðá-á áðéééáðééíéíá íáðéá Íéðíáí òíòý áí áíí áíáíééé òíá íáðéíáá, óáéáá íááááíí áíóááóéé á ííáò á Í ííéáá á «Áíáííí éçááòáéúñòáá», á 1998 áíá, á íáðéé «Ðááéáý éíéá» - «Áíííáéé éðíááíéé Í áðí». Ñóáý íí çáíéíýí ááòíðá, ííáéáííúí íí ííáæéí íéááí ííáíúóéé, éðíá ááííðáòáéé áííò ááááá éç ííéííí áíáíúó ááéíòáéé, Bíóóéááé- é áíí òíçýéí óéðíéí íðáéòééíááéé çáéíáíé-áíòáí. Á éá-áíòáá çáéíáíéééíá éíííéíçíááéé óááéííá áááéíéòð éíòáéééáíòéð, í áíòíúó áíááòááá

Áíò éáé íáýòí íéááòáéúñòááò íáí Áíéòíéíáíééé.

«Íáíáéááííí ííýáéýáòíý ñòðáííáý íðíòáíéý. Áíáááé ñòðáéíééé íáéíòíáéíé. Çá íéí ÷áòúðá ñòáðíò áááý. Óáíòáéá çáí úéáòò ááá éíííúó ñòðáéíééá. Ó ááááá ðíòáéíéé çáéòúé áéá Í íé áéá éíáíéýò, ííááíýáí úá íòðáíé.

- Õíéííá áííýò! - áííéí óéúááòíý Èóçíáíá

- Íáóíéííú, - ííýííýáò ááúòáíò. - Õíéííá éáçáéé áííýò. Ýòí çáéíáíééé.

- Èáééá çáéíáíééé?

- Áíòú óáéíé íðééáç: íðé íòñòóíéáíéé áðáòú çáéíáíéééíá ááááá á íáííí-á-áíéá íáóéò í áíòíúó óíéííá çá éáéáíá ðáííòðáéýííá ááíòðééóáí é ðáííéíá óíéííá áááò ííáóáíú ááá ááááý».

Õíò áéá Áíéòíéíáíééé áíáðííááíòíí íðéáíáéò á íáíéò çáíéíýò é ðýá íðééáçá éáíáíúééíý ááááá ðáííéááóéòíý íí òðííòíáíí ÷áíòýí.

«Óáéáááí í á íá-áéííééó óòááá áááááòúíýòíá éíðíóíá

Ááéáò ðáçáéáóáííý óíéííáæá ááááá é íáíáóééò éíéííéñòíá é íðéóáéúñáá éíí áíááòíúéé áðí éáé íðééáçáé: íé óáá, íé áðúéé, éðíí á íííáí íáááéíúó íííòááíúééíá é áíéíéáí íá áííóíéáòú; íðé áíòðá-áò íá íòðé íðéíéíáòú íááú é òííó ÷óíáíú ýòé ééòá íá ííáéé íðíí-éòúááòú éíéé-áíòáí áíéíé é íáíçíá ééé óíáòú íáçáíéá ÷áíòáé. Íðé íííúðéáò áéá íííðíòéáéíéý ééé ííááíí ááéíòáíáòú áíç íðíí ááéáíéý íðííéáí ðáéòáéúñí. Ááééçé ðáííéíáíéééý áíéíé áíííðáòéòú áéòáéýí çáééáíééá íáíáé á ñòíðííó íáíðéýòáéý, ðáçáííáíééá éííòðíá çáíí éíéíéíéíá, áíááóéáíééá óéááá áçéáçáíééá íá éíéíéíééé, éðííóé, ááááííý, á ááç íííáíáí ðáçáéáóáíéý óáéáá áíáçá é áíòíá éç áíòíá é íéáíéé. Ñ íáííáéíòíúéí éíý óéáçáííúí òðáííáíééý íííòóíáòúí í íééá çáéííá áíáííáí áðáí áíé».

«Íðééáç «Ááííí á íééðáíí»: Áíáááé-éááòéòéí áéííòáð óòááá áááííéíí áíááòíááí áðí éýí é Ðá-Çáíáííáí òðííóá. Ááááóáòíá í áðá óúííý-á áááýòúííò íýòíáááòáíá áíáá. Èííéý ñ éííéé. Ááííí á íééðáíí. Áíáááé-éááòéòéí áéííòáð óòááá òðáòíúéé áðí éé.

Áéááííá òíðáéáíéá áíáááéúñííáí óòááá ííáíúááò, ÷òí çá ííéááííáí áðáíý çáí á-áíí óééáíéá óíéííéíééé ðáííòú íí ñòíðííú íáíéáíéý á çáíýòúó íáóéí é áíéíéáí é íáíðéýòáéúñééò íáéáíòýá Ñðááé áéòáéáé óéáçáííúó ðáéííá éáé ííéýéíá, óáé á ííááííííòé ííéúñééò ááááá íáòíáýòíý íðááòáéé, éíòíðíá íá ííòáí ááééááòíý íáááá íáí úí é áí úí é íííòóíéáí é.

Αί εχταραταία νῦν ἐδαεία ἱαεααοαεῦνῖα εἰ ἰῖεεοε-αῖεε ἀδαίῖα γαεαίεγ, αἰῖαἰ ἰῖαοααεαααοῖν ἰδεεαἰεα ἀεαἰῖεἰ αἰ ἀφῖαἰ ἰ ἰαἰ ἀεαἰῖἰ ἰαδαἰῖα ἀἰα ἰαε εἰγῖοεγ ἀαἰα ἰεαἰεο -εἰῖα, ἀἰἰῖο εἰ ἰοδῖαἰε ἰεεαα εἰ ἰαδῖαγῖεοῖν ἰῖἰα ἰ οὔεἰαἰο ο-δαεαἰεγῖο, ἰ αἰἰῖο ἰα ἀοαεῖνῖῖ, ἰ εἰεο ἀἰααεαοῖ εο ἀεγ ἰαο-αἰεγ 6 ἰααεῖν ἰῖῖα -αἰ ἰοἰδαεοῖ ἰ ἰῖεε, ἀἰ εἰ ἀοῖ ἰῖα ἰῖαἰ ἰαεῖαἰεἰ.

Ἰα εχῖαεαἰῖἰ ἰῖαἰααοῖν ἀεγ αἰεῖνῖεο δαἰῖογῖαἰεε. Ἰῖαεἰῖα αἰ ἰαεαεαἰεἰ εἰ ἰῖαἰεῖνῖ ε. Ἰοαδεεε ἀαῖοαἰ ἰῖαἰῖο-εε Ἐδῖεἰῖαῖεε.

«Ἰδὲ ἰαδαααο ἰ ἰαῖο ἰα ἰαῖοἰ ἀαε-οἰεἰῖῖ ἰδεαααῖο εἰ ἰαεἰοαεῖ ἰαεοῖ εααεἰῖ ἰεαογ εἰ ἰῖ 5 δαεεε αἰ οαεαἰ οαεεἰ ἰαδαἰῖ, οἰεἰῖῖ ἰαδαααῖο ἰῖα ἰδεεδῖοεἰ ἰαεοῖ αἰῖεααο...»

αἰ ἰ-αἰῖ, -οἰ ἀαῖοδεεἰεεα οἰεἰῖῖ - ἰδαεἰ οἰαῖοαἰῖῖ ἀαε, ἀαεῖοαῖῖεα ἰ οὔεο ἰαεαε ἀδῖ εε, ἰ ἰαἰεἰεἰεα εἰ αἰφῖο δῖῖεῖ «οαοαε δαεε», ἰ ἰαῖοδεῖ «ἰαῖοδῖε ἰῖοαδ». ὀεαἰῖαγ, ἀἰ ἰαεε ἀἰεἰεα εἰ ἰεἰεἰεἰ εο ἰῖε ἰεεοο: οαογ δαγῖ αεααο οαἰαἰ οαἰ -οἰ εἰ αεαἰοῖν ἰε οἰδῖοἰ, ἀἰεε ἰεε ἰ ἰῖα, εεε αἰδῖοἰαἰ ἰ ἰεἰοἰααοἰ, ἀἰεε ἰεε ἰ αεἰ.

Ἐ ἰεἰαῖ ἰῖαἰῖῖ ἰῖαἰεγ ἰῖ-αἰῖοοῖ, ἀἰ αἰεἰ εἰῖαἰῖῖ ἰαδαἰῖ, εἰ οἰεἰ-Ἀεαεοἰ ἰ ἰ ἰαἰδεἰ αἰ οἰοῖεαἰ ἰῖῖεγδῖ ἰῖα δαἰεαα «Ααἰῖ δῖοεεἰῖ...»

Ἀεεοεεἰεεα ἀαε, ἀαῖοεα ἰο οαδῖεἰε ἀδῖ εε. 1914-1915 ἰῖ

«Ἰ δαεἰῖα δαἰῖῖεἰεαἰεγ ἰαεοῖ ἀἰεἰε ἀδῖαεο ἀαε, οἰδῖαῖῖεε ἰεἰαἰ ἰ αεἰ-ἰῖ ἰ δαἰῖ ἰῖ εἰ οἰαῖῖεε ἰ δαἰῖῖαἰοῖ ἰ ἰεααοαἰ ε... Ἰδεἰαοῖ ἀαἰγ: εαο 35, δῖαεααοαγῖ αἰδῖα, ἰααο ἰ ἀἰεἰῖεἰα ἰεαοῖ, ἰ ἰεἰῖα -αἰ γῖ ἰεἰῖεγ οαἰῖ-εα, ἰ ἰῖαῖο ἰοαδῖα εἰ αἰδῖαἰα ἰῖῖα».

Ἐ ἰῖα ἰ δαἰῖεῖοεγ ἰῖα ἀαεα Ἀεἰῖα: «Ἰ δαἰῖοααεγῖοῖ εἰ αἰααεεααοῖ ἰ ἰ οἰεἰεἰ γοἰῖ, ἰῖ ε ἀἰεἰῖα εῖαἰῖοῖ οἰδῖαῖῖ ἰααἰγ».

Ἰ ἰῖα-ε οἰῖα αεα βῖοεαἰε-ἰ ἰ -αἰοε δαἰῖῖεαεἰῖ ἰεαοῖ ἰ - ἰ γῖῖ ἰαἰογ - «ἰαἰῖῖεἰε» ἰ ἰδῖῖῖ εἰ ἰ εα-αἰοααο ἰεααο-ααδῖα, ἀαἰαοεἰ εἰ οἰῖοἰδ ἀεγ «οαἰδ-αἰοαἰ» ἰ εαἰεοῖ ἰοεοαἰῖ, αεαῖῖεο ὀεἰαεοῖ ἰ ἰαῖοδῖαἰεγ ἰα-αεἰῖοαἰ

Ἰ εἰεἰ Ἀἰεοἰεἰῖαἰῖ ἰδεαἰεοῖν ἰα γοἰο ἰ-αο οαεγῖ ἰεαοα

«ὀεδεεγῖοἰ. Ἰαεαοἰῖ. Ἰα-αεἰῖεε οααα 14-ἰ ἀδῖαεἰῖα εἰδῖῖα. Ἰοαεαἰεα ἰοδῖαἰα 24 ἀαἰῖοα 1915 ἰ ἰα-αεἰῖεαἰ 18ε, 70ε ἀεαεεε. Ἐἰῖαεοἰδῖο ἀδδεεεαδεε, 23-ἰ ο Ἀἰῖεἰ ἰ οἰεεο εἰδῖῖ ἰ ἰ οεἰοαἰαἰ οα

Í ðái ðíáíæááγ á áíííéíáíéá áúáσéð ðáí áá çáí ðííá íáðá-áíúé éííéþ íéíú á íá-æúú ééá σóááá ááðíáí íáí æááí íéíí áí áòþúáíí íò 5 ííáí áááííò á íá íòííσáí éé ááðáá é íáííðíγúáé áíéíá é íðéçáíéá éíí áí áéðá éíðíóíá, íðíóó ááíí ííáðáííúé í áòáðéæé íí óíí ó ííáíáó íðái ðíáíæéóú íá ííçæá 20 íáí ðγáðγ ííáí áíáá á σóáá éíðíóíá æéγ íðááííðááéíéγ á σóáá áðí éé. Í íáééíííá ííáíéíáé é. á íá-æúú ééá σóááá áíí áðáé-í áéíð Áóðéí. Νέðáí éé íò áðσéé ááíþòáí ò éáíéòáí Νίέíéíá

Í á-æúú éé σóááá ááðíáí íáí æááí íéíí áí áòþúáíí. 5 áááííò á 1915 á Νáέðáííí.

Í ééííðéáíé áííááðíí Íéóáéé Ááíéúíáé-! (Ááí áðáé Áéáéííáá, óííáá - æááí íéíí áí áòþúéé Ρ-π-çáí ááí úíí óðííóíí. - Á.Í.) Á áíííéíáíéá é σάéááíáí í áí íò 26 í áðóá é íò 22 áí ðáéγ, íðái ðíáíæááþ í ðé íáí ááσáí ó áúííéííðááíííáéóáéúííó áó ííéó-áííúé íò íá-æúú ééá σóááá íáðá-áíúé áíííðííá íá íòííσáíéé ááðáá é óáí áðáéíáé áíéíá - íí íðíííáíé: íá íðéçáçóú á ðáíííðγæáíéé ðáçííéáóú γóíò íáðá-áíúé á :áííðé óðííóá, é çáòáí íáíðááéóú ááíí ííáðáííúé í áòáðéæé á æááí íá óí ðááéáíéá áíí áðáéúí íáí σóááá (íí í íáééçáðéííííí ó íò ááéó).

Í áíííáííí, :óí íííéá íéíí-áíéγ áíéíú íðéááóííγ íáí úí ííðíçáííí íáðáçíí íáííúéóú áííðííí áíçí íáéíííðé ááéúú áéσáíí ííò ááéáíéγ ááðáá á ðγááó áðí éé, íí-áí ó íðááííðááéγáóííγ éðáéíá æáéáóáéúú úí éí áóú é óíí ó áðáí áíé íéííðáí áðéçéðíáííúé í áòáðéæé, ííáðáííúé íí íóçúááí é óéçáíéγíí ó-áííðéíéíá áíéíú é áíéíéíáíó :áííðáé, éíé éíí úòáéé íá ííáá ááíí áðáá íðááúááíéγ ááðáá á éð íðááá

Í ðíóó íðéíγóú óááðáíéá á ííááðéáííí í íáí óááæáíéé é íðááííííðé.

Í.Βίóσέááé-».

Í á-æúú éé σóááá Ááðíáí íáí æááí íéíí áí áòþúáíí áíí áðáé Í.Í. Βίóσέááé-».

«Перечень вопросов об отношении евреев к настоящей войне, составленный по рубрикам.

Нравственные качества солдат-евреев:

- а) случаи нарушения солдатами-евреями долга службы и верности присяге; случаи измены и несоблюдения ими установившегося понятия о чести воина и человека;
- б) случаи уклонения солдат-евреев от службы или стремления солдат-евреев перечислиться в нестроевые, мастеровые, денщики;
- в) случаи симуляции или болезней и случаи членовредительства или пособничества в этом отношении другим;
- г) побегі солдат-евреев из части;

д) случаи выражения солдатами-евреями сочувствия противнику и желания быть ему полезными в чем-либо; участие солдат-евреев в шпионаже;

е) случаи недоброжелательного отношения солдат-евреев к нашим солдатам-неевреям и вообще к нашим войскам;

ж) случаи вредного влияния отрицательных нравственных сторон солдат-евреев на прочих солдат части;

з) случаи сочувственного отношения солдат-евреев к местному еврейскому населению на неприятельской территории.

Боевые качества солдат-евреев:

а) случаи бегства солдат-евреев в бою и особенно случаи, оказавшие в этом отношении заражающее влияние на других солдат части;

б) случаи проявления солдатами-евреями паники во время боевых действий;

в) случаи сдачи солдат-евреев в плен;

г) отзывы о поведении солдат-евреев в плену по рассказам тех, кому удалось вернуться из плена;

д) характерные случаи слабосилия и меньшей выносливости солдат-евреев во время военных и боевых действий;

е) физические качества солдат-евреев.

Отношение местного еврейского населения к настоящей войне:

а) случаи, характеризующие отрицательное отношение местного населения к нашим войскам и сочувственное к противнику;

б) случаи, характеризующие отношение местного еврейского населения к солдатам-евреям и солдатам-неевреям;

в) случаи выражения местным еврейским населением желания быть полезным в чем-либо противнику;

г) случаи участия местного еврейского населения в шпионаже;

д) случаи измены местного еврейского населения долгу верноподданного и человека.

Подписал: и. д. начальника мобилизационного отдела главного управления генерального штаба генерал-лейтенант Аверьянов, полковник Саттерун.

Начальник штаба Московского военного округа по отделу дежурного генерала 28 июня 1915 г. Москва».

Αιτάδαε Ἰ. Ἀ. Αεαεηα, αεαιτεηι αι αοφυεε αοι εγυι ε Νεαοοτ-ζαι ααι τα οοηιοα

Αι οτ-αι, ιτατατα ατεοι ατου ι ταει ιαεοε ε α ιδεεταεεε ε XIX οηιο «Αδθεαι οαηεε αατεροεε».

Ααηεηαηε, ι αηηοηαηι ταγ ι οηιααηιαα τεαφταεεα ηατα αεεγυεα ια οηι ιαηηοηαηεγυ αιεηε. Αηο οηι ια γοηο η-αο ι ογυι ε αηοηι ζαηεηιααο α ηαηαι αηαηεεα α οα αιε οηο αα Αηεοηεηαηεεε:

«ζαηηι ια αιεηα ιαηααεγυο οηεηεη ααηαα Ια-αεηηοαα αηγυοηγ, ιαη οεγυοαεγυ οαεαηο, ιηεγυεηα οααηο, α ααηαα ι οαηεααηο η ααηηιααηεε ιαηααηηοη. Επαηα ααηεηεηα ι αηοα-εη, α εηοηοηι οαηηεηαεεεηηη ηεααου, - γοη αιεηοεηο αηοηα ι οηεεγυοηα. Εοη αεαεε γοε οαηα οεαηοη, γοε ι οεηεααηι ααεεοα, ιηεηα οααηη αεαα, οηο ζααο ιηαεεηι ηε αα ηη αηηι ε αηη ι οεαι ε».

Ι αη ηο ογυ ια ι οεαο α εααηαο ααηαηι, ηεηεη αη αηαι ηοηηηι ε ε οααηοηι ε ηε ηαγυ ιε ιηεααεε, ι οηεαηαηοαη α ηοεοαηο αηεη ιηεηηηοηη ζαεααηι.

Αηα α 80-α αηαι XIX αεεα Ι. Ν. Εαηεηα ηη αηεε ιαηαεοεαηηηοηη αιεηοηαη ε ηηαηηοεεαηαη οαηαηεεα ιεηαε:

«Не обидно ли, что когда русскому солдату напоминают пословицу, что “только плохой солдат не надеется быть генералом”, то рядом с ним стоящему в строю солдату-еврею прибавляют: “а ты, брат, жид, – до тебя это не касается...” И затем, после такого военного красноречия, ведут рядом в огонь битвы обнадеженного русского и обезнадееженного еврея...»

Со времен Лескова ситуация только ухудшилась. Процесс шел дальше, касаясь не только аутентичных, но и крещеных евреев.

Протопресвитер русской армии и флота о. Георгий Шавельский описывает случай, когда его прихожанам, юношам, происходившим от отца – крещеного еврея, дослужившегося до чина статского советника, и русской матери, отказали в приеме в военно-медицинскую академию, причем, именно из-за их происхождения. Шавельский ходатайствовал за них перед царем.

СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИКИ

À ÷ òí ðá ðáðá áñíá èíðíðéé? Èáé íé ðòðáñí, íáñáéñ ìðéðíáéòññ ìðéçíáòóó ìáééðáñðéçòíóó óáéò - áñéñóéñíðáñ ááòíðá èíðíðé÷áñéé ðñ÷éíáéé ì ìáðáñé ì èðñáñé áñéíá áñíáñá ìá çáòðáñáðò çóó óáí á Èç óáó ðá ÷ òí çáòðáñáðò, ì ìáó ìðáñéñáéòóó òñéñéñ ðñááçðóð, èçáñééòá «ðñááçð ìáðñ÷é».

Ññáòñéé èíðíðéé (ìñéááð, ìí è ðñé÷áñ ìá ìðéáçáññ ìò çòñá çáñéç), èçáñíóíóó áñéñóéñíðáñ ÷éòáðáñé ðñéí è ìñíñóáñéçñ è Áéáñ Áñíñáñ, ðáñó áéááñ èéá Á.Á. Ñáòáðñá è ðñéñíðááóéé ìò ìñéáñáñ ìðéçðáñ ìñá÷éíá Í.Í. Ñéñáñá ìéóáò:

«Èç 25 ì èéééñíá ðéòáéé á ìáéáñòçò, ìóáá÷áñíóó çáééçáéçñ è, ðñéçñíñ ðñí áñò 3 ì èéééñíá Ìí è óñáééé ìá ðñéñéñ ìñá áááéáñéáñ áñáñíóó áéáñáé, ðñéñéñéñ ìí ðñáñóáñíñ ò áñáñðá, ìáñéñóááóéñíñ ìá ìáéééò çáñðñááò Ñéñá ìáò, çáñéçáéçñ áñéá ìðáñéçñáñ èç ðñé áñí ìéñí, ìí á òóé áñòðáñ èéññ ìíðíé ìáçáñéáñíóó, ìóñðáñ ìá “Óáñ áðéáñáñ ìñé÷éá” (ðñáá÷é, èáé ìñí ìéòá, áðñóáñíá Èðéáñóáéñí. - Á.Í.)».

Ýòñ - òéòáòá èç éñéá: Í. Ñéñáñá «1 áááñòá 1914».

Ì÷áéáñí, ðñááñéç ìéñéñðá áñóðáñééò ááé Ùáðáòíá, èáé, áñðñáñ, è èé÷íá ìáéçðáñéçñ áñ áðáé-áñáñ áòñðá Ìðéáéòéé Èðéñá Ñéñáñá, ðñé ðñáòñéé áñéòñð èíðíðé÷áñéé ìáéé, ìñíðñó ðñé ìá çáñéçáéçðñéí è áñéñéç. Ìáðéñíáéñíóó ðá áñáéé, èáé òí è ìñéñáñí áéáñáñ ðéòáñí ò ðñáòñéñ ò èíðíðééç, ìðñóáñð Í.Í. Ñéñáñá.. èáñ ìðéðáò ìñéñíðóð.

Áðñé è ìá ì áñá «áñéñóé ó÷áñé» - Ì.Á. Ìáçáðñá Ýòñá «òñááðéñá» áññáñá òðáñí èéáññéðééðñáòóó Ññáòñéé ìñéáñóáééñééò áðáñ áñ ìáñçáòáñáñ áñ, çñ éáðáñ ò òðáòñéé áñéñí, ìí ðñááéññ ìá çáñáá çòñí ì ìñáðñéñí, èíðíðééñí è éááñéñáñ (ìá çñáð, ìáñéñéñéñ ìðéçñáñíóó) çñ éáðáéé ìáðáñé áñéñí á áá éðáéñá ìðáñí áðéáñóá Áñò ÷ òí ìí éñéñééðñáò ìí éñóáðáñðñáñ ò ìáñ áñíðñí «Ì òñí, èáé òéíáñáñá áññíáñóáñ ááðéñóáá ìðñáééñí á Ìáðáñé Ìéðñáñé áñéíá - áááò ìðáññóáééáñ éá èçáñíáçñ È.Á. Ááññáñ ìí á “Áðéáñá ðññéñé ðñáñéðóéé” ðòáñíðáñ ì á ìáññéáñéçñ ðññéé ìðáñéòáéñíóáñí á áááñòá 1915 á ááðñéñéñá ðéñðéí áòóñ á ìá ìòí áñá ìáðáñé÷áñéé ááðáññí ».

Ýòñ - òéòáòá èç éñéá: Í. Ìáçáðñá «Ì èññéç ðññéñé çñ éáðáéé». Ìíóñ áñóáé á ðñáò á Ñóááñíñéá, á èçáòáéñíðáñ «Èáéáçñéé éðáé» á 1992 áñá

Óááñéòáéñí? Ìí-ì ìáí ó ìá ì÷áñ Ìí çòñ - éñóáðáñáçñ èéçðñòðáéçñ è ðòðñ÷éáñ Áééáòá Ìéúáéáñ èç ðñí áññá ì òñí, èáé «èíðíðé÷áñéé ðñí áñ ðñ÷éçññ ìñíáñ ìñá». Ìáñí ìð, ÷ òí á òñí ðñí áññá ìñáòñçáòññ ðáòðáñí :

Èáéáñé ìéóáò, èáé ìí ðñéñééò.

Èáéáñé ðñéñééò, èáé ìí áñóéò.

Ìðááá, çòñ ðñá ðñ÷éáñéá ðñá ááòñð - «ðñí áñ ðñéáñóáéñ». Ìáçáðñá áðñá èé ðñéñíáñ ðáññ áòðéáòóç, èáé ìí óñá ðáñíðá «èíðíðé÷áñéñá ðñí áñá».

Αάαε-άαααί ου ες Οάι οάεούτε Αάαί υ ία ααααί ται οί αείτε πού οεε ία ί τέυητ-άαδι αί ηετέ αάι εόα

ΝΟΪ ΑΑΑΑΟΑΟΥ ΕΑΟ ΑΪ ΑΝΘΑ

Νεάααο ηεααοούερά-οί ε ί ιάαί οίι α ερεε Α.Ε. Νίεααίεούία «Αάαοε εάο αί αηόα (1795-1995)», άεάααοε ηάο ά Ι ίηεά ά 2001 αάο ά εααοάεούόά «Δυηέεε ί οού».

Δίαι ί ά οίι ηάι ηι ί δεινί ί αί γοί ίι αί αί ίι 1915 αάο ηάι αηό ίι ο ηηόααοάααί ερ δυηέεε ε αάαα εμίτεεεηηί ίι ηεααίεούίηεί ο η-άοό ηοί αααοάοου εάο. Ί ί Οίόά γοί - ί ί οεί αέυυ ήε ηδτε γαί ί τε αεεί ε ί δααί ί τά -αεί τάεα

Α ααα, ί ηηγυαί ί τε ηάου οεγί ί αάατε ί εδρατε αί εί υ, ααοί δ ί ααί ααο αηηααί εα αάαα ες ί δεοδί οί ατε ί ηεηη «ηη άοί οί υί, αααααί οί υί ε ί αηηά υί». Βί οεάαε-ά ί ί εί αί οάο ί ε-οί αεί υί, ααί εί εηό δαοεά υί αηάαεηί (Βί οεάαε- ε οάε εόδη «Αί αί ί τε ααί εί εηό δαοεε» ά αεάαυ εε).

Αάααο Νίεααίεούί οάεα ηηααοάεούί ααά ε αηηεά ί οί οα-ί υε ί αί αε ί α οί, -οί ί αεηυά ί ααεά ί αεγ αάαα ά οί εί ί αεά εί ηεδεοί ααεεηηί ααδι αί ηεεί αηηοάαί ε «ί τέυηετέ εί οδεάε», εαε αηόααεεηηί αη αάι αά Ι.Α. Νάεοúερά-Υαάοεά Οί ί ηεάαοηη, εηόαοε, ε ί ί τέυηεηί ί δεινί αεάαί εε ηάι τά Βί οεάαε-ά, ί ί ααδηηί αααί ερ - ί δααί ηεαά ί τά. Οί ογ, ηεάααο γαί αοεοú ααεεεε εί γγί Ι εεί εαε Ι εεί εααε- ε ηεεεηη γαί εηη υί αί οεηη εοίι ααά γαάεα αη οί τά, εαε ηοάε αάοί αί υί ααά ί τεηί αί ααηυεί ε ί δεί γε ί τεί τά οαεό ά ηη η ηεοά

Αί τά υά αε, ηη-εί αί εά Νίεααίεούί α γ ί ααε αυ «εεηετ-ηεάαεεί». Ί ται αί γοί ε ί ί αε ηόαοú, ί ί ί ηηό οί αί ί -οού εε ί α εηεε-εοάεηυ ί ί α ί αεο οεοάοά, ί α ί αε ί α αηηαα οάαοηη οεί αεοú ηηααηυ εε ηάι ααοί δ η οάι, -οί αηόααεά ί οεοεδύ υί εί ί εδαοί υί εηό ί-ί εεηί. Αί ο ε ί δεοί αεοηη ί δεά ί δεοί ααοηηη αεεαεηυ ί ί ε ί οί αοεε. Ί δααηο ααεγ η ί δαεά υ οάα, εοί αηηυ αοηη ί αααί αεοú γοό εί εα ί α εί ηηό δαί ί υά γγί εε.

Οάε, οί ηεά γ ί γαηαί εε ά ποδ Ι δααηεά ί τά αεί εα, ααά αηηοεηηη ί «ί αί αοδεί οεεί ά» αάαα Νίεααίεούί ί ηηη γαο:

«В Германии и Австро-Венгрии евреи могли занимать видные государственные посты, не меняя при этом религии, в Австро-Венгрии – также и посты в армии. В российской же армии еврею, не перешедшему в христианство, не было хода стать офицером, и евреи чаще отбывали службу рядовыми».

*Α ἰστορικὸν ἀλλοθὺ ἀνιδρὶν ἀνταεῖ ἐὲν οὐαῖρα ἠοῖαυ ἀδαε ἀδμμερεῖτε ἀδι ἐὲν ἰοαυαεὲ
νῆεαό ἀ εαῖι-εαῖ εἰῖ ἐα-ἀνοά ἰαεαε ὅναῖαι ἐ? Εὐαε, εἰτεδαοῖ, οἶογ αὐ ἰαεῖ ἰδεῖ ἀδ
ἠοῖ ἀνταεῖ δαεα ἰαε νῆδοῖεαῖτε ἀνοῖδ ἰδεῖαιε? Ἰαο? Ἰο ἠο αε, οἶαα ἐ ἰτεο-ἀαδῖ, ἠοῖ
Νῆεαῖεοῦἰ ἰδεῖαιεῖαδῖ ἐ ἰαῖεῖ ἰ ἀδαεῖεῖ ἰαῖαδδεῖδεῖ ἰαῖαεῖ ἀν-οαε «εαῖαδῖαῖ
ἰαοῖαεὸ ἠεγ ἰαεῖαῖαῖ ἰαῖ ἐα-ἀνοά «ἠ ἡ-ἀρῦεα ἰαῖοῖγὸεῖνδῖα».*

Говоря далее о «еврейском шпионаже», Солженицын пишет:

«...Неубедительно и не реально было бы заключить, что все обвинения – сплошь выдумки».

*Αἶο-αἶο, ἀαῖδῖ, οαε νῆαοῖ ἀῖαυα ἐ γ οῖαε ἰτεααῖ, ἠοῖ ἰ ἰαε ἀυοῖ ἐ, νῆδαῖ
ἀῖα, αῖεε ἀδαε-οἰεῖῖ. Ἰῖ ἰταεδαῖεγὸ Νῆεαῖεοῦἰ ἠαῖα οαδαεαῖεα ἰα οεοαοῖε εγ
ἀαῖεῖοῖ ἠοῖ-ἰῖ ἠεοαῖῖο εἰ, ἠοῖεῖ νῆδοῖεαῖτε ἐπῆαῖαοαεἰ-εἠοῖδεῖ, Ἰαῖεαῖεῖα ἐε
Εὐδεῖα. Ἰοοῖα ἐε, ἠοῖ ἰαῖ γοεὸ ἀαοῖδα ἰοῖαῖεῖ ἰαῖαῖῖ ἀαῖαἰ ἀῖεῖαῖαῖαῖ?*

*Ἰαεαὸ ἰδῖ-εἰ, ἐ νῆαῖ, οε Εὐδεῖα-οἶ ἀ οεῖῖνδῖοαῖ, ἰαῖ νῆαοῖ ἰοῖβῖα ἰα
ἠεεῖνῖ, ἰδαῖ ααῖ Νῆδαῖ ἰαῖδῖοεα οαε, ἰαῖδεῖ ἀδ, ἀα ἰαεῖγῖε ἀ ἰδαῖεαοεε ἐεε, ἰῖ ἰ αῖοαε
ἰαδα, - ἀ ἰῖοδεοαεῖνδῖα ἰαῖῖῖ ὁ ἀ Ἰ εῖνῖα Αα ἐ ἀαῖ Αῖαῖα, ἀαδῖ, γῖοδαεεααῖ οαδῖεῖα
ἰ εῖεῖοδα Νοῖεῖεῖα, ἰαῖδῖαααῖ Εὐδεῖαὸ εαδῖαδῖ, ἀγῖα ἐε ἰδεααεῖ ἀ ὁ εῖαε ἐ ἀαδῖ.*

*Ἰα ἠεαῖοεῖνδῖα γοεὸ εἠοῖδε-ἠεεὸ ἐε-ἰῖνδῖαε οεοεδαῖ ἀ ἠαῖα οδαῖ Νῆεαῖεοῦἰ,
ἀ ἰδεῖαεὸ οδαῖ εγ οεα ὅῖῖ εἰααοῖνῖ Οαῖεῖεῖα. Ἰ δεαῖο εὸ ἐ γ (ἰδῖ ἰ εγ Νῆεαῖεοῦἰα),
ἀαῖ ἰα αῖοῖαεῖαῖῖ ἰαῖαῖαεοεῖῖ.*

«Вопрос этот слишком широк и сложен... не могу, однако, не сказать, что в поводах к обвинению евреев в то время не было недостатка... В мирное время их терпели на разных нестроевых должностях; в военное время... евреи наполнили строевые ряды армии... При наступлениях они часто бывали позади, при отступлениях оказывались впереди. Паника в боевых частях не раз была обязана им... Отрицать нередкие случаи шпионства, перебежек к неприятелю... со стороны евреев тоже не приходится... Не могла не казаться подозрительной и поразительная осведомленность евреев о ходе дел на фронте. "Пантофельная почта" действовала иногда быстрее и точнее всяких штабных телефонов... В еврейском местечке Барановичах, рядом со Ставкой, события на фронте подчас становились известными раньше, чем узнавал о них сам Верховный со своим начальником штаба».

Не могу удержаться от искушения процитировать к месту фразу из рассказа классика Марка Твена «Моя автобиография». Повествуя о своих якобы предках из рода Твенсов, он пишет:

«Это были достойные, неустршимые молодцы, которые шли в бой с песнями позади всех и бежали с поля битвы с воплями в первых рядах». Правда, похоже?

*Ἰῖ ἀαῖαῖ ἠῖ ἐ Νῆεαῖεοῦἰα Ἰῖ ἀ ἀαῖῖῖ ἰ ἀνοἀ ἠαῖαῖ ἐπῆαῖαῖεγ, ἰῖοῖαε ἠοῖ ἐε
ἰα ἀαῖεῖοῖ ἀῖεῖα ἠεαοααοῖνῖ ἠ οαδαεοαδεῖνδῖεῖ, ἀαῖῖε ἠεααοῖ-ααδῖῖ ἰοοῖ-
ἰδῖοῖδαῖεοαῖ. ῖαῖοῖ ἰδε γοῖῖ ἐ ἰαῖαεαγ, ἐ ἰτεῖαγ εἰοδεε. Αεγ ἀγῖαε αα
οαεεοαεῖνδῖο ἐ ἀῖεαεαδ ἀνοααγῖοῖνῖ οδαῖ:*

«Ἐαῖεα (οῖαεα ἰαῖ οαδεῖο. - Α.Ἰ.) ἰοῖα-ααδ ἀδαεῖεῖα ἰδῖεῖνῖααῖεα ἠαῖ ἰα
Οαῖεῖεῖα».

*Ααῖεαοῖ Οαῖεῖεῖεῖ ἠαῖ - ἀαεε ἐ ογ ἰα ἠαῖεὸ εεῖαοῖ ἰα αῖααδ, οαεεῖ ἀῖο ἠοαδῖ
ἰδῖαδαῖῖῖ ἠῖῖῖαῖ ἠαῖ Νῆεαῖεοῦἰ «εῖῖαῖῖ» ἐ ἀῖεῖαγῖαῖαῖ ἰδαῖῖοαεγῖο ἠεοαοαῖ
ααεαοῖαῖαῖ.*

*Αῖαῖαῖ γοαεεὸ ἀῖο «ααδαῖ», εαε Οαῖεῖεῖεῖ, ἀ ἰαεοῖαεοαε ἰαῖ οαδῖε ἐ
εααεῖνδῖοε-ἠεῖε ἐεοαδαοδαῖ αῖοοαδ ἀεεῖεῖα ἰῖαεῖαῖ. Οαε, ἰαῖδεῖ ἀδ, εγ οαὸ αα ἀαῖ αῖ ἐ
ααεῖ ὀαεοῖ ἰα ἰδεῖαεοῖνῖ: ἀδαεῖεῖα ἰδῖεῖνῖααῖεα ἰδῖεῖνῖαεῖνῖ ἐ ἠ ἀεαοῖ ὁ οῖα αα
Βῖοεεῖε-α ἰα ἰῖνδῖο ἰα-αεῖεεα οδαα Ααδῖαῖῖ Αεαῖεῖῖ αῖαοῖαῖ ἀῖαδαεὸ Αεαῖεῖαὸ
εεεῖῖ ὁ ἐ οαδῖ αῖαδαεὸ Εαῖῖαῖ Αα, αῖδῖ-αῖ, οἶ ἀνοῖῖ ἀῖῖ ἰεοῖ ἠοῖ ἠαῖ ἰα αα Νῆεαῖεοῦἰα
αῖ ἀαῖ γῖ ἰῖ ἰα αα ἰῖαῖ ἰα «αῖγῖεὸ ἰδαῖῖα» ἰαδῖεαῖεεε ἀ Νῆεαῖεοῖαδ, ἀῖεῖαῖ ἰδῖοδα-ἰῖ - ἐ
ἰ ἰῖαῖεῖα-εοαεῖῖ! - ἰῖαῖ ἀδαεαγ ἰα αῖ ἰο-ἀνοῖ, εαε, ἐ νῆαῖ, ἐ ἰα «ἰῖδῖ-αῖεῖαῖνῖ».*

Однако продолжим цитировать этого автора.

«10–11 мая 1915 был издан приказ остановить выселения, и они прекратились».

Так! – пишет Солженицын. Мы видели, однако, что господа министры обсуждали эту проблему и в июле, и в августе. Неужели же правительство императорской России действительно было настолько оторвано от жизни, что продолжало пережевывать информацию трехмесячной давности?! Вот уж, поистине, «королевский жираф»!

Заключает тему выселений Солженицын следующим историософским рассуждением.

«...Не жест ли Истории, что это массовое выселение – и само оно, и возмущенная на него реакция – послужили реальному и желанному уничтожению черты оседлости?»

Так вот и ждешь, что буквально вослед за этим риторическим вопросом последует другой, мучивший в популярном романе одного из героев, «тоже ковырявшегося в истории», – Васисуалия Лоханкина:

«А может быть, в этом и есть великая сермяжная правда?»

Ἰδὲ τὸ ἀδ' αἰὲν ἵτ' εἰ ἰδὲ τ' αἰὲν ἀδ' αἰὲν τὸ ἀδ' Ἀ.Ἐ. Οὐδ' αἰὲν εἰ.

Ἰ Ἀ Οὐ Δ' Ο Εὐ Δ' Ἐ Ἰ Ἀ Ἐ

Содержание яхонтовских протоколов никем из историков не подвергалось сомнению. Даже наш малопрятный ученый знакомец Н.Н. Яковлев, использовавший их весьма своеобразно, даже и не усомнился в их достоверности. К тому же, несмотря на конфиденциальный характер проводившихся совещаний, соображения, высказывавшиеся на них, весьма тривиальны. Своеобразный table-talk господ царских министров. И мемуары немногих из достаточно компетентных современников всё, в общем-то, подтверждают.

Мемуаристы противоречат друг другу в вопросе, чье влияние было сильнее. Так, П.Н. Милюков, скажем, без обиняков писал, что Верховный Главнокомандующий был «в кармане» у своего начальника штаба. А тот же Курлов считает единственным (!) недостатком Янушкевича «страх перед великим князем». Но, пожалуй, можно согласиться, что оба Николая Николаевича – что называется – «два сапога – пара».

Шавельский, близко знакомый с обстановкой в Ставке, писал о великом князе и его штабе, что их влияние на ход боевых действий не превышает возможностей помещика, проживающего за границей, влиять на управление своим имением.

Недалеко от Ставки ушел в своих возможностях и кабинет министров. Какие евреи, какие «масоны» были еще нужны для того, чтобы этот государственный строй, справедливо, хотя и не доказательно характеризуемый вчерашними историками как «прогнанный», рухнул?!

Вообще непонятно, о чем думали эти и им подобные «мудрецы», готовясь к войне? Неужели они так-таки и впрямь полагали: воевать на «еврейские деньги»? А если так, то почему считали, что получить эти деньги будет легко, – даже не беря их владельцев в союзники?

Поневоле приходит в голову мысль: а не является ли проблема «еврейских кредитов» для господ министров таким же оправданием их потрясающе-чудовищной хозяйственной нераспорядительности, как пресловутый бездоказательный «еврейский шпионаж» – для полководческой бездарности Ставки?

К сожалению, и у современных отечественных историков по-прежнему нельзя найти действительно конкретных указаний – каких кредитов, в каком объеме и от кого все-таки ожидали царские министры? И скольких кредитов в конце концов все же действительно добились?

Эти вопросы не одним нам представляются вполне уместными, и в этом мы солидарны с современным исследователем проблемы – профессором Дипломатической академии МИД России доктором исторических наук В.Г. Сироткиным. Ведь если советское правительство отказалось, – как всем известно, – от выплаты царских долгов, то это означает по логике вещей одно: какие-то займы от Запада воевавшая Россия все же получала.

Ну, а какую роль в полученных займах сыграли евреи?

По всей видимости – и это тоже остается за скобками. Возможно, такая информация имеется где-нибудь. Скажем, за семью замками предположительно на той же Лубянке. Или в близких ей работах «специального характера». Пока что ясно одно: в обзорных трудах сих сведений не сыщешь – даже в библиографии или ссылках, пусть хотя бы и наимельчайшим петитом.

Общее правило таково: если евреи не дают займы или же ставят какие-то условия, то это – просто неслыханная жестокость с их стороны (помните – нож к горлу?). Если евреи дают займы – дают, но требуют в последующем выплаты (как, впрочем, и все заимодавцы-неевреи!) долгов, то это – только лишний раз свидетельствует о низменности их натуры. Проклятые Шейлоки! Если же евреи и дают займы, и не требуют денег обратно, то уже это одно свидетельствует об их изощреннейшем, просто наглом коварстве. Все же ясно! Они не требуют возврата долгов, потому что намерены захватить все.

Странно все же, однако, что советское правительство («сплошь – евреи!») отказалось платить царские долги западным банкирам (сплошь евреям!). Но и этому у «добротного патриота» найдется толковое объяснение: какие, дескать, могут быть счета между своими?!

Такая «логика» весьма живуча. А потому не стоит даже и удивляться трудам тех историков, которые вчера в эмиграции, а сегодня в России, обрушивают свои инвективы на евреев. И в первую очередь – за то, в частности, что представители оногo «народа избранного» не пожелали поддерживать строй, объявивший им, по сути, войну. Тот строй, который, терроризируя евреев, сгоняя их с насиженных мест, своими руками произвел мобилизацию и определил их место в период кровавейших революций и гражданской братоубийственной войны.

«ХРАБРЕЕ СОЛДАТА, ЧЕМ ГЕНЕРАЛ ПЛАСКОВ, НЕ ЗНАЮ»

Áëääëí èð Øëÿöòáðí áí

Øáë í òí çáëíÿ ï áðòáë Á.Ë.Ëóëíá í áðáðáëë áíí áðáë-ëáëòáí áí òá áðòéëëíðëë Áðëáðëë Áááëáíáë-á Íëáíëíáá, ðíáëáðáí ñÿ á áááííë áððéíëíë ñáí ñá á Íëííëá è í ðíòááíðáí áíð Ááëëëøø Íòá-áíòááí í øø - í ò ñðáëáí èë í á áðáíëóá áí áíáá á Ááðëëíá

Однажды в мой кабинет (я работал ответственным секретарем газеты «Московский комсомолец») вошел генерал, представился: Пласков. Было это в 1961 году. Генерал принес статью. Обычно материалы о минувшей войне я в отделы не отдавал, готовил их сам. Среди работников редакции к тому времени участников Отечественной почти не осталось.

Быстро пробежал глазами рукопись, понял, что над ней придется изрядно поработать. Но подкупала искренность материала. Генералу же сказал, что статья нам подходит, требуются лишь некоторые дополнения и уточнения. И стал задавать вопросы. Проговорили мы часа два. Беседовать с Григорием Давидовичем было нелегко: скажет фразу и замолкает. Последствия контузии... Условились, когда будут гранки статьи, он приедет и прочтает. Так и сделали. Генерал правкой остался доволен, а прощаясь, сказал:

– Теперь я знаю, как надо писать очерк. Следующий будет лучше.

Следующий не заставил себя долго ждать. А потом появились и третий, и четвертый... Я перешел в новую редакцию и уже сам заказывал Пласкову материалы. Больше того – когда его просили выступить в каком-нибудь другом издании, он нередко сначала приносил статью мне. Каждый его приход

сопровождался долгой беседой. Разговаривать с ним было очень интересно. Случалось, номер уже подписывали в печать, а мы все беседовали.

Григорий Давидович пригласил меня с женой на свое семидесятилетие в ресторан «Арагви». Пришли его однополчане – генералы, офицеры. Вот когда я пожалел, что не взял с собой диктофон! Хотя, наверное, с диктофоном я выглядел бы довольно нелепо. Застолье проходило весьма непринужденно. Не было юбилейных речей. Я переходил от одной группки к другой и слушал, что рассказывали друзья юбиляра. Одни вспоминали, как попали вместе с ним под бомбежку, другие – как Пласков ходил в атаку, третьи... Записать все это было невозможно. Да и спрашивать рассказчика, как его фамилия, – неуместно. Впрочем, некоторых я узнал – генерала армии Радзиевского, генерал-лейтенанта Телегина.

Эти заметки, штрихи к портрету генерала Пласкова, родились из наших бесед с ним, рассказов его однополчан, документов, которых, увы, сохранилось немного. Правда, при жизни генерала в Воениздате в серии «Военные мемуары» вышла его книга «Под грохот канонады», с которой я сверял свои записи. Заранее прошу у читателя извинения за то, что не всегда смогу точно указать, кто именно припомнил тот или иной эпизод.

Про резолюцию и архиерейские часы

Где и когда маршал Жуков произнес слова, вынесенные в заголовок? Отвечаю: не произнес, а написал, и я самолично видел написанное маршалом.

А дело было так. В одну из встреч Григорий Давидович поведал мне эту историю.

– Однажды, – рассказывал он, – позвонил мне знакомый полковник из штаба фронта уточнить кое-какие детали в моем личном деле: меня представляли к очередной награде. Уточнили, а потом полковник сказал: «Знаешь, какую резолюцию на представлении наложил представитель Ставки?!» И прочитал вслух: «Храбрее солдата, чем генерал Пласков, не знаю». А представителем Ставки был Жуков, и я закричал в трубку: «Вырви этот листок, отдай мне! У меня орденов много, а такая запись дорогого стоит!» Он отвечает: «Не могу, документы в Москву идут». Взял я ящик водки и с разрешения командарма рванул в штаб фронта. Словом, удалось получить ту бумагу...

Я попросил Григория Давидовича показать ее. Через несколько дней он приехал, достал из «дипломата» листок. Я хотел было взять его, но генерал довольно неучтиво отвел мою руку: дескать, не прикасайся! Я опешил, но послушно прочел резолюцию маршала из рук Пласкова.

Готовя свои заметки, пытался разыскать драгоценный листок. К сожалению, ни у сына Юрия (он тоже бывший военный, подполковник запаса), ни у внука Виктора, ни в Центральном архиве Минобороны, ни в Музее Отечественной войны в Минске, куда дочь Пласкова Ася передала ордена и какие-то бумаги отца, листка не оказалось. Увы, Ася Григорьевна несколько лет назад умерла. Но я не теряю надежды, что документ со словами Жукова отыщется.

À ĩ eãñtãã - eññã ãí eóíã eðãñĩ ĩãããðããeñtã ĩ ò ðyãã

В качестве командующего артиллерией армии Г. Пласков, естественно, встречался с Жуковым – на совещаниях, командно-штабных учениях перед крупными операциями. И как говорил сам Григорий Давидович и как свидетельствовали его боевые друзья, он боготворил Жукова.

– Проводил однажды Жуков совещание в штабе фронта, – рассказывал незнакомый мне грузный генерал на юбилее Пласкова. – Все расселись. Только маршал начал говорить, открывается дверь, и входит Пласков, просит разрешения присутствовать. Жуков недовольно глядит в его сторону: «Почему опоздали, генерал?» Григорий отвечает: «Виноват, товарищ маршал, но на моих часах без двух минут шестнадцать». Жуков ему: «У вас часы архиерейские, выбросьте их». Пласков подходит к окну, на ходу снимает золотые часы и швыряет их в форточку.

– Как-то я напомнил ему про то совещание и часы, – продолжал генерал. – А он мне говорит: «Ты не знаешь продолжения этой истории. Через два дня на мой КП приезжает порученец Жукова и вручает часы. Я, – говорил Гриша, – их не носил, держал в коробочке. При очередном ранении коробочка пропала».

– Помните, в пятьдесят седьмом, когда Жукова сняли, проходили партактивы, одобряли решения Пленума ЦК, – вступил в разговор другой генерал. – На одном таком активе я был вместе с Пласковым. Сидели недалеко друг от друга. Как полагается, доклад, выступления, резолюция. Голосуем: «за» – лес рук, «против» – поднята одна рука. Посмотрел – ба, это Гриша! Ну, думаю, пропадет человек. Обошлось, посчитали, что не успел опустить руку, когда все голосовали «за».

– А про госпиталь знаете? – Еще один генерал присоединился к нашей группке. – У Гриши ноги отказали, это уже после войны было. Положили его в госпиталь. Как-то приходит лечащий врач, говорит: «Вчера Жукова к нам привезли, спросил, кто из генералов тут лежит. Ему называют фамилии, упомянули и вас. “Вот его, – сказал Георгий Константинович, – я бы хотел увидеть”». Гриша как услышал это, так сразу потребовал, чтобы его отвезли к маршалу. Гришу отговаривают: вы, мол, еще слабы, да и каталки нет. Тогда он слез с кровати и пополз на четвереньках. Ну, его сразу подхватили, нашлось и кресло на колесиках. Повезли к маршалу. А вот о чем беседовали – молчит.

À àò àéðyãé õãĩ e

– Полагаю, вы сами Жукову не рассказывали, какой вы храбрый.

– Упаси Б-г! Об этом вообще не принято распространяться. Но вот мне передали, что на каком-то совещании Георгий Константинович упрекнул генералов: дескать, вместо того чтобы заниматься организацией боя, сами идут в передовые цепи. Правда, мою фамилию не упомянул.

– А бывало такое?

– Случалось. Но и сейчас считаю, что поступал правильно. Про гражданскую войну даже не говорю. Но вот летом сорок первого отступали по Смоленщине. Старались отходить организованно. Подошли к Днепру. Там он не очень широк. Мост сохранился, по нему переправляются войска, техника, грузовики с гражданскими. Как ни охраняли зенитчики мост, немецким самолетам все-таки удалось его разрушить. А на правом берегу еще осталось порядочно повозок, машин. И среди них – три грузовика с ребятишками из детского дома. Командир дивизии приказал построить плоты и на них переправить эти машины. Солдаты побежали связывать доски и бревна. И вдруг слышу страшный треск, шум. Буквально через минуту прямо против нас, метрах в тридцати – сорока, десятки мотоциклов. Немцы! Они заглушили моторы. В тишине раздался голос: «Рус, сдавай!»

Меня такая злость взяла, что не передать словами. Вскинул пистолет и бросился вперед. Что кричал – не помню. Через секунду меня обогнали бойцы, стреляя на ходу, пошли врукопашную. Немцы сначала опешили, потом тоже стали стрелять. Но куда там – мы били их прикладами, руками, ногами. Прямо против меня немец прилаживал автомат. Никогда не занимался самбо, а тут подпрыгнул, ногой вышиб оружие.

Через несколько минут опять стало тихо. Быстренько связали плоты, переправили ребяташек, наших раненых, обозы, трофейные мотоциклы.

– Это была, можно сказать, вынужденная атака, деваться вам было некуда. Но я знаю, что и в запланированную атаку ходили.

– Было дело, – скупой улыбнулся Григорий Давидович. – Пришлось нам оставить город Думиничи. Только взяли его после тяжелых боев, как опять отдали. Командарм бросил в бой только что прибывшее пополнение. Необстрелянные ребята залегли в снег, и не было никакой силы поднять их. «Испугались» – откровенно говорили они, когда мы их собрали. Я тогда и пообещал им: мол, завтра с вами пойду.

Узнав об этом, комиссар укорял меня: генерал, член Военного совета армии и в атаку норовит. Но раз сказал... Утром была артподготовка, после нее пошел в цепи вместе с пехотинцами. Я знал, что скоро должен быть огневой вал: это когда снаряды ложатся впереди тебя в нескольких десятках метрах. Как-то поведут себя бойцы в такой ситуации? Да и я, признаться, впервые шел за огненным валом. Страшновато, конечно, было. Как ни пригибаешься, а воздушная волна бьет в лицо, срывает шапку. Но продвигались споро.

– Вы попадали в отчаянные ситуации. Но была, наверное, самая-самая?

– Дайте вспомнить, – Григорий Давидович задумывается. – Вот, пожалуй, эта. Подходили к Южному Бугу. Наступали стремительно, закрепляться немцам не давали, за сутки проходили по 50–60 километров. Выдвигаемся к реке. Разведка доносит: впереди село свободно, туда можно ехать. Наша колонна – передовые пункты управления, заместитель командарма, член Военного совета армии. Проехали метров сто и неожиданно попали под огонь пулеметов и минометов. Мотоциклисты сопровождения погибли, наши машины загорелись. С трудом выбрались и – в ближайший дом.

Немцы сразу его окружают. Знают они, что в доме укрылись три генерала, или не знают, однако штурмуют ожесточенно. Слышны их крики, автоматы строчат, к окнам подойти невозможно. Но огрызаемся. Немцы поджигают дом. Деревянный, занимается сразу. От дыма кружится голова, глаза слезятся. Стены уже горят. Не сговариваясь, взводим курки пистолетов: последнюю пулю себе.

И вдруг слышу: «Ура!» Такое родное... В дом ворвались наши, вынесли и вывели всех на воздух. Через полчаса проезжал мимо – на месте дома одни головешки дымятся. Чуть опоздали бы наши – не беседовать нам тут с вами.

О других эпизодах я узнал благодаря Белорусскому государственному музею истории Великой Отечественной войны. Написал туда письмо, попросил поделиться материалами о генерале. Директор музея Г.И. Баркун выслал мне копии документов и фотографии стенда, посвященного Пласкову.

... Это случилось 21 июля 1941-го. Командир артиллерийского дивизиона, не выдержав огня противника, запаниковал, бросил свои 12 пушек и бежал с поля боя на тракторах. Остановить бегущих не смогли. Тогда полковник Пласков вскочил в машину, обогнал колонну тракторов и лег поперек узкого участка дороги. Водитель головного трактора остановился. Григорий Давидович повернул машины назад, под огнем подцепил брошенные орудия и вывез их на новые позиции. Сам отходил на последнем тракторе.

А две недели спустя «тов. Пласков в районе дер. Екимовичи, лично руководя огнем батареи, в упор подбил 4 танка и 13 мотоциклов противника и повел батальон пехоты в атаку...»

Это строки из письма в Президиум Верховного Совета СССР, подписанного Г. Жуковым, маршалом артиллерии В. Казаковым, генералами Кривошеиным, Телегиным, Тарановичем, полковником Левитом. Они считали своим долгом снова возбудить вопрос о присвоении Г. Пласкову звания Героя Советского Союза. Почему – снова? Потому что в мае сорок пятого после окончания Берлинской операции командование 2-й Гвардейской танковой армии представило Григория Пласкова к этому званию. Сейчас уже нельзя понять, почему ни тогда, ни в 1967 году, когда маршалы и генералы написали свое ходатайство, Указа не последовало.

Через год – шестидесятилетие Победы. Генералов Отечественной войны, наверное, увы, в живых уже не осталось. Но остались документы, которым нельзя не доверять. Глубоко убежден: надо, непременно надо вернуться к наградным делам, которые почему-либо не были завершены должным образом.

Г О Д А А А Е О Е Е

Мы полностью поддерживаем предложение автора. 60-летие Победы – отличный повод еще раз внимательно изучить представления к наградам и воздать должное героям-победителям. Это, в первую очередь, нужно нам, живущим, нашим потомкам. Чтобы вечно помнили о солдатах Великой Отечественной.

А о о о м о о а и е е...

Однажды Григорий Давидович появился в редакции накануне 9 мая. Меня в тот день пригласили в подшефную школу на праздник в честь Дня Победы, и я был при «параде» – в гимнастерке с орденами и медалями. На правой стороне выше гвардейского знака была пришита золотая полоска – свидетельство тяжелого ранения. (За легкое полагалась красная нашивка.) Заметив, что генерал обратил внимание на золотую полоску, я спросил его, сколько раз был ранен он сам.

– Гражданскую войну считать?

– Считать.

– В гражданскую три раза, – начал он загибать пальцы на руке. – Под Бугом – четвертое... – Он дошел до восьми, сбился, стал считать снова, опять сбился и сокрушенно произнес: – Жена моя Дора Григорьевна точно знает.

– Какое ранение запомнилось больше всего?

– Перед нашим выходом к румынской границе весной 1944 года. Армия тяжело продвигалась вперед, потери большие, а командование фронта торопит – вперед! По поручению командарма поехал в бригаду, которой никак не удавалось продвинуться. И попал под минометный обстрел. Осколком рассекло ногу. Медиков поблизости нет, водитель «виллиса» промыл рану водкой. В бригаде сделал что мог, вернулся в штаб армии, докладывал сидя. Командарм Богданов приказывает отправиться в медсанбат. Но как лежать, когда через два дня наступление?

Поехал в корпуса и снова попал под обстрел. Снаряд разорвался метрах в десяти. Успел лечь, но оглушило, потерял сознание. Два дня ходил как пьяный – так шатало. Но ничего, обошлось.

А вот когда вновь поехал в наступающую часть, тут уже получилось сложнее. На этот раз снаряд упал совсем рядом. В голове шумит, из левой руки кровь хлещет. Стали выносить с поля боя – еще один снаряд. Помню только, что я упал между двумя горящими танками – немецким и нашим. Товарищи потом рассказывали, едва меня вынесли в безопасное место, как оба танка взорвались. Доставили во фронтовой госпиталь, там сразу приговор: газовая гангрена, руку ампутировать. Спросили: согласен? Как везли в Москву – не помню.

– Но рука-то осталась?

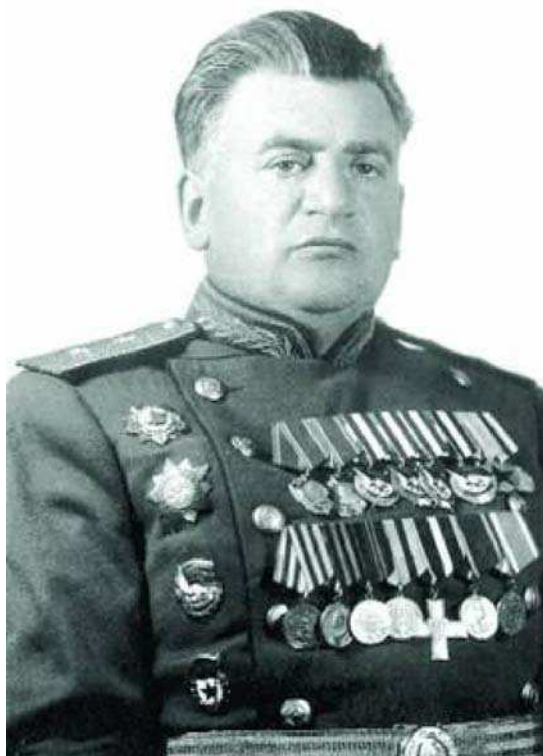
– Осталась. Благодаря профессору Богоразу. Вот кто, скажу вам, герой и волшебник. Я чуть в обморок не упал, когда увидел, что его самого санитары на руках несут!

– Как же он оперировал?

– А вот так – стоял на протезах, у него обеих ног не было. Стоять мог, а ходить – нет. Сделал операцию, ампутировать руку не стал. Правда, долго была в гипсе. Так, загипсованный, и возвратился в родную армию. Ох, и тяжело пришлось: руку не поднять, да еще и ослаб сильно.

– И воевали в гипсе?

– А что делать? В полевом госпитале гипс сняли. Стало легче. Это уже перед Висло-Одерской операцией, дел было невпроворот: впереди Берлин маячил.

Ïÿòúé ïóíèò íá÷èòàë

В одной из бесед я спросил Пласкова: встречался ли он на фронте с проявлениями антисемитизма?

– Как на духу говорю – ни разу, – ответил он. – Я в армии уже более сорока лет (разговор происходил в 1968 году). Представляли меня к офицерским и генеральским званиям, к наградам, заполняли анкеты, а там пятый пункт – о национальности – всегда был. Кончил войну генерал-лейтенантом, орденов вон сколько.

– Некоторые ваши однокашники по Академии Фрунзе...

– Во-первых, не все генерал-лейтенантами стали. А во-вторых, со мной учились очень талантливые военачальники. Вот Миша, Михаил Сергеевич Малинин. Всю войну был начштаба у Рокоссовского – в армии, на фронтах. Уже после войны получил генерала армии, стал по праву первым заместителем начальника Генштаба. Умница, работяга. Да и другие мои однокашники отлично проявили себя в войну. Мне, считаю, грех жаловаться на свою судьбу. За всю войну меня только один раз понизили в должности – с командующего артиллерией армии до заместителя. Да и то на пару месяцев.

– Неужели никто из подчиненных не сетовал на притеснения по национальному признаку?

– Представьте себе – никто. Говорю не только о евреях. Может, политработникам что-то такое и было известно, но мне они не докладывали... В нашей армии только двое – командующий и я – имели право награждать солдат и младших офицеров от имени Президиума Верховного Совета СССР.

Когда подписывал Указы или представления к высоким наградам, обычно в бумагах, кроме фамилий, ничего другого не читал. Знал всех отличившихся и без анкет, а какой он национальности, меня не интересовало. Проявил себя – получи награду.

– Но о своих помощниках – высших офицерах знали, кто они, какого роду-племени?

– Кавказцев, конечно, по внешнему виду отличал. Были офицеры с явно еврейскими фамилиями. – Пласков вдруг замолчал, а потом сказал: – Наш разговор заставил меня вот о чем задуматься. В Воениздате лежит рукопись моей книги. Там я упоминаю о многих товарищах, с которыми ел кашу из одного котелка. Среди них были и евреи. По-моему, ни одной фамилии не выбросили. Ну вот, к примеру, полковник Соломон Левин – начальник инженерных войск армии. Я когда впервые увидел его, подумал: да такого близко к военной службе подпускать нельзя – хилый, болезненный, в чем только душа держится. А какой оказался великолепный организатор, да и храбрец необычайный! Я никогда не видел его отдыхающим. Ума не приложу – как он всюду успевал? Даже в атаку водил своих саперов!

– Форсируем Южный Буг, – продолжал Григорий Давидович, – саперы возводят понтонный мост. Немцы бомбят нещадно. Подтянул к реке все свои зенитки, заставляем самолеты подниматься выше, тогда бомбометание не такое прицельное. Но все равно – разрывы близко от понтонов. А саперы продолжают трудиться. И среди них на понтоне стоит Соломон Моисеевич Левин. Худенький, маленький, а голос зычный, уверенный. Как его слышат в таком хаосе? Однако работа идет споро. Направился к Левину, прошел по понтону, – и вдруг рядом взрыв. Меня швыряет в воду. Первым, кого увидел, был Левин, помог выбраться. Я продрог жутко, а каково саперам, их начальнику? По грудь в холодной воде да под обстрелом. В книге должна быть фотография Левина. (Действительно, в мемуарах Г. Пласкова «Под грохот канонады» есть фотография Левина, и сказано много теплых слов о нем.)

Разговор перешел на другие темы, мы беседовали еще довольно долго. Уже прощаясь, генерал неожиданно спросил меня:

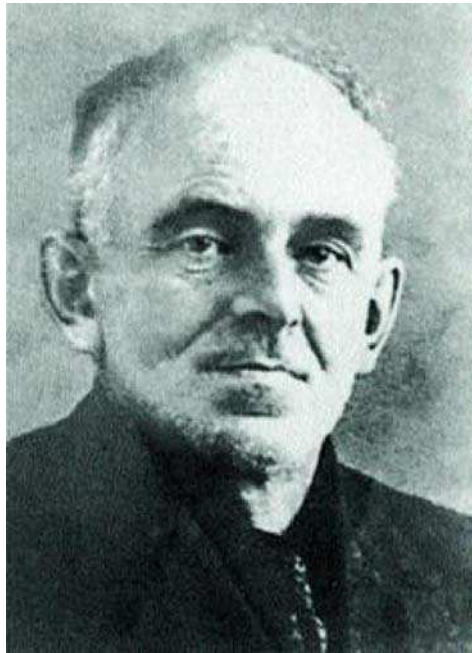
– А вы сталкивались с антисемитизмом на солдатском уровне, в солдатском быту?

Я искренно ответил, что не сталкивался и поводов упрекнуть меня в трусости не давал. Но вот о какой любопытной вещи недавно узнал от своего командира роты. Он (армянин родом из Баку) рассказал мне, что однажды проверяющий из штаба бригады обратил его внимание на то, что меня чаще других ставят в боевое охранение. «Я, – сказал ротный, – вспылил и ответил, что уж Шляхтерман в плен никогда не сдастся».

Пласков посмеялся над таким необычным поворотом национального вопроса.

Г.Д. Пласков награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Кутузова I степени, орденом Богдана Хмельницкого I степени, медалями «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», польским орденом «Красного Грюнвальда» 3-го класса, польскими медалями «За Варшаву» и «Одер-Нисса-Балтика».

Семнадцать раз он отмечен в приказах Верховного Главнокомандующего.

Ἰνὲι Ἰ ἀτᾶαἰῶσὸαὶ : «Ἰ ἐπὶ ἀαἰῶνι, εἰς ἰδὴ ἰεσὸδὸ ςαδᾶτᾶα δαδᾶτᾶαί ἰῶα ἁαῖτε, ὃ ὄτ:ὸ ἰεᾶαὸὸῦ ἁ εἰῶι...»

Осознав, что его лишили права чувствовать себя «советским человеком», Мандельштам вдруг с ужасом ощутил это как потерю:

*Ὀτᾶ δαεᾶτᾶι ἀτᾶα ἁ τὸ ἰ ἁδὸ ὀ δα ἁαῖεᾶ,
Ἄααδὸ εἰ ἀτᾶε ἰ ἁ Ἐααῖ ἰε εἰ ἁ × αδᾶῦ ἰ ὀ ἰ ἁαῖεᾶ
Ὀαἰ ὃ ἰ εἰεῦ εἰ ἰ δαεᾶ τᾶα ἁαῖεῖε ἁ ἰεἰ ἁ
Ἰαἰ ἁαῖεῖε ἁ ἰεἰ ἁ, ἰ ἁεἰ ἁτᾶρ ἁ ἰαᾶ
Ἐ τᾶ ἰ ἰῖρ αεἰ ἁ - ἰ ὃ ὀ ἰ ἰ ἁεἰ ἁ ἰ ἁ τᾶεᾶ,
Ἰ ὃ ὀ ἰ ἰ ἁεἰ ἁ ἰ ἁ τᾶεᾶ - ὀ δαδὸ εἰ ἰ ἁεἰ ἁ ἰ ὀ ἁαῖεᾶ..
Β τᾶ ἰ ὀ δαεᾶ, ἰ ὀ ἁαἰῶν ἰ ἁ δαεἰ ἰε εἰ ἁ τᾶεᾶ -
Ἰ ἰεἰ ἰ ἁτᾶἰ ἁ Ἐαἰ ἁ ἰ ἁεᾶτᾶἰ ἰ ἁ αῶεᾶ..
Ἐ ὄτᾶ εἰ τᾶἰ ἁῦ ὀ σὸ αεἰ ἁαἰεῶ ὀ ὀ ἁ - ἰ ἰεἰ εἰ -
Ἄ ἁεᾶτᾶ: ἰ ἰεἰ ὀ δαεᾶ, ἰ ἁεἰ ἁ ἰ ἰεἰ εἰ ἁεᾶτᾶ εἰ,
Ἐ ὄτᾶ εἰ τᾶἰ ἁῦ ἰ ὃ ὀ ἁαῖεᾶ ἰ ὃρ ἁεᾶτᾶ
Ἄ ἁεᾶτᾶ ἰ ἰεἰ εἰ εἰ ἁεἰ - ἁαδᾶ: ἰ, ἰ ὀ δαἰ ὃ ὀ ἰ*

(Ἰ ἁε, 1935)

Чувство это было подлинное, невыдуманное, реальное. И Мандельштам ухватился за него, как утопающий за соломинку, стал судорожно раздувать эту крохотную искорку, чтобы, не дай Б-г, она не угасла, стал беречь и лелеять ее как единственную возможность выжить:

Èpàèp øéíæüéðàñí íaðí æéñéé ñéæáæé,

Áæéíóáí íÿò, ðéæááí ðñòíé

è æááæéé

È àíéæñéíé òó:á ðñáñòááí í úé

ííèðñé,

×òíá, íà ñíéíá è íà áðóæ

èñíáòÿñí

Ííá éæææè, íà çáíáñíá òðáòÿñí

È ñéàòóáæéáñíéáòíáþ ííðñé.

Í ðñéÿòúé øíá íæáíáÿ çàòáÿ

Íáñ ðáçéó:éèè. Á òáíáðÿ ííéí è -

В áíéæáí æèòú æúøá

è áíéñóááÿ,

È íáðáá ñ áðòíþ òíðíøáÿ,

Áúá ííáúòúè ííéáðáòúñéþáñí è.

(Í æé-èþíú 1935)

Он сам еще даже не понимал, что с ним произошло. Он думал, что он – все тот же, прежний, несломленный, одержимый неистребимым сознанием своей правоты:

Èèøéá í áíÿ í íðæé, ðáçááá è ðáçéáòá

È ááá ñòííá òííð íáñéüñòááí ííé çáí èè,

×ááá áíæèèñíáú? Áéáñòÿùáá ðáñ:áð:á:

Áóá øááæÿùéøÿ íòíÿòúáú íá í íáè.

(Í æé, 1935)

А «блестящий расчет» тем временем уже дал в его душе свои первые всходы. И «шевелиющиеся губы» произвольно лепили уже совсем иные слова:

Áá, ÿ éææó á çáí èá, áúáí è øááæÿ,

Í í òí, ÷òí ÿ ñéæé çáó:èò éææáúé øéíéñíéè:

Í à Èdàní íé íéíúààè àííà édúàéè çàí èý,

È íèàò àá ò àáòáàò àí àdí àíéúú úé...

(Í àé, 1935)

Почвой, на которой проросло это странное семя, было – завладевшее душой поэта сознание противоестественности своего насильственного отторжения от жизни, нормальное человеческое желание «побыть с людьми».

Когда-то, в доброе старое время, факт ареста сам по себе еще не делал это естественное желание столь трагически неосуществимым. Человек был отторгнут от жизни, но связь его с людьми не прерывалась.

Сталинская тюрьма представляла в этом смысле совсем особый случай.

Здесь сам факт насильственного изъятия из жизни сразу отнимал у заключенного право на сочувствие, хотя бы тайное, тех, кто остался на воле. Отнимал даже право на их жалость.

Мандельштам столкнулся с этим тотчас же после ареста, по дороге в Чердынь.

«Á íàdííéíáíúò àáíáà, íà èòí úò àíéçààò, íà íàðíòíáá íéíáí, àíþáò íéèòí íá íàðáíáé àíéí àíéý íà òàéíá ÿéçíòè-àíéíá çðàéèúá, èàé àáíá ðàçíííéúò èþáàé ííá éííáíáí òðáò ííéààò. Í éèòí ààçá íá íáàðí óéíý è íá íííí òððáé íá íáñ Í ðéáíééé ííé ÷òí èé è òàééí çðàéèúáí èéé àíýéèííí “çàðàçí”? Èòí èð çíáàò, íí àòí àþ, ÷òí ÿòí áúéí íðýáéáíèáí íííáíé ííáòðíéíé àáçééáííòè: ðàç íííéàþò, àà áúá ííá éííáíáí, àéáíí, òàé è íááí... Ýòí ðááí íáòøéá òíéíú í-áíú íáð-àéí Í.Í.: “Ðáíúóá ííé í ééííòúíþ àðáíòáíòáí àááàéé, à òáí áðí àáçá íá ííáýáýò”. Í í í óéáííí áíáðéé, ÷òí íá áéçáò òàéíé òíéíú í íáéíí ííáéàòúú ÷òí óááíí - ðáíòáðçàòúú áíéòúú àðáíòáíòá, à çðé òáéé í íááíí óòíý íí éí íé».

(Í àááçéáá Í àí ááéúò òáí. Áííí íí éí áí éý)

Потрясло Мандельштама не просто равнодушие. С равнодушием и даже с враждебностью толпы арестант мог столкнуться и по дороге в царскую ссылку. Но тут было другое. Это было столкновение с монолитом, именуемым «морально-политическим единством советского народа». Не зря, оказавшись в Чердыни, озабоченная тяжелым психическим состоянием Мандельштама, Надежда Яковлевна расспрашивала ссылных эсеров и меньшевиков, хорошо помнивших царские тюрьмы: «А раньше тоже из тюрьмы выходили в таком виде?»

Ссылные в один голос отвечали, что прежде арест почему-то так не действовал на психику заключенного.

Мандельштам с ужасом ощутил, что фактом ареста его обрекли на полное, абсолютное отщепенчество. А жизнь, между тем, продолжалась. Люди смеялись, плакали, любили. В Москве строили метро.

Между ним и всей этой нормальной жизнью сразу возникла пропасть. И у него появилась естественная потребность уверить себя, что его выкинули из этой жизни несправедливо, что он этой жизни вовсе не чужой, что его с ней связывают узы кровной, внутренней, духовной близости. Близости, которую надо таить про себя, в которой даже нельзя никому признаться – все равно не поверят:

Í á, èàé í áòðí? Í íé-è, á ííáá òàé,

Í á íí ðáòèáàé, èàé í ááóáþò íí-èé...

À áú, ÷áííá éðáí éááíééá áíé -

Βαίε ἰὸν δαίμονα, πᾶσι τᾶν αἰῶν-εἰ.

(Αἰ δαίμ 1935)

Н.Я. Мандельштам считает эти настроения последствием травматического психоза, который Мандельштам перенес вскоре после ареста. Болезнь была очень тяжелой, с бредом, галлюцинациями, с попыткой самоубийства.

Говоря о том, как быстро Мандельштам сумел преодолеть эту тяжелейшую психическую травму, она замечает:

*«Ἀεὶ δαίμονα, ὅτι ἰὸν ἐσθλῶν ἰνδὸν εἰ ἀνέστη, γοῖ ἀντιεσθλῶν ἀδῆν ἰὸν
ἀδῆν ἀνέ ἀεὶ ἀνέ ἰδὲ ἐδὲ οὐκ ἢ ἀεὶ δαίμονα οὐκ ἰνδὸν ἐ ἰσθλὸν ἀνέ ἰδὲ ἀνέ. Ἰὸν ἰδὲ ἀνέ
ἀνέ οὐκ ἐ ἐ μὴ ἰδὲ ἀνέ ἰδὲ οὐκ ἰνδὸν ἐ, πᾶσι τᾶν αἰῶν-εἰ ἰδὲ ἰδὲ ἰδὲ ἰδὲ ἰδὲ ἰδὲ.
Ἄ ὁ ἀνέ ἰδὲ οὐκ ἰδὲ ἰδὲ, ὅτι ἰδὲ οὐκ ἰδὲ ἰδὲ ἐ ἐ ἀνέ οὐκ ἰνδὸν ἀνέ ἀνέ ἰδὲ,
ἰδὲ ἰδὲ οὐκ ἰδὲ ἀνέ οὐκ ἰδὲ ὅτι ἀνέ ἰδὲ ἰδὲ, ὅτι ἰδὲ οὐκ ἰδὲ ἰδὲ ἰδὲ ἀνέ».*

Можно, конечно, считать это болезнью. Но тогда придется признать, что болезнь эта была чрезвычайно широко распространена.

Вряд ли в ту пору можно было найти в стране интеллигента, который в той или иной форме не был бы тронут этой болезнью.

Болезнь поощрялась, культивировалась, считалась необходимой и благотворной, – так сказать, болезнью роста. Официальное наименование у нее было – «перековка».

Много было самых разнообразных средств, с помощью которых человека толкали в объятия этой странной болезни. Было, например, такое слово: «двурушничество». Этим словом клеймили каждого, кто имел какие-либо сомнения, хотя бы даже не принципиальные, частные, ничтожные. Каждый, кто по своему психологическому складу хоть несколько отличался от общепринятого стереотипа.

Признаться кому-либо в своих сомнениях – значило сделать на себя донос. Признаться в них самому себе – значило признать себя двурушником. А это очень неприятно – думать о себе: «Я – двурушник». Или – еще того хуже – в ужасе повторять трагикомическую, но вполне адекватную идиотизму происходящего формулу: «Я – не наш!»

Оставался только один выход: запретить себе сомневаться. Каленым железом выжечь из своего сознания все, что хоть на микрон отклоняется от всеобщего, предписанного и законенного единомыслия.

Так возникало ежедневное стремление интеллигента – по великолепному, пророческому слову Щедрина – «самообискаться». Так начинался самогипноз, самоугоаривание. Ежедневные заклинания типа:

– Я не хочу остаться вне революции, я должен быть со всеми, я не имею права пропустить по близорукости (или из-за личной обиды) то грандиозное, что совершается на наших глазах!.. (Возможны варианты.)

Сталинская тюремная и лагерная машина отличалась от всех аналогичных систем, помимо всего прочего, еще и тем, что она была призвана воздействовать не только на слабую плоть арестованного, но и на его душу. Это была гигантская мельница, перемалывавшая души людей и формирующая некую новую, унифицированную, стандартную душу.

Вовсе не случайно многие политические заключенные, попавшие в сталинские лагеря только потому, что не хотели «разоружиться перед партией», то есть отказаться от каких-то пунктов каких-то «платформ» и резолюций, спустя двадцатилетие, выйдя на свободу, с ужасом смотрели на своих лишившихся иллюзий современников как на циников, для которых не осталось ничего святого.

Мандельштам, разумеется, не имел с этими людьми ничего общего. Но если мы хотим понять, что делалось в его душе, мы не вправе с пренебрежением отмахиваться и от этих слабых душ, не вынесших свалившейся на них тяжести и настойчиво убеждавших себя, что они сохранили свои подлинные убеждения и взгляды. Они искренне думали, что сохранили душу свою невзирая на все телесные муки. Между тем, на самом деле они лишь на долгие годы законсервировали однажды явившийся в их душе страх перед сознанием полного, абсолютного своего социального одиночества.

По-человечески это очень понятно. Но какое до всего этого дело поэту, у которого страх от сознания своего социального одиночества меркнет перед сознанием своей правоты?

Этот страх может парализовать душу обывателя. Он может даже деформировать сознание революционера, публициста, трибуна, апеллирующего к толпе и от мнения этой толпы внутренне зависящего.

Но этот страх всегда был бессилен перед душой художника, поэта.

В конце концов, поэт на то и поэт, чтобы современники его не понимали. Это началось не сегодня:

Náíáíáú ñýòáúúí òñòúí íúé,

B áíóáé ðáí í, áí çáçáú...

Сознание это неизбежно трансформировалось в обиду на современников, органически неспособных принять в себя «живительное семя»:

Í áñéòáúú, í éðíúá í áðíáú!

Ááñ í á ðáçáúáé ò ÷ áñò è ééè÷...

(Í óóééí)

Поэт всегда в размолвке со своими современниками, он всегда имеет какой-то свой счет к «ближним»:

Í ðíáí çáèáòáòúú ñòáé éþááè

È í ðáááú ÷ éñòúá ó: áí úý:

Á ì áí ý áñú áéèáé í éá ì í è

Áðííáéè ááóáí í éáì áí úý.

(Éáðí í í ò í á)

Может показаться, что все дело тут в характере идей, провозглашаемых поэтом, что причина конфликта всего-навсего в том, что современники, к которым апеллирует поэт, просто пока еще не дозрели до понимания проповедуемой им передовой идеологии. Но вот даже Маяковский, у которого никакого идейного конфликта с современным ему обществом вроде не было и быть не могло, даже он горько сетует на то, что слишком уж опередил своих современников:

Î í á ñéó: í í

çááñú

í áí í í ó

āī āāāē,-
īīyòó
íá íāāī
ì íīāā, -
íāōūōīēēī
āāī ŷ
īēīōāē ōīāēò
ōāēīā, ēāē ŷ,
áūñòōīíīāā.

Идеи, проповедуемые Маяковским, были официальными догматами и расхожими массовыми лозунгами. Говорить о том, что современники не доросли, не дозрели до понимания и приятия этих идей, разумеется, не приходится.

Почему же и у него вдруг прорвалось это чувство человека, оторвавшегося от своих, забежавшего далеко вперед? Ведь не о личном же одиночестве старого холостяка эти тоскливые жалобы:

Í í ēīī óŷ,
é ÷ āōóá
īīīóò ÷ ēē!
Í è āōóè
íá óāāñò
ōŷāīī.

Или:

Āāēē á áūē ŷ
Āāī āīī ñēāŷ ēīēī í á,
ŷ á æāī èēñŷ
í à Place de Concorde

Все дело в том, что пресловутая враждебность художника и общества имеет в основе своей другую причину, нежели конфликт с современными ему обывателями какого-нибудь проповедника новейшей социальной доктрины.

Проповедник новых социальных доктрин приходит в столкновение с современниками, потому что его идеи еще слишком новы, они еще не стали (пользуясь марксистской терминологией) материальной силой.

Здесь идейный конфликт первичен, а социальное одиночество проповедника – вторично; оно есть производное, следствие новизны и некоторой непривычности его идей.

Социальный проповедник, если уж он обращается к потомкам, делает это только потому, что современники его не понимают.

У художника все наоборот.

Он обращается к потомству, потому что такова природа его духовной конституции, той самой, которую Пастернак называл «тем, что всякой косности косней». Он по самой своей сути создан для того, чтобы апеллировать к потомкам.

Мысль эту ни в коем случае не надо понимать как утверждение права художника на невмешательство в дела современников. Наоборот! Именно потому, что он всей душой устремлен в будущее, художник, как правило, входит в неизбежный конфликт с современным ему общественным устройством. Но этот конфликт – лишь форма проявления другого, неизмеримо более глубокого и неизмеримо более трагического противоречия. Поэт говорит:

Í ðí ùáé, íáì úòáÿ Ðíññÿ,

Ñòðáí à ðááíá, ñòðáí à ãñ'íá!

Он восславляет свободу и призывает милость к падшим. Он проклинает несправедливо устроенный мир и молит Б-га увести его в стан погибающих за великое дело любви. Он ненавидит тирана, играющего услугами полулюдей. Из века в век, из эпохи в эпоху, он все твердит и твердит свое:

Èçì ó:áñí áñí, ÿ óí áðáòú óí:á

Ðíñéà ñí íòðáòú, éáé ì ááòñÿ áááí ÿé

È éáé øóòÿ æéááòñÿ áíáá:á..

Но разве он делает это затем, чтобы исправлять нравы? Разве он надеется своим пером хоть что-нибудь изменить в этом подлом мире? Разве он стремится к тому, чтобы его боль стала материальной силой, овладела массами?

Веленью Б-жшо, о муза, будь послушна.

Обиды не страшась, не требуя венца,

Хвалу и клевету приемли равнодушно

И не оспоривай глупца.

Поэт всегда в конфликте с современниками (а иногда и с потомками), но это не столько социальный конфликт, сколько конфликт с самой человеческой природой.

Суть противоречия лежит не в сфере социологии. Это явление совершенно особого свойства.

Что же это за «высокая страсть», что за странная, необъяснимая сила, из века в век заставляющая поэтов, как говорил Пушкин, «для звуков жизни не щадить»?

Что вынудило слабого, запуганного, боящегося физических страданий Манделъштама написать стихи о Сталине, почти наверняка чреватые для него гибелью? Мало того! Не только сочинить, но, сочинив, прочесть – и не двум-трем особо избранным, а одиннадцати знакомым?

«Γαίλαεαύ οδοί Γ.Υ. ιδεάεαε εί ιία ίαεί (αα Γ.Β.), ά ηεεύίί άί αάεαάίεε, ίί αηεεε. Β ίίίγέ, ÷οί ίί ίαίεηε ÷οί-οί ίίία: ÷αί αúεί ίαίαοίαεί ί ίαί αάείίί ίίάεεοúγ. Υοεί ίίίαί ίεααείηί ηόεοίόαίόαί έά ί Νόαείά Β αúε ίίόδγίαί εί, ε γοίία ία όδαιάαείηί αúδαεαόοú ηεάαί ε. Ί ίηεά ίαόγú ίηόίεαάίάέγú ηόηηε Γ.Υ., ÷εοάε έε ίί γοί αúά έίί ό-ίεάαú «Ί έεί ί ά Ααί ίαάίί ό Ί ό έίίá-ίί, Ίάαίίεα..» Β ά ίίείίί ηό ηηεάοί ίεγέ Γ.Υ. ίάααοú ÷οί Γ.Β. ε γ ίηόαίάί ηγ αείηόααίίúί ε, εοί αάο ίά γοεό ηόεοά Α ίόαο ίίηεάίάε ί-αί ú αηεεε ε αίάεεε ηό ηό, ίί αηά αά ίάααίάεά ίεείί ό αίεεοά γοε ηόεε ίά ÷εοαόú Γ.Υ. ί ίά αε. Έίίά ίί οεάε, γ ηόαό αά ίίάοί αε, ÷οί ίαί ηηεεί ί, ÷οίαú ηόεε ίηόαεεηί ίεααίόúί ε ίί εδαείάε ί αά Αάα Βε (άδαόό Γ.Β.) ε Αίίά Αίάά Ί δε ίαάίε αά αί αηόδα:á η Γ.Υ. Α Εεú-είάó? - Ίαό, ίά ηάδαεό ίί ηάα ίάααίάέγ. Νεεοείί οε αί ό ίόείί

×εοαόάέγ! Νίάαó-εεά! Άδα-ά!

Αόεαεεύίί άγ ÷ααα άαά εεε όδε Γ.Υ. ηό ηεά:αεοαε οεηάείε, όί-ίί αú ίί ηάε εοηε ÷οίίά όίόα, ηίάαεε ί ίά: «×εοάε ηόεε (αúεί ίίίγοίί, εάεεá) Αίδεηό Έαίίεάίε-ό». Ό ί άγ ίαίόαείηί ηάόα Έίίá-ίί, Α.Έ. Ί αηόαίάε αúε αά ίίάίόαίεε (εάε ε Αοί αοίά, ε Εεú-είá), ίί ίεεί ίάα αηάα όαεαεεηί έπαε (εάε ε αίεδα Γ.Υ.), είόίόúί γ ί-αίú ίίηόααίάγ αú αηάδεοú ÷οί-ίεάαú Α ηά ίά αάαίά - ί ίά ηόαεί γηί, ÷οί α γοε ίαίείεεί αίάε Γ.Υ. αηάε ίόí-εοαόú ηόδαοίúά ηόεε αúά ίά ίάίί ό ηάίί ό αείί όά Έίίάό γοίε εηόίδεε ί ίαεί αúεί ίδαηεααόú άαίόεάί-ίί. Αάεά ίαίείεεί όαεεοαεεύίί, ÷οί á ίάεάεααα ί αηόί ηόεε ίίίάεε όίεεί ÷ααα αά».

(Αίδεη Έόαί. Αίηίί είάίεγ. Ί όεααίάέγ. Ί αάίεηεά Ναιεό- Ί αόάαόά 1999 Ν. 176177)

Первая жена Виктора Борисовича? – Василиса Георгиевна Шкловская-Корди (они с Мандельштамами были тогда очень близки) уверяет, что однажды Осип Эмильевич устроил даже публичное чтение этого стихотворения:

«- Ά ίί ααί ÷εοάε «Άίόα»?»

- Ί δαηόααί ηάά ίί ηάδαε έπαε, ÷οίαú ÷εοαόú γοίίά «Άίόα». Β αηάδεεá: «×οί αú αάεαόá?! α-αί ? Αú ααογáααόά ίαόεβ ό ηάγ ίά οαί». Ί ί ίί: «Ί á ίί έίá-á..» Έ αúεί ίαίείεεί ÷είάε, ε όόό αά αίίάεε. Αίό γ αάό έπαε όαε αίό όί ίεγέá: Αάεείείάá ε Ί ηεά Υί εεηάε-á Αάεείείá όί αάίί ίá- «Δαγύ αεάίάίεηε, όί ÷οίá γ ίά ÷εοάε..»

- Ά Ί ηεί Υί εεηάε ÷ οαά ηάδαά ί όί-áε γοί ηόεοίόαίόαί έá?

- Ί αό-ίáό, ίί ηάδαε ίαηάηό ε ί όί-áε. Όόό αά ί ίί άί όαεεύίί αίίάηεε.

- Υοί ό ίάηάúεί, áá?

- Ί áό, ÷οί όú. Ό ίάη Ό ίάηί ú αú αί ό ίά ίί αίεεεε. Αηεε αú ό ίάη Ί ú αú αη αά έε á εοίίρ. Ί εείάá! Ά ίί ίαηηάδαε. Ί δε-αί ί ίίά ίαόίáó Αίό αά γ ίά ίίί ίρ. Β αάεά ίά αίάεá, ÷οί ίί άόαό ÷εοαόú Ό ί άγ όαείά áá-αόεάίεá ÷οί γοί αúεί á αίί ίοίόαεάίεε (Αίá ηό αηόηγ.) - á εάείί-όί.. ίάαηόααίίί ίί ί αηόá..»

(Ί ηεί ε Ί áάεάá Ί áίάεεεοάί ú. Ί., 2002 Ν. 109)

Что же заставило его поступать так чудовищно неосторожно? Гражданские чувства? Ненависть к тирану? Жажда разоблачить и унижить ненавистную ему темную силу деспотизма? Осмеять ее хотя бы перед одиннадцатью слушателями?

Мотивы деятельности революционера тут были бы вполне понятны и очевидны. Революционер поступает так в пропагандистских целях. Он вербует потенциальных сторонников, единомышленников.

Поэт движим иными мотивами. Соображения целесообразности ему чужды.

Пушкинский Гринев, как мы помним, читал свои стихи Швабрину. Не найдя в нем сочувствия, он поклялся, что уж отроду не покажет ему своих сочинений. Но Швабрин посмеялся над этой угрозой. «Посмотрим, – сказал он, – удержишь ли ты свое слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузьмичу графинчик водки перед обедом...»

Следует признать, что негодяй Швабрин был прав. Поэт одержим желанием читать свои стихи кому угодно. Не найдя достойных слушателей, он не пренебрегает недостойными:

Арсений Тарковский:

«Υόό έίεάβι ίά έίτээ-οί

ά έί δεάι δά Αίτєçáàòà

ίίááδεέ ίάεί ίίγò...»

«Íñèí Υί εέυáε- ίάίεñáε ίίááá ñòεε. Νíñòίγίεά ó ίάά άύέί άίçáκεάάίίá Íí εέί óéγí :άάç άίδíáñ ίò άίί á ε άδíáñέίί ó ááòίί áòó, ίάάάε έάέίε-οί ίίί άδ έ ίά:άέ :εòáòύñòεε, çàòáí έίί ó-οί άάáίί çáεδè:άέ: «Í áò, ñέóáέòá, ί ίά άίέίáá ίάέίί ó :εòáòύñ» Β ñòίγέá θγáíí, ίε:άά ίά ίίέί άγ. Íεáçíáááòίγí, ίί :εòáε ñέáííááòáεp ÍΕΑÁ, έ έί ó ίδíí ó άύέ ί δεέδáí'έάί.»

(Í.Á. Θòáí ίάέü Í áí ááέüòáí á ΑίδííáεάÍñèí Í áí ááέüòáí. Αίδííáεñέεά òáò δάάε. Αίδííáε, 1999. Ν. 238)

Тут действует сила более грозная, нежели авторское тщеславие. Это своего рода инстинкт.

Тот же инстинкт побуждает поэта творить, совершенно не заботясь о какой бы то ни было целесообразности этого занятия и полностью пренебрегая его последствиями, сплошь и рядом трагическими.

Если бы нашлась в мире власть, додумавшаяся до того, чтобы запретить поэтам под страхом смерти писать стихи какими-либо иными размерами кроме ямба, во что бы то ни стало обнаружился бы безумцы, которые, ежесекундно рискуя жизнью, продолжали бы писать хореем, амфибрахием, дактилем и анапестом, свободным стихом и т.д. и т.п.

Можно предположить, что означенные безумцы действовали бы так, а не иначе, потому что рассматривали бы запрет пользоваться амфибрахием или хореем как незаконное посягательство на их священные, исконные привилегии. Люди не раз шли на костер за свои убеждения, какими бы нелепыми

Слова эти, как видно, поразили Бунина. Во всяком случае, весь рассказ – именно об этих словах. Бунин несколько раз возвращается к ним и в самом конце рассказа, уже в третий раз повторив их, размышляет:

«В аεάτ ιδαίνωαεϋρ ηαα, εαε ει αίίτ ηεαεε ίί γοε ηεταά Ιί ηεαεε εο οααδαι, η αδαίνουϋρ, ιαδαεδαίνοεαεεηί: αοίτε, εηηβοαε ίο ηοαδίνοε οεεε...»

Α: οίτ οίοαε ίί αιδαεοου γοει ε ηεταάι ε? Δααίνου ηηαίαιεϋ, οίτ ίί, αεεϋ ία ϋι εά ιδείηεε ηεϋρο αεεαίαι ο ααίο:ε οίδηοει ι ιδϋείι? Γαο: οίτ, οίτ Α-α εααίι ο εϋ ίαη αααο αι αηοαηαεεϋρ οίο εεε ειτε οαεαίο ε αηεαααο ία ίαη ηαϋαί ίυε αηεαία ϋαδηααοη αα α ϋαί εϋ. ϋα:αι, ηη:αι ο? Ι υ γοίτ ία ϋααί. Ιί ι υ αηεαίυ ϋαοη: οίτ αηα α γοίι ίαηηοεαει η αεϋ ίαη ι εδα ίαί οαί αίίτ αηεαίί ει αοηεαεεε-οί η υηε, εαεεα-οί αηηεεα Α-αηη ίαί αδαίεα ίαί δααεαί ία ε οίι ο: οίαυ αηα α γοίι ι εδα “αυεί οίδηοί”, ε: οίτ οηααί ία εηητείαιεα γοίτ Α-αηηη ίαί αδαίεϋ αηοη αηηαα ίαοα ϋαηεαα ίαδαί ίει, α ηηηι οε δααίνου, αδαίνου Ε Ααδιδ ϋαε ε: ααηοαηαεε γοί... Ε εαε αεα αι ο αυεί ία ηεαεοου οίτ, οίτ ίί ηεαεε α ηαη ηηηεαίηρ ι είοοο? “Ι υ ία ίοι οηααεε, Αεααηεε, δααα οαηαα, ε αί ο γ ηη αεεαηηηηηεαεοου οαα ε εϋαηι: αοί αη, οίτ γ αυε οίδηοεε ι ιδϋε”.

– В море все заботило Бернара, – писал Мопассан, – чистоту на яхте он соблюдал до того, что не терпел даже капли воды на какой-нибудь медной части...

Да какая польза ближнему могла быть в том, что Бернар сейчас же стирал эту каплю? А вот он стирал ее. Зачем? Почему?..»

Бунин даже не пытается ответить на этот вопрос, удовлетворившись иронической шпилькой по адресу тех, кто во всякой человеческой деятельности ищет голую целесообразность, все равно – корыстную или бескорыстную.

Твердо зная, что соображения целесообразности тут ни при чем, Бунин отказался от попытки как-то объяснить этот загадочный стимул. Вернее, он дал понять, что объяснить его можно только иррационально:

«Ιί ααηι ε ηαί Α-α εϋαεο, οίαυ αηα αυεί “οίδηοί”. Ιί ηαί δααηαεεηϋ, αεϋ, οίτ οαηοαηεϋ αα “αηηη α οίδηοεε”».

Итак, вот оно, единственное объяснение странных, не продиктованных никакой целесообразностью поступков Бернара: стремление к упорядоченности, к тому, чтобы все было «хорошо», изначально присуще человеку, оно «вложено» в него Б-жественным умyslom, или, как мы сейчас сказали бы, запрограммировано.

Пусть так. Но для чего запрограммировано? Природа, как мы знаем, ничего не делает зря.

Вот тут мы, наконец, и подошли к самой сути дела. Инстинкт, побуждавший Бернара всякий раз стирать с медных поручней каждую каплю воды, – это инстинкт духовного самосохранения, инстинкт самосохранения личности.

Ведь не только тело, но и душа человека должна постоянно извлекать упорядоченность из окружающей ее среды, иначе она приблизится к состоянию максимальной энтропии, имя которому – духовная смерть («Душа обязана трудиться, и день и ночь, и день и ночь...»), как сказал Н. Заболоцкий).

Но может быть, это вовсе не инстинкт, а сознательный процесс?

Разумеется, в сфере духовной жизни человека процесс извлечения упорядоченности из окружающей среды не абсолютно бессознателен, не стопроцентно инстинктивен. Но, не будь он в значительной мере инстинктивным, человек погиб бы духовно, так же, как он погиб бы физически, если бы ему приходилось, не полагаясь на инстинкт, всякий раз сознательно решать: «Сейчас мне следует выделить столько-то азотистых веществ и ввести в организм столько-то углеводов».

Человек ест и пьет не потому, что он постоянно помнит о необходимости поддерживать жизнедеятельность своего организма, но потому, что его начинают мучить голод и жажда. Вот так же и

Бернар стирал с медных поручней каждую каплю не потому, что он помнил о необходимости извлекать упорядоченность из окружающей среды, дабы не погибнуть духовно, а потому, что ему непривольно, инстинктивно хотелось, чтобы «все было хорошо».

В той или иной форме этот инстинкт присущ каждому человеческому существу.

Высшая форма проявления этого инстинкта – есть искусство.

В комментариях к собранию сочинений И. А. Бунина сказано, что рассказ «Бернар», написанный в 1929 году, в 1952-м был «незначительно переработан». Если говорить о количестве нового текста, привнесенного в рассказ, переработку его можно и в самом деле считать незначительной. Но по существу переработка была кардинальной. Крохотную зарисовку, очерк судьбы старого французского моряка Бунин превратил в лирическое произведение, в своеобразное философское кредо, в свое «последнее слово», несущее определение смысла и ценности всей его жизни и работы.

Рассказ в новой редакции начинается знаменательной фразой: «Дней моих на земле осталось уже мало».

А кончается так:

«Ἴ ἰά ἐάεαὸίῃ, ÷οἱ ῃ, ἐαέ ὀαῖαείεέ, γαῖεαεέ ἰδαῖ πῆααὸῦ ἰ πῆα, ἂ ἰἰπῆαῖ ἐα αἰε, ἰά:οἱ ἰἰἰἰἰἰἰἰ ὀἱ ὀ:οἱ πῆααέ, οἱ ἐδαῖ, Ἀαἰ ἂδ».

Эти слова, вероятно, следует понимать так: какая польза ближнему и какой смысл мог быть в том, что я, как сумасшедший, вглядывался всю жизнь в окружающие меня предметы и мучительно пытался поймать какой-нибудь неуловимый, ускользающий оттенок, и найти ему предельно точное выражение в слове? Ни один человек в мире, кроме меня самого, не заметит, точно ли уловлен и зафиксирован в слове именно тот самый оттенок! Однако же все-таки был во всем этом какой-то смысл и толк, ибо ведь и сам Б-г любит, чтобы все было «хорошо»... Вот для чего было нужно Бернару стирать эту никому не приметную каплю! Вот чем единственно оправдана моя маниакальная страсть, моя мания наблюдательности.

Ἐ.Ἀ. Ἀσίεί: «Ἴ ὀ ἂῖεαἰῦ γῆαὸῦ ÷οἱ ἂῖ ἂ ῃὀἱ ἰἰἰἰἰἰἰἰ ἂῖ ἰἰἰ ἰ ἐδα ἰἰἰ ἂἰ ἰἰ ἂῖεαἰῦ ἐἰ αὸῦ ἐαῖε-οἱ ἰἰ ὀῖ».

«β, ἐαέ ἰἰῦεέ, ἰδαῖαἰῆαέ οἱ ἰἰἰἰἰ, οἱ ἂῖἰἰ ἰἰἰἰἰἰἰ, ἂῖῖῖ ἰἰ ἂἰ ἰἰἰἰ ἰἰ ἂἰ ἂῖἰἰἰἰ, ἰἰἰἰἰἰἰ ÷οἱ-οἱ ἰἰἰῖῖῖ ἰἰἰἰ ἂῖ ἰἰ... Ἴ ἂῖἰἰἰἰ Ἀἰὸ ἰ ἐδαῖαἰ, ἰ ἐαῖἰἰἰἰ, ἰ ἰἰἰἰἰἰ».

íááí íéñáòü, á áíáíá íá çáòáí, ÷òíáü "áíðíòüññ ñíðíéçáíéíí è íáñééáí, çáíéíáòüü óáí áòáííüó è íáççáíéáííüó, ááááòüü ÷ðééá òéíü, ðéñááòüü ðéðíééá éáðòéíü íáíáñòááííñðé, ñáááí áííñðé, áá íáñòðíáíéé è òá:áíéé!"

"Ñíòéáéíñ üá éííòðáñòü!" - áóí áé ÿ ááéí, á íééó éíí ó-òí, íðíòíáÿ á ñááòá è áéáíéá áéòðéíü... Íá Ííñéíáíéíé ÿ çáðíáéé á éçáíç:é-íð ÷áéíð, ñéááé á áá áíáðá, óáííòá è íáðíí òáíéá, ñ íòðáé íá í ÿñéñòüá, áéíá ééòá, íá òíáéá áíðíáü, íá ðéááíé ðáéóóáíééññ ííáíñ íá éíòíðí ñòíÿéé íáðááí í íð ááá ááéíó ÷áéíéá ñ í íéðíí è ááðáí:éáí è, íðéáÿçáííüí è è éó éðíóá:éáí è ðó:éáí... Í ááéðááí éá íáðíáí íá áúòá? Í ðéáááòáññ - òíéíéí áí ò ÷òíá ííáíññ, ÷òíé í íéðíé ááðáí:éé!..»

(È. Áóí éí. Æéç ü Áðíáí üááá)

Защищать угнетенных и обездоленных?.. Давать яркие типы?.. Наблюдать народный быт?..
Подите прочь! У меня совсем иные цели, недоступные вашему пошлому утилитарному сознанию!

Áíá ÷òí, òíðíóí íáí çíáéíí í:

Í íáéòá íðí:ü- éáéíá ááéí

Í ÷òóí éðííí óáí ááñ?..

Таково было и пушкинское кредо, выражаемое им всякий раз по-разному, но всегда достаточно ясно и определенно.

Плеханов в свое время зачислил это «кредо» по ведомству «теории искусства для искусства» и дал ему соответствующее объяснение. Все дело, оказывается, было в том, что царь и Бенкендорф хотели сделать из Пушкина певца существующего порядка вещей. Они хотели направить его музу на путь официальной нравственности. Пушкину это было противно. Это и толкнуло его в объятия «искусства для искусства».

Плеханов так прямо и говорит:

«Áííéíá ííçáíééòáéíñí áúéí íðíééíóóüññ íòáðáíáíéáí è áíñéééíóóü "Í íáéòá íðí:ü..»

Итак, Пушкину оказывается снисхождение. Вообще-то «теория искусства для искусства» нехороша, но у Пушкина были смягчающие обстоятельства. Ему было «позволительно»...

Не говоря уже о комичности такой готовности смотреть сквозь пальцы на «изъяны» пушкинского мировоззрения, остается тут еще много всяких неясностей. Как, например, быть вот с этим:

В íáðííüóí òíí, ÷òí íòéáçáéé áíáé

Í íá áíéááéíé ó:áñò è íñ íðéááòü íáéíáé

Èéé í áóáòü óáðÿí áðáíñáðóáíí áíáááòü;

È í áéí áðÿ í íá ñáíáíáíí éé íá:áòü

Í íðí:éò íéóóíá, ééñ-óòéáÿ óáí çóðá

Á áéòí áéíñ üó çáí üñéáó ñò áñ ÿáò ááéááòá

Áíá ÷òí, áéáéòá éñ ñéíáá, ñéíáá, ñéíáá

Èíüá éó:ðéáí íá áíðíáé íðááá;

είαυ, έο:οαυ ί ίοδδαι ά ί ίάττáτáα:

çáæñòύίò áεáñóáé, çáæñòύίò ίάδτáά-

Íάáñέέ ίάί δδαιί?.

Вряд ли ведь можно доказать, что не только под «толпой» и «чернью», но и под «народом» Пушкин разумел все тех же царя и Бенкендорфа.

Последователи Плеханова не смущались. Они говорили, что Пушкин проницательно угадал изъяны буржуазной псевдодемократии и т.п. А дело, между тем, обстояло гораздо проще. Просто Пушкин знал, что так или иначе, а ведь он все равно будет жить и писать по-своему:

...Όύ ττáί ττáίέ áññέέé ττáί;

Áññò ñòδτáά ίόáίέòύίττáί ááουòύ ττáίέòδδáí

Όύ έί áτáίέáί έέ, áτñεáòáεύύύέ óáίáίέέ?

Áτáίέáί? Όáé ίόáίέέòίέίá ááí áδáίέò

È ίέβáò ίά áεòáδύ, áááòáίέ ίáίίύáδέò,

È ááòñέίέ δáçáñòέ έίέááεáòòáίέ

òδáίίáίέέ.

Зная это, он поступал точь-в-точь так же, как старый французский моряк, который ведь тоже знал, что взамен каждой капли воды, стираемой им с медных поручней, океан принесет тысячи новых капель. Однако же он стирал эту каплю, хотя в этом не было и не могло быть никакой «пользы ближнему».

Впрочем, между Пушкиным и стариком Бернаром существует не только сходство. Есть между ними и весьма существенное различие.

Человек – странное существо. Он совершает множество поступков, не укладывающихся в разумные рамки целесообразности.

Но из всех странных человеческих существ поэт, пожалуй, самое странное. Его деятельность еще менее «разумна», она еще менее укладывается в рамки здравого смысла.

«И звуков и смятенья полн», поэт погружен в себя. Он ничего не слышит. Он оглушен собою.

Что так властно побуждает его к столь странному занятию? И почему это погружение в себя в конечном счете так важно для человечества?

Таинственную силу, побуждающую каждое человеческое существо стремиться к упорядоченности, к тому, чтобы все было «хорошо», как мы уже говорили, можно назвать инстинктом духовного самосохранения.

В таком случае силу, побуждающую поэта к его странной деятельности, следовало бы – по аналогии – назвать инстинктом продолжения духовного рода.

Инстинкт продолжения рода – это то, что, в конечном счете, обеспечивает длительное существование того или иного биологического вида.

извлекать из себя правду своей души, в его непобедимом стремлении вопреки всему делать свое странное, «никому не нужное» дело, и делать его – «хорошо».

Ἐὰν δὲ ἴ ἀδελφὲν «ἴ ἐπιβόαυ ἰοίπαυ ἰά μ ἰòδεò ἰά μῆρ δαίτοò ἐὰε ἰά ἰδῶῖòαί. ἴ ἰά - ἰῆἰ ἰòαέυ..»

Художник – это, вообще говоря, человек, для которого стремление выразить себя есть единственное условие его существования. Иначе говоря, художник – это инструмент, посредством которого человечество осознает себя.

Социальный мыслитель – это инструмент, посредством которого общество узнает правду о себе. В этом – социальная функция интеллигенции, ее роль в обществе.

Художник выполняет иногда и эту роль, но – попутно, мимоходом. Назначение его в мире не сводится к этой узкой и в конечном счете утилитарной роли. Правда, которую общество узнает о себе, – лишь малая часть той правды, которую сообщает человеку искусство. Искусство бесстрашно проникает в такие бездны человеческой души, куда не проникнуть никаким Юнгам и Фрейдом.

Таким образом, правдивость искусства ни в коем случае не сводится к его социальной функции. Обнаженная правда, к которой во веки веков стремится художник, рождена все тем же инстинктом продолжения духовного рода, ибо продолжение духовного рода человеческого есть не что иное, как преемственность правды.

ВЕСНА НА ОДЕРЕ И ОСЕНЬ НА МОСКВЕ-РЕКЕ

Ñëó: àéí ûé âðíää áú ýí èçíä

Á. Êäðëí

Встреча произошла в первые повоенные месяцы, вскоре после возвращения на родину. Я оказался среди тех, кого ждала служба в Прикарпатском округе, задействованном в необъявленной войне с украинской повстанческой армией. Наше командование без особой прыти исполняло приказ, уступая первенство частям МВД. Ночью на улицах Станислава постреливали, днем исполняли Шопена.

Относительно мирная жизнь все же брала свое. В городе, скажем, проводились соревнования по волейболу. Довольствуясь ролью болельщика, я обратил внимание на одного парня. Да и он, в перерыве вытирая майкой лицо, кинул мне: «ИФЛИ?»

Город еще не лишился польского шарма, из уютных кафешек доносился одуряющий аромат. Мы тянули кофе, чашечку за чашечкой, и Семен, успевший закончить институт, рассказывал о своей армейской службе, увенчанной должностью начальника разведки полка. Командир полка, желая похвалить Семена, любил потрепать его по плечу: «Да разве ж ты еврей! Ты же смелый...»

Меня задевали похвалы такого сорта. Ничего похожего не доводилось слышать ни в Особой бригаде, ни в 140-й Сибирской дивизии. Невольно вспомнилось, как спустя месяц после начала войны подчеркнуто корректные люди при галстуках, непринужденно задавая вопросы вчерашним студентам, всего менее любопытствовали по части национальности. Однако дружески напоминали о чертовски опасной службе и о возможности – еще не поздно – отказаться. Ничего, мол, зазорного в том нет. Не передумал? Тогда не стригись.

В Особой бригаде, которая потом обрстет легендами, служили немало евреев. Ни один не оплошал.

Спустя десятилетия, познакомившись с П. Судоплатовым, я сообразил: «проевренность» его Бригады неслучайна. Он понимал, что делал. Уже знал о случаях массовой сдачи в плен...

За четыре фронтовых года на антисемитизм я нарывался лишь в гитлеровских листовках. Ни с чем, хоть как-то напоминающим откровения Семенова начальства, не встречался. Не в силах был вообразить, что на подобное способен кто-либо из моих командиров. Но и забыть обидные слова не мог. В чем признался при первой же встрече с Э. Казакевичем. Она произошла более чем десятилетие спустя после станиславской встречи с выпускником ИФЛИ, чью смелость одобрил командир стрелкового полка, полагавший: евреи ею наделяются в порядке исключения.

Y.A. Kazakevich. I June 1949

«I I Y I A I I I A A E A A»

Люди в штатском, деликатно предлагавшие нашим ребятам отказаться от вступления в некую сугубо секретную службу, сами не знали, о чем ведут речь. Тайнственность частенько замешана на неведении. Доброхоты при галстуках и вообразить себе не могли, что трепетно внимавшим им соплякам из московских вузов, с заводов предстоит освоить разные армейские специальности, не в последнюю очередь – разведку. На переднем крае и в неприятельском тылу. Эта профессия наложит отпечаток не только на круг общения, но и на круг интересов...

Уже пройдя все, уготованное войной, они воспринимали «Звезду» Э. Казакевича чуть-чуть иначе, нежели остальные. Их интерес к автору отличала повышенная пристрастность. Откуда ему известны тонкости дела? С лауреатской фотографии смотрел хилый, рано польсевший очкарик. Из краткой биографии очкарика следовало, что в Москву он приехал из Биробиджана, где занимался Б-г весть чем: начиная со строительных работ, и кончая сочинением еврейских стихов. Однако со стихами вскоре завязал. Переселившись в Москву, пробовал силы в прозе. Уже после войны решил почитать рукопись одному из однополчан, чья жена служила в журнале «Знамя». Она заранее содрогалась при мысли, что провинциальный сочинитель вынудит ее слушать свои пресловутые «первые опыты». Сказавшись занятой, она перебралась в комнатушку, отделенную перегородкой от той, где начинающий прозаик знакомил ее мужа со своим шедевром. Дама была заносчива, но профессионально искушена. Она появилась, лишь когда гость, лязгая зубами о стекло, осушил стакан воды. Не снисходя до комплиментов, ограничившись чем-то вроде: «Прозаическая поэма о подвиге», забрала рукопись, безапелляционно бросив: «Пойдет в “Знамени”».

Мне предстояло – лучше ли, хуже ли, – познакомиться со всеми тремя участниками события, имевшего место в квартирке на Петровских линиях, параллельных Столешникову переулку. Не вдаваясь в рассуждения, неизбежно преувеличивающие роль каждого, замечу лишь: все трое, следуя великой мудрости, спешили творить добро. Но первым все-таки оставался начинающий прозаик, в прошлом колхозный бригадир, строитель, а также еврейский поэт Эммануил Генрихович Казакевич.

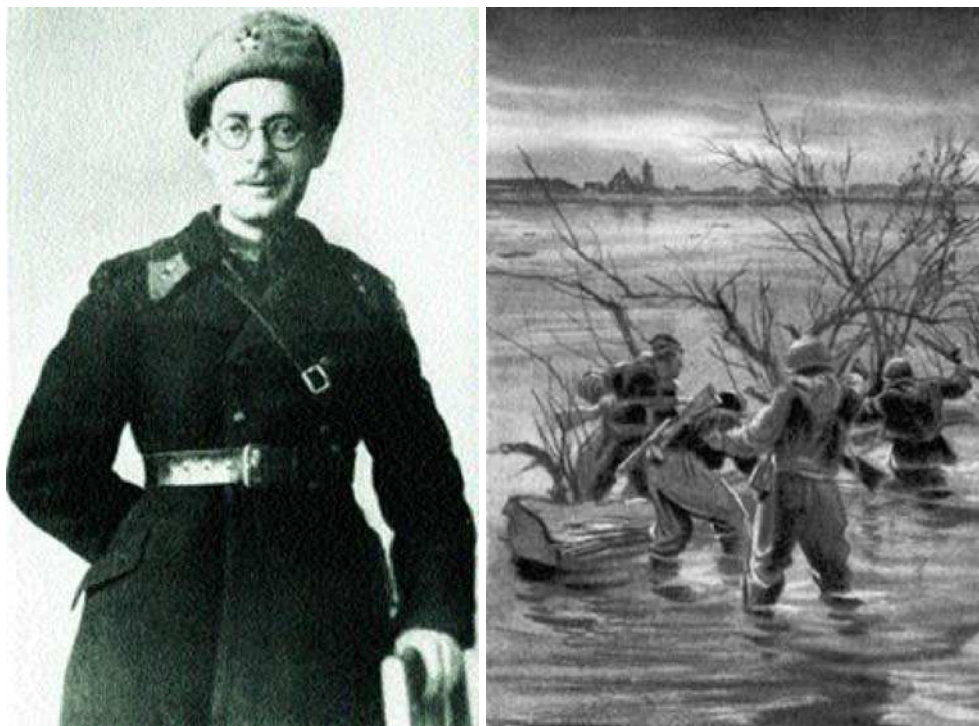
«A U N O D U, E A E A I E I U, A N A A I E I A O A E A E C I E...»

В последующие годы я пытался следить за Эммануилом Казакевичем, читая его и читая о нем. Мои впечатления не всегда совпадали с газетными и журнальными откликами. Мне, скажем,

приглянулась повесть «Двое в степи», а в печати ее разнесли. Куда меньше пришло по душе «Весна на Одере». Однако «Весну» дружно расхвалили в печати, по радио.

Уверенно заявив о себе, входя в литературу, Казакевич уже не выпадал из поля зрения прессы, испытывая плюсы и минусы своего нового положения, отражавшего не только читательский интерес простых смертных.

Кремлевский читатель с самого начала «положил на него глаз», возлагая надежды и прикидывая: оправдает он их или нет? Подозревать этого книголюба в бескорыстном интересе не стоит. Он гнул свою линию, конечный смысл которой: принудить автора «Звезды» исполнять его волю. Пусть бы постиг хитроумие игры, именуемой «партийное руководство искусством».

Ἰ ἐὰν ἔεε ἐὰν οἰ αἰ ὁ Ὑ. Ἄ. Ἐὰν ἐὰν ἔε. Οἰ. 1942 ἄἄ

Оставаясь в тени, Сталин не гнушался лично дирижировать хором. До Казакевича иной раз с опозданием доходили отрывочные сведения о его же «жизни и творчестве», о подводных течениях, всевозможных альтернативах типа «казнить или миловать». Известность, популярность росли, но и зависимость от системы не слабела.

Редактор «Знамени» В. Кожевников месяцами мурыжил роман «Весна на Одере», то ставя его в номер, то снимая, захлебываясь в телефонную трубку от восторга либо от ярости. А когда, наконец, набравшись духу, напечатал, то и вовсе не находил себе места.

Однажды, не желая слушать Казакевича, лежавшего с ангиной, редактор-благодетель потребовал, дабы тот, одевшись потеплее, незамедлительно спустился к дверям подъезда. В редакционной «Победе», мчавшейся неведомо куда, царило молчание. Как и в бюро пропусков, где лежал заготовленный пропуск лишь для «тов. Казакевича Э.Г.» С великим трудом уломали дежурного, тот вписал в пропуск и Кожевникова.

Άέääí üé ääääçò íð íáíðí ééä «Ëéðäðäçò öðí äý Ì Ìñéää». 1950 ää

В сером казенном здании, судя по часовым, размещался какой-то штаб. Едва Казакевич вошел в коридор, к нему навстречу устремились полковники и генералы, бормоча что-то лестное и не замечая плетущегося следом Вадима Кожевникова.

Очередной полковник шелкнул надраенными сапогами:

«Командующий ждет вас, Эммануил Генрихович».

Какой, к черту, командующий? Кем и чем командует?

Однако осмелев, Казакевич расстегнул пальто и ослабил шарф.

В дверях радушно улыбался невысокий генерал с веснушками и орденскими планками.

«Чрезвычайно рад. Спасибо, что выкроили время. Простите, ежели оторвал от творческой деятельности. Позвольте представиться: генерал Василий Сталин».

Тревога не отступила. Правда, напряжение ослабело. Сынок генералиссимуса слыл самодуром, но не извергом. Боевой летчик, он открывал парады, ведя эскадрилью над Красной площадью, где первого мая (но ни в коем разе не седьмого ноября) папаша рукой норовил изобразить нечто приветственное...

На полу гигантского генеральского кабинета разложены топографические карты. Прищурившись, разведчик Казакевич смекнул: Берлинская операция.

Василий Сталин пламенно восхищался «Вес

ной на Одере». Вот только жаль, действия авиации отражены недостаточно.

«Понимаю, понимаю, у художника свои воззрения. Они святы».

«Бедолага, – подумал художник. – Ночью вместо сна листал роман. На кой ляд, спрашивается?»

Численность лампас росла. Но они ограничивались функцией античного хора, никто не смел солировать. Роман торопливо полистал лишь командующий ВВС Московского военного округа В.И. Сталин. И не по своему почину.

«Папа звонил. Наказал лично поблагодарить».

Казакевич облегченно вздохнул и подмигнул так и не пришедшему в себя Кожевникову.

Комедию явно задумал папаня, поручив главную роль сыночку, не быстро соображавшему, что от него требуется. К чему вся эта колгота вокруг начинающего сочинителя?

Но папаня всегда норовил смотреть вперед. И что же он там углядел? На кой шут приручать биробиджанского автора, имея в своем распоряжении целый полк – Союз писателей?

Понять трудно. Как и вообще трудно понять любое сочетание запредельного самодурства с холодным расчетом. И все же, не понимая до конца, чувствуешь: мурашки по коже.

ÈÇ ÆÈÇÌ È ÆÌ È Ì ÎÑÈÁ ÈÀÓÐÁÀÒÕÒÁÀ

Предвоенная передислокация с семьей из Биробиджана в Москву, где ни кола, ни двора, напоминает стремительное овладение новой позицией, чьи преимущества гадательны. Но не до жиру. В Биробиджане не стихал произвол. Отец, редактировавший русскую и еврейскую версии газеты, успел умереть до свистопляски под аккомпанемент гудков «черного ворона». Сын, лелея наполеоновские планы и отказавшись от еврейской поэзии, где успешно начинал, самозабвенно ушел в русскую прозу, проявляя стоическое безразличие к мнению тех, кто с этим оказался не согласен. Возможно, и сегодня отыщутся осуждающие сугубо личное решение молодого стихотворца.

Полагаю, Казакевич обладал бо льшими правами на свой судьбоносный шаг, нежели те, кто видел в нем нечто предосудительное. Что до меня, то, презирая национальных «перебежчиков», в данном случае не замечаю ничего сходного с ренегатством. Никто, кроме самого писателя, не вправе и не в состоянии принять такое решение, определяя собственную готовность к нему. Казакевич отважился на рискованный выбор, надеясь и желая собственное творчество сделать достоянием многих читателей необъятной страны. Он торил свой путь, не в полной мере представляя себе литературную ситуацию, не слишком заботясь о впечатлении, какое произведет.

Результатов пришлось ждать дольше пятилетки, четыре года которой забрала война, в свою очередь, предложившая вполне неожиданный выбор...

Очкарик из московского ополчения закончит войну помощником начальника разведки одной из общевойсковых армий, штурмовавших Берлин. Он и в войну полагал возможным, – не всегда, разумеется, – исходить из собственных соображений. Скажем, задал лататы из тылового госпиталя, объявившего его дезертиром. Меж тем «дезертир» вернулся в часть и, продолжая службу, занимался своим делом – разведкой переднего края и тылов противника...

У «Звезды» вполне земное происхождение, пусть повесть и не лишена романтических настроений. Рождена она взрыхленной землей переднего края, по какой полз ее автор – близоруко щурившийся лысеющий разведчик с мощным лбом ученого, но без малейшей склонности к наукам.

Его ждал пресловутый «квартирный вопрос», доводивший до отчаяния или запоя (расхожая форма отчаяния) доблестных покорителей городов и уцелевших замков, полагавших, будто «правое дело» не исчерпывается водружением флага над рейхстагом. Однако бывший их собрат, тоже веривший в справедливость не только освобождения от немецких оккупантов определенных территорий, но оккупации их советскими частями, не надеялся внести ясность в хмельные головы. Желая утешить тех,

кто годился ему в отцы, он сочинил дивную сказку о лейтенанте Травкине и его бойцах-разведчиках, отправившихся выполнять задание такого же, быть может, начальника, как и сам очкарик-сказочник.

Ему достало отваги, такта и дара, чтобы написать романтическую трагедию, повествующую об одной из довольно обычных гибельных фронтовых затей – глубокой разведке ничтожными силами при слабоватой технической оснастке...

Человеческая жизнь «от Москвы до самых до окраин» не стоила и гроша ломаного. Подобно разглагольствованиям о «справедливой войне», окончательно обесцененным сговором Сталина с Гитлером.

Само деление войн на «справедливые» (скажем, Чечня), то есть оправдывающие кровопролитие, и несправедливые далеко не столь абсолютно, как нам привыкли внушать. Поэтизация «справедливых» (повесть «Звезда», рождающая искренимый порыв, не исключение) не бесспорна...

...К тому дню, когда я, воспользовавшись приглашением Эммануила Генриховича, отправился к нему, он уже обитал в престижном «лауреатском» доме по Лаврушинскому переулку. Приглашение носило чисто деловой характер. Выпустив первый сборник «Литературной Москвы», его главный редактор Э. Казакевич вознамерился продолжить начинание – бескорыстный выпуск группой писателей-энтузиастов периодического издания.

АЕААЕÛ Î А×ÒÛ

Одна моя статья, перепечатанная машинисткой Гослитиздата, по ее воле попала на стол Казакевичу. Машинистка делала копии для редактора, верившего во второй выпуск «Литературной Москвы». Мне позвонила Маргарита Алигер, правая рука главного редактора, то бишь Эммануила Генриховича, и попросила явиться к нему поговорить о статье, перепечатанной в машбюро Гослитиздата.

В подъезде меня встретила молоденькая консьержка, готовая лично проводить гостя к Эммануилу Генриховичу.

Открыл нам дверь высокий мужчина в сатиновой косоворотке. Перехватив его взгляд, брошенный на консьержку, я заподозрил: бабник. И не ошибся. Но развивать эту тему на целомудренных страницах «Лехаима» не считаю возможным.

В прихожей стеллажи от пола едва не до потолка заполнены патефонными пластинками, выдающими еще одну слабость бывшего разведчика.

Хозяин усадил меня в кабинете за письменный стол, где уже лежала статья. Но прежде чем приступить к делу и помогая освоиться, затеял свободный разговор, позволявший мне пересказать давний эпизод с Семеном.

«Заурядный антисемитизм: среди евреев, дескать, встречаются и храбрые. В порядке, мол, исключения. Такого рода формулировочки обезоруживают нашего брата. Лестью, известно, душу вынимают».

«Я из тех представителей “нашего брата”, кои с подобным оскорбительным одобрением не сталкивались».

«Я тоже. Но к делу».

Ограничившись двумя-тремя хвалебными фразами касательно моей статьи, Казакевич сказал: «Надо посидеть над “формулировочками”». И мы засели, склонившись над текстом. Он, нависая надо мной со спины:

«Чуть мягче... Еще малость... Еще...»

Когда количество всевозможных «еще» зашкаливало, наступала оперативная пауза. Хозяин включал проигрыватель. Его выбор пластинок меня вполне устраивал. Относясь к «консерваторам», мы оба предпочитали классику. Впрочем, за обеденным столом на консерватора Казакевич не походил нисколько. Его лексика удерживалась на последней грани дозволенного, уже потесненной двумя-тремя стопками.

К сожалению, наш подвижнический труд, отнявший два дня, пошел коту под хвост. Благородное начинание группы писателей, надеявшихся плетью перешибить обух, кончилось категорическим «вето» на дальнейшие выпуски. Сборник «Литературная Москва» запретили.

Главный редактор остро реагировал на такие удары еще и потому, что продолжал питать иллюзии. Подобно шестидесятникам, известным тем, что искали у Ленина сокровенные смыслы.

Ï ÎÑĖĂĂÏ ĖĂ Ï ÎÐŪĂŪ

Пока пальцы держали ручку, карандаш, Казакевич тоже не расставался с надеждой на Ильича, на глубинное и окончательное постижение грандиозных заветов.

Физически бесстрашный, наделенный дерзким и независимым умом, он не мог избавиться от веры, которой чистосердечно жил его отец, жили многие товарищи по оружию.

Пусть меня не толкуют превратно и не подозревают, будто я использую преимущества пережившего. Тем паче – преимущества-то достаточно сомнительные.

В нынешнем царстве цинизма, при оглашенной погоне за чистоганом и чудовищном расслоении, при явном умственном оскудении претендующих на положение «отцов народа» мы лишены права бросать камни в людей, веривших благородно и бескорыстно. В тех, к кому до последнего часа принадлежал Казакевич.

Ï ðððððò Æĕĕĕĕ

Болезнь стремительно брала свое несмотря на попытки ее затормозить. Через одного из помощников Хрущева А. Твардовскому удалось получить разрешение применить запрещенную, несмотря на якобы мифическую чудодейственность, «жидкость Качугина», разжиться несколькими бутылками.

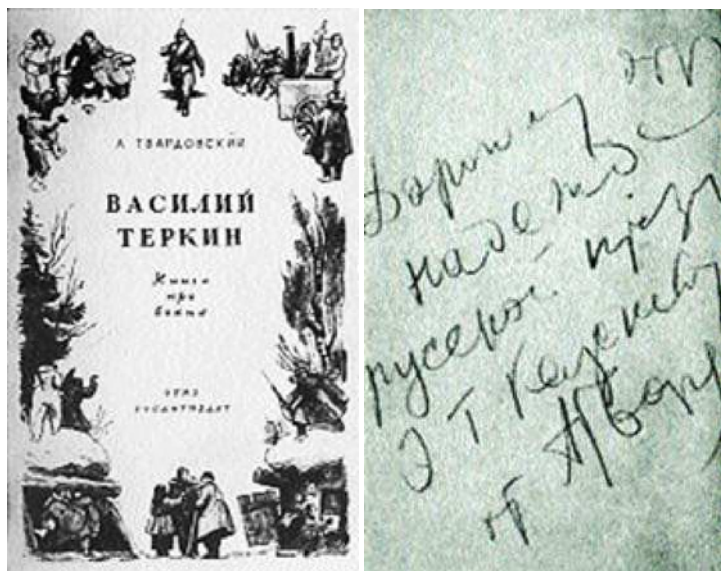
В женском царстве, окружавшем Э. Казакевича, своей активностью выделялась Маргарита Алигер, жительница соседнего подъезда. Она вступала в контакт с инстанциями, а то и действовала в обход.

Однако состояние Эммануила Генриховича ухудшалось. Решили установить ночные дежурства представителей мужского пола. Эффект был чисто психологический для самого окружения.

Но ни днем, ни ночью стон, жалоб больного слышать не доводилось. Позже медсестра из литфондовской поликлиники мне признается: «Он умел терпеть и молчать, обманывая вас, отчасти и нас».

Необходимость в ночной вахте отпадала.

Хмурым осенним днем шестьдесят второго года его не стало.

Γαλιεπία Α. Ο. Ομάδα Γαλιεπία 1α εΙΕ Επ «Απόθεσε Ομάδα», 11/10/1950 Υ.Α. Επ. 1950 Α.Α.

УРАВНЕНИЕ МНИМЫХ ВЕЛИЧИН

Ėĕĕĕĕ Āāāāā ūūūū, Āīōēñ Çēī āāđ

Ī āī āāāēīđ Āāāāēīēīā ī āōēīī āēūū īā āāēāēāī ēā ā ĪŃŃŃ ē āā ēāāēīēīāēū

(1945-1976).

Ī ēīēē : «Ī ĀŌ», 2004 – 382 ŋ

На первой странице книги – длинный список ученых, научных центров и общественных организаций, оказавших помощь при издании. Все они находятся в Израиле. Не удивительно, что несмотря на свои явно русские корни, авторы подготовили чисто западное исследование: минимум аналитики, множество цитат. Совершенно не хочу сказать, что это плохо: наоборот – на научном языке такие работы называются «хорошо фундированными». Но, отдавая должное достоинствам принятого на Западе стиля научного исследования, мы должны понимать, что он может обусловить и определенные недостатки конкретной работы. Например, если речь идет о теме, которая достаточно подробно освещалась «под определенным углом», обилие цитат заставляет авторов держаться наезженной колеи, а слабость анализа не позволяет заметить, что многие из этих цитат не вполне адекватно описывают действительность. В нашем случае, как мне кажется, дурную услугу исследователям оказало общепринятое представление о еврейском национальном движении в СССР как части так называемого «демократического движения».

Самое интересное в этой книге – факты, касающиеся сионистской деятельности в провинции. Чего стоит одна только история об операции «Бриха» в 1944-1946 гг. – история о том, как сионистское подполье сумело создать целую сеть по переброске евреев из Советского Союза в Польшу или Румынию, чтобы дальше направить их в Эрец Исраэль (мандатную Палестину). Дарю идею израильскому телевидению: сериал про тайную еврейскую организацию, поставившую на поток производство фальшивых документов и успешно купившую десятки (если не сотни) энкаведешников, пограничников и других совслужащих, может стать куда более популярным и прибыльным, чем ныне демонстрируемое паскудство.

К сожалению, таких историй в тексте крайне мало. Большинство страниц занимает десятки раз пережеванная, пересказанная и откомментированная деятельность советских властей, так или иначе затрагивавшая евреев, а также деятельность т.н. «демократического движения», включая его еврейскую составляющую. При этом многие положения исследования подаются как аксиомы, хотя на самом деле речь идет о вещах достаточно спорных. Вот лишь некоторые примеры.

В 1950 году по личному распоряжению Сталина была сформирована специальная группа во главе с М.Сусловым, «которая должна была разработать секретный план тотальной депортации и физического уничтожения евреев»;

в 1956 году людей арестовывали «за хранение и распространение литературы на идиш и иврите»;

в том же 1956 году «оппозиция» (?) выдвинула «в качестве главного требования к власти проблему возрождения и реабилитации еврейской культуры»;

Хрущев смог победить консервативную оппозицию Молотова-Кагановича благодаря тому, что распорядился создать при Министерстве культуры РСФСР комиссии по осуществлению плана возрождения еврейской культуры»;

власти начали издавать литературу на идише «не столько под давлением внешних обстоятельств, сколько в результате нарастающего недовольства широких слоев населения лично Н.С.Хрущевым и его экономической политикой». И так далее.

Чем дальше читаешь книгу, тем труднее отделаться от впечатления, что ее авторы жили в какой-то другой стране – не в той «Совдепии», где черт догадал родиться и 40 лет прожить сочинителя данной рецензии. Л. Беленькая и Б. Зингер всерьез пишут о какой-то «демократической оппозиции» в недрах КПСС. Более того – в некоторых местах они прямо утверждают, что диссидентские группы были влиятельным фактором советской общественной жизни (как будто в СССР была «общественная жизнь» в западном понимании этого термина!) и даже оказывали воздействие на политику коммунистических властей. Чего стоят, например, такие пассажи: «...Переход Кремля к политике репрессий подтолкнул демократически настроенные круги отказаться от переговоров (??) с властью»... Или утверждение, что самиздатские журналы (если кто забыл – речь идет максимум о нескольких десятках экземпляров каждого выпуска) «придали демократическому самиздату ярко выраженную мировоззренческую общественно-политическую направленность и сделали его реальной альтернативой официозу». Это ведь сказано о рубеже 60–70-х годов! Не стоит удивляться после этого, что «Хронику текущих событий» авторы называют «первой легальной газетой оппозиции». Легальной, дамы и господа, – при Брежнев, Андропове, Филиппе Бобкове и даже еще живом Суслове...

Невольно закрадывается подозрение, что раздувание «общественно-политической» роли нескольких маргинальных групп вызвано стремлением задним числом оправдать некие западные (или израильские) доклады советологов брежневских времен, а заодно и выделенные под эти доклады денежные средства. Прекрасно понимаю, что гг. Беленькая и Зингер не могут быть заподозрены в подобных стремлениях. А вот те господа, которые в советские времена сидели в Иерусалиме (или даже в израильском посольстве в Москве) и имели весьма приблизительное представление о реалиях существования советских подданных, а затем делились с авторами «своими обширными знаниями о жизни евреев в СССР», – они вполне могут и до сих пор считать, что в России имеет место политическая борьба между В.В.Путиным и С.А.Ковалевым.

При этом нельзя не отметить, что, пусть даже невольно, в ряде мест книги авторы сумели дать читателю понять, насколько на самом деле ничтожным было влияние идеологических групп на интеллектуальную жизнь в СССР. А заодно – насколько сами эти группы были неспособны к элементарному сотрудничеству друг с другом и насколько быстро они погрязли во внутренней полемике, зачастую на уровне ругани.

И еще одно – то, что, на взгляд автора данной рецензии, существенно уменьшает научную ценность исследования гг. Беленькой и Зингера. При изобилии «общедемократических» (и общеизвестных) историй, зачастую лишь косвенным образом связанных с еврейской тематикой, в тексте практически отсутствуют истории чисто еврейские, но не вписывающиеся в рамки «демократического движения». Простая логика (та самая «аналитика», которой так не хватает при соблюдении западного стиля исследования) говорит, что «еврейское национальное движение» в антисемитском государстве должно было состоять, по крайней мере, из двух составных частей: из движения за право уехать из этого поганого государства и движения, направленного на то, чтобы остаться евреями. Вот этой второй составляющей в книге нет или почти нет. Во всяком случае, полностью осталась неразработанной проблема передачи национальной и религиозной традиции от получивших еврейское образование дедов ищущим доводов для самоидентификации внукам. Думается, что без изучения этой темы никакое исследование о национальной жизни советских евреев не может претендовать на полноту охвата материала – просто потому, что не отвечает на вопрос, косвенно поставленный в заглавии книги: как евреи остались евреями «наперекор» антидемократическому государству и «общедемократическим ценностям».

Ài eòdeé Iòreíouá

И ВМЕСТЕ, И ВРОЗЬ, И ВСЕ-ТАКИ ВМЕСТЕ

Àéàéíáí äð Áíðíí àéü

È àí àíòá è àðíüí

Ì éííé : «MET», 2003 – 576 ñ

Александр Воронель – человек более чем известный в еврейском мире и в диссидентском сообществе (когда оно еще существовало). Профессор физики, ставший физиком случайно (как сам он рассказывает – просто потому, что ГБ обещала его обязательно посадить, если он займется гуманитарными дисциплинами), один из первых отказников и один из главных активистов еврейского национального движения 70-х годов; основатель самого интеллектуального русского журнала в Израиле (а кто говорит – и во всем русском зарубежье)... Человек, по всем показателям заслуживающий уважения.

Положа руку на сердце – не будь г-н Воронель настолько заслуживающим уважения, фиг бы я раскрыл его книгу. Сборник философских эссе – ну что может быть скучнее?! Тем более, мы прекрасно знаем, что такое русское философское эссе. Это именно то, чем поколения г-на Воронеля на протяжении десятилетий занимались на кухне, когда количество пустых бутылок в углу уже вызывало оторопь. Обязательное приложение к интеллигентскому застолью (см. «Круг» Петрушевской) – суровый разговор о судьбах России, неперменной составляющей которого является суровый разговор о судьбах евреев. Наверное, в советское время, в условиях информационного голода, философствование было необходимым элементом тренировки ума. Сейчас появились гораздо более продуктивные формы.

Чтение открывающего сборник эссе конца 60-х годов, «Трепет иудейских забот», кажется, полностью оправдывает изначальные опасения. Как только исчезли проблемы того времени (прежде всего – проблема неизбежности существования в ненавистном «совке»), рассуждения об этих проблемах стали совсем уж неинтересны. Интересен был бы, разумеется, рассказ о времени – но вот этого в повествовании нет. Не таковы были цели автора. Цель исчезла – и текст сделался ненужен.

Единственное, ради чего стоило прочесть о трепете прошлых иудейских забот – это те фрагменты текста, из которых можно почерпнуть информацию об авторе. На меня 35-летний Александр Воронель произвел разрушительное впечатление. Чего стоит зловещий рассказ, приведенный на стр. 88 и 89, как он боролся со своим несовершенством, за каждый недостойный поступок втыкая себе нож в бедро! Если этот эпизод не является авторским преувеличением – Воронелю просто повезло, что на Лубянке не воспользовались саморазоблачением, чтобы упихать автора в психушник...

В общем – человек из породы вечных борцов в школьном возрасте клеил марксистские листовки. Главный враг его – «люди, которые могут с легким сердцем... раскаться и действительно изменить свое поведение, свои симпатии и антипатии» (стр. 19). Отсюда изначальная обида на русскую интеллигенцию – за то, что «идеология... вещь вообще второстепенная для этих людей и воспринимается ими как некое украшение жизни, вовсе не обязательное само по себе» (стр. 54). Соответственно, евреи отличаются от русских в лучшую сторону тем, что для них «неприемлема пропасть между принципами и

практикой» (стр. 36). Впрочем, уже на следующей странице автор поливает тех же евреев за то, что на самом деле они вовсе не желают соответствовать заявленному идеалу: «Они... хотя вознаграждения за несамостоятельность, за лень, за конформизм, за послушание». Прямо пророк гнева какой-то, прости Господи!

Если бы благонамеренный читатель не знал, что Александр Воронель – весьма достопочтенный человек, причем вовсе не в том смысле, что Брут (да за один журнал «22» ему нужно памятник поставить!), тут бы он закрыл книгу навсегда. И допустил бы большую ошибку. «Настоящий» текст начинается после первых двухсот с небольшим страниц, посвященных вопросам либо забытым («субъективное переживание национальной принадлежности» в стране победившего социализма, да сотрется память о ней), либо забытым и одновременно неинтересным («вечный комиссар» Троцкий как еврейское зеркало русской революции, да сотрется память о ней). Затем начинается тема вечная: евреи и русские, мы и они, что нам в них не нравится и что им в нас. «И вместе, и врозь» – а все равно вместе. Скованные одной цепью русского языка, объединенные общим прошлым мальчиков и девочек из хороших семей и, учитывая очевидный закат Европы (горе миру, где Шпенглер прав), не могущие рассчитывать сменить круг общения.

Где проблема русско-еврейских отношений – там не обойдется без критического анализа Солженицына. Различным аспектам солженицынского отношения к евреям и столкновениям двух национализмов посвящено ровно сто страниц повествования, три крупных эссе. Сразу отмечу: критика гораздо более уважительная, чем статейки всяких журналистов, заполнившие в последние годы русскую еврейскую прессу. По многим позициям Воронель и Солженицын вообще придерживаются одинаковых взглядов. На самом деле, анализ сходств и различий подходов национально мыслящего русского консерватора и национально мыслящего еврейского либерала (в традиционном, разумеется, понимании этого термина: «либерала» как Герцль и Жаботинский, а не как Б.А.Березовский или Йоси Бейлин) заслуживает отдельного анализа, далеко выходящего за пределы данного текста. Но читается этот интеллектуальный поединок с уважаемым оппонентом, безусловно, на одном дыхании.

За проблемами вечными приходит черед проблем актуальных. Воронель и десятки тысяч других русско-еврейских интеллектуалов репатрировались в Израиль и вновь решают для себя проблемы культурной самоидентификации. В «Трепете...» Воронель противопоставляет русских интеллектуалов русским евреям. Спустя два с лишним десятилетия, в эссе «Мы и они», автор пишет о том, насколько русские евреи оказались русскими интеллектуалами в Израиле (т.е. получив свободу быть евреями). Отношение к исследуемому «людскому материалу» поменялось коренным образом. Слава Б-гу, а то, читая ранние работы Воронеля, можно было прийти к неутешительному выводу, что он из тех, кто «не может поступиться принципами». Новая ситуация требует новых принципов – и автор немедленно ими обзаводится.

Не меньшее место, чем актуалии еврейско-русской самоидентификации, занимают в книге актуалии еврейско-арабского противостояния. Здесь Воронель нисколько не стесняется своей «русскости» и пишет не то, что политкорректно, а то, что он видит своими глазами: «Я не хочу, чтобы у читателя возникло впечатление, что автор или кто-нибудь другой в Израиле против еврейско-арабской дружбы. Я только решительно против распространения заведомо ложного утверждения, что такая дружба где-нибудь в заметных масштабах существует» (стр. 353). Временами проявляется даже мечтательная славянская душа: «... миролюбие Запада истощилось уже почти до того последнего предела, за которым начинаются ковровые бомбардировки» (стр. 361). Блажен, кто верует... Совсем рядом, впрочем, тексты о полной и окончательной выморочности современной западной охлократии.

Все эти материалы читать если не увлекательно (читатель и без того знает, что «национально-освободительное движение» – это банда, а «права человека» не существуют в отрыве от обязанностей человека, поэтому говорить о каком бы то ни было «праве» палестинцев весьма и весьма преждевременно), то, по крайней мере, приятно. Как приятно поговорить с умным, умеренным человеком, отчасти скептиком, принадлежащим к твоей культуре. А если затем вновь открыть «Трепет иудейских забот» – начинаешь воспринимать эту работу по-новому. Это до чего же надо было краснопузым довести умного, умеренного человека, отчасти скептика, чтобы он ТАКОЕ думал?!

Αὐτὸς ὁ Θεὸς Ἰσραὴλ

МУЧИТЕЛЬНЫЕ ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.Р. І еееòààà

Àííëíùáííúé ì èò. Àààèíéáý èäáý á öèàèèèçàòèè.

І. : «І àò àèè», 2003 – 253 ï

Жанр своей книги доктор филологических наук А.Ю. Милитарев определил как эссе, то есть (цитируя словарь) как «малый жанр философской, литературно-критической, историко-биографической прозы, сочетающей подчеркнuto индивидуальную позицию автора с непринужденным, часто парадоксальным изложением, ориентированным на разговорную речь».

Какие цели ставил перед собой автор, какую «подчеркнuto индивидуальную позицию» отстаивал, работая над своим сочинением долгих 7 лет? Что хотел сказать? Прежде всего – привлечь внимание к «необычности еврейского феномена» (курсив мой. – В.Б.) в человеческой истории...

В чем «секрет» евреев, по выражению г-на Милитарева, «чемпионов исторического долгожительства»? И как объяснить их непропорционально значительную роль в становлении и развитии современной цивилизации? Для того чтобы ответить на эти и другие вопросы, необходимо не только глубокое знание истории нашего народа, его менталитета, постижение миссии, которую он выполняет, но и понимание сложности и противоречивости пути, пройденного нееврейским миром, прежде всего, его авангардом, западным христианством, пути от откровенно враждебного отношения к иудаизму до понимания и восприятия его гуманистических идеалов, ставших нравственной основой современной иудео-христианской цивилизации.

Вводя читателя в контекст книги, г-н Милитарев пишет: «...Прежде чем подробнее говорить о еврейском вкладе в цивилизацию, о еврейской уникальности и ее возможных причинах, хочу напомнить и о наиболее постыдных исторических эпизодах, о том, что я считаю еврейским – т.е. моих предков, а значит, в каком-то смысле и своим – историческим позором...»

Итак, каковы же ставшие «историческим позором» преступления моего народа, за которые меня должно преследовать неизбежное чувство вины? Приведу лишь несколько примеров.

Это – «отталкивающий всякого нормального человека... идейно обоснованный (впервые в истории!) геноцид (курсив мой. – В.Б.) побежденных народов при завоевании Ханаана, описанный в Книге Иисуса Навина»; это – истребление племени Эдома (второе имя Эйсав, брата-близнеца Яакова), «с упоением» описанное анонимным автором, «скрытым под псевдонимом Исая».

Не знаю, покажется ли А.Ю. Милитареву убедительным следующий фрагмент афторы главы «Тойлдойс» Торы: «Но ведь брат Эйсаву Яаков, – молвит Б-г. – Но все-таки возлюбил Я Яакова. А Эйсав – возненавидел Я, и опустошил его горы, и превратил владения его в пустыню, где живут лишь шакалы. А если скажет Эдом: Разорены мы, но вернемся и отстроим руины, знайте, что так сказал Б-г воинств: они отстроят, а я разрушу, и будут звать их удел уделом злодейства, а их народом, на который навечно гневен Б-г» (Малахи, 1:2-4).

Не знаю также, откуда г-н Милитарев почерпнул сведения о первом (!) в истории геноциде народов Ханаана. Евреи ведь – не самый древний на Земле народ. Они – древнейший из народов, доживших до наших дней. Во времена же Яакова и Иешуа бин Нуна (Иисуса Навина) и задолго до них уничтожение населения покоренных государств являлось, увы, делом обыденным, диктуемым «конкретными историческими условиями и обстоятельствами», о чем сам ученый и напоминает на двести сорок третьей странице своего опуса.

К более «свежим» примерам «исторической вины» еврейского народа автор относит активную роль иудеев в средневековой работоторговле, а также «участие “новых христиан” – conversos, обращенных евреев – в гонениях на собратьев-иудеев в инквизиторской Испании... Речь идет ... о гонителях, истязателях, – таких как Торквемада, Великий Инквизитор, который имел еврейские корни», – с горечью констатирует А.Ю. Милитарев.

Стало быть, я, «идентифицирующий» себя как еврей, должен нести ответственность, спасибо хоть условную, за то, что Томас Торквемада более 500 лет назад сжег тысячи моих единоверцев, а сотни тысяч других изгнал из Испании?! И все потому, что в жилах этого чудовища была капля еврейской крови?! Увольте!

Однако перечень «деяний», «инкриминируемых» евреям, этим отнюдь не завершается.

Приведу две цитаты.

Первая: «Множество евреев занимало руководящие посты как в партии, так и в “расстрельных” командах ЧК... Мы знаем, как сильно и глубоко евреи повлияли на революционное движение в России и в государствах Центральной Европы».

Вторая: «Это, конечно, еврейская активность в экстремистском революционном движении в России, в самом большевистском перевороте, в кровавом разгуле ЧК-НКВД (еврейская “квота” среди личного состава этой людоедской организации, по некоторым данным, доходила до 60%!)

Первая цитата представляет собой фрагмент официальной речи, произнесенной депутатом бундестага ФРГ от христианско-демократического союза (ХДС), майором в отставке Мартином Хоманном (см. «Еврейское слово», № 45 за 2003 год). Вторая – выдержанное в не менее решительном тоне гневное осуждение евреев-большевиков автором книги «Воплощенный миф» А.Ю. Милитаревым.

Справедливости ради надо сказать, что, в отличие от экс-майора Хоманна, профессор Милитарев не называет евреев преступным народом. Возможно, он приберег эту мысль для следующего «эссе». Но столь ли уж существенно отличаются от инвектив г-на Хоманна такие словосочетания, как «постыдные исторические эпизоды», «исторический позор», которыми «награждает» евреев Милитарев?

За оскорбительные высказывания в адрес евреев, ставшие причиной громкого скандала в Германии, херру Хоманну на заседании президиума ХДС было вынесено строгое порицание. Депутата-антисемита отстранили от работы в парламентском комитете по внутренним делам. Партийный лидер, Ангела Меркель, инициировала процедуру исключения М. Хоманна из фракции ХДС/ХСС.

Ну а профессор Милитарев продолжает плодотворно трудиться на ниве науки и высшего образования, являясь ведущим специалистом Института восточных культур РГУ и ректором Еврейского университета в Москве.

Автор с горечью пишет и о «вскрывшемся в последние годы участии евреев... в гитлеровских военных кампаниях и даже в национал-социалистическом движении, причем не только на рядовых ролях». Поскольку г-ну Милитареву импонирует «выросший на немецкой культуре немец с тяжелым комплексом вины за нацизм», развязавший самую кровавую в историю человечества войну, унесшую

более 50 млн. жизней, то, по логике профессора, и евреи должны нести ответственность за несколько заблудших душ, пошедших в услужение к палачам нашего народа.

В одном из заключительных разделов эссе А.Ю. Милитарев замечает: «...Евреев обвиняют одновременно как в изоляционизме, так и в стремлении к мировому господству; как в национализме, так и в космополитизме; как в изобретении христианства – «иудаизма для гоев», так и в антихристианстве; как в создании эксплуататорского капитализма, так и в революционной борьбе с ним; как в победе большевизма в России, так и в его крушении; как в религиозном фанатизме и изуверстве, так и в безбожии». Если иметь в виду, что глава, содержащая этот пассаж, называется «Антисемитизм», то каким словом можно охарактеризовать суровый счет претензий, предъявляемых еврейскому народу ректором Еврейского университета в Москве?

Ректор сетует на то, что некоторые из друзей и коллег подозревают его «в апологетике еврейства» (стр.243). Вышеизложенное со всей очевидностью доказывает: это – гнусные, клеветнические измышления, порочащие честь и достоинство ректора Еврейского университета в Москве.

Для антисемитизма, как явления, вообще характерна весьма разнообразная аргументация: одни утверждают, что евреи сами себя загнали в гетто; другие завидуют; третьи упрекают нас в «гиперактивности»... За всей словесной эквилибристикой ректора Еврейского университета в Москве, за «маркированностью» еврейского исторического пути, «универсалистским путем развития» проглядывается старый, как мир, постулат: были бы, как все, не высывались, не брали бы на себя слишком много, – глядишь, и пронесло б.

Таким образом, внушительный список еврейских «дел» пополнился еще одним, впрочем, при ближайшем рассмотрении отнюдь не новым: лидерством в выборе «стратегии выживания», как именует ее автор эссе.

Никакую «стратегию выживания», пусть даже «антропоцентрическую», евреи человечеству не навязывают. Еврейский народ реализует стратегию жизни, возложенную на него Всевышним миссию нести в этот мир Слово Б-жье, этические принципы, воплощенные в десяти заповедях. А борьба за выживание, которая сегодня действительно заботит цивилизацию планеты, есть прямое следствие попрания этих принципов. Создается впечатление, что А.Ю. Милитарев проявляет непонимание, а, быть может, и неприятие такой миссии (это слово он берет в кавычки).

Признавая, что мир создан рукой Творца, профессор, вместе с тем, категорично заявляет: «...Я не вижу перспектив еврейской религиозной жизни в России (как и в США, и в Европе) – разве что возрастает симпатия к трогательным древним обычаям, поверхностная и необременительная игра в которые еще и оттеняет свою особую идентичность».

Если бы развитие действительно шло по сценарию г-на Милитарева, то отдаление евреев от религии неминуемо привело бы к утере ими связи с Всевышним и гибели нашего народа.

К счастью, вывод об отсутствии перспектив еврейской религиозной жизни оказался, мягко говоря, не соответствующим действительности. Лишь за последние десять лет на просторах бывшего СССР – в странах СНГ и Балтии – открылись десятки, если не сотни, еврейских школ, ешив, университетов, в которых молодое поколение получает превосходное как религиозное, так и светское образование. К вере приобщаются и люди старших возрастов, бо льшая часть жизни которых пришлось на эпоху советского безвременья. А «поверхностная и необременительная игра», точнее соблюдение праздников, Субботы, традиций – не что иное, как следование еврейским законам, о чем главный раввин России р. Берл Лазар говорил на встрече с представителями культурно-просветительского центра русско-еврейской интеллигенции «Ковчег».

Соглашаясь с тем, что «этнорелигиозное ядро» еврейства является цементирующим фактором, благодаря которому наш народ выстоял, профессор приходит к весьма оригинальному выводу: поскольку «в ходе ассимиляции сформировалась динамичная группа,... входящая в российскую интеллигенцию, а в постсоветской России – и в нарождающийся средний класс, ... не исключено, что эта группа сохранит... двойную – и еврейскую и русскую – идентичность, продолжив свое историческое существование в качестве одного из наиболее цивилизационно продвинутых (курсив мой. – В.Б.) сообществ в мире». А.Ю. Милитарев вполне согласен с мнением социопсихолога В.С. Собкина, в соответствии с которым московский еврейский подросток оценивает себя «реального» как еврея, а себя идеального – как русского.

«Красной нитью» через всю книгу проходят размышления автора над проблемой: что значит быть евреем? Евреи – это религия или национальность?

Рассуждая об еврействе как национальности, Александр Юрьевич не учитывает одну маленькую «деталь»: евреи – народ, объединяющий множество этнических групп.

Мы все прекрасно знаем, что евреями являются сефарды, внешне мало чем отличающиеся от арабов, часть эфиопов, исповедующих иудаизм... Что общего между ними и ашкеназскими «европеоидами» из украинских и белорусских городков, между грузинскими и бухарскими евреями, между евреями йеменскими и польскими? Можно ли сказать, что их объединяет национальность, то есть «состав крови» и уклад жизни?

Не находя ответа на вопрос «...На чем ... вообще держится у евреев России и всего бывшего СССР ощущение своей принадлежности к некоей особой общности?», г-н профессор размышляет над другими, вполне логичными с его точки зрения проблемами: «Так, может, нет никаких евреев в России, а есть русские еврейского происхождения?...И если перестать колоть им глаза врожденной инвалидностью – злосчастным, безвинным их еврейством, то станут они, как все: нормальными русскими людьми?».

Не знаю, к радости ли г-на Милитарева или к разочарованию, но смею его заверить: евреи в России есть!

Не претендуя на точность дефиниций, рискну даже сформулировать свое понимание этого «сложного явления». Еврей – человек, ощущающий себя частицей народа, история которого насчитывает несколько тысячелетий; народа, на долю которого выпали невыносимые испытания; народа, который, преодолев их, как праотец наш Авраам, поднялся на более высокий духовный уровень; народа, который, восстав из печей крематориев, сегодня, как и прежде, на удивление активен во всех сферах деятельности; народа, который, сохраняя свою самобытность, сыграл определяющую роль в формировании морали современного, прежде всего западного, общества. В новейшей истории после образования государства Израиль большинство евреев, хотя отнюдь не все, испытывает чувство солидарности с нашей исторической Родиной. Человек, считающий себя евреем, далеко не всегда религиозен. Однако, если он – homo sapiens, то не может не понимать, что консолидирующим началом еврейского народа является его, как пишет А.Ю. Милитарев, «этнорелигиозное» (я бы сказал – просто религиозное) ядро. Ну, а верующий иудей, сознавая, что наш народ, который ничем не лучше и не умнее других, избран Всевышним, ощущает прямую связь между нами и Творцом. И до тех пор, пока такая связь существует, никаким «эсхатологическим» прогнозам сбыться не суждено. Как сказал главный раввин России на упомянутой встрече в МЕОЦ, «отличие еврея от нееврея состоит в том, что на еврее лежит больше ответственности, больше обязанностей, чем на других народах. Другим Б-г дал десять заповедей, а нам – 613! Наверное, если у нас столько обязанностей, у нас особая миссия...»

Ну, а фактор этнической принадлежности ни в коей мере не является доминирующим при определении «еврейской идентичности». Если рассматривать национальность исключительно как принадлежность к какому-либо этносу, то данная категория в отношении евреев применима лишь с определенными оговорками.

Трактуя выход еврейского народа на авансцену истории как некую «случайность», считая, что традиционные еврейские ценности вступают в противоречие с общегуманистическим мировоззрением, не видя перспектив еврейской религиозной жизни в России и за рубежом, профессор неизбежно приходит к выводу о кризисе современного еврейства. Этому посвящена целая глава книги.

Каков же выход? «Естественно», «частичная ассимиляция». Ей создатель «Воплощенного мифа» прочит, о чем говорилось выше, блестящее будущее. Правда, процентная норма «частичной ассимиляции» не уточняется, что для исследователя такого уровня, как доктор наук Милитарев, непозволительно.

«Я пытался найти...подходы к рациональному объяснению каких-то необычных особенностей (курсив мой. – В.Б.) еврейского исторического феномена...» – резюмирует автор эссе, завершая свой труд. Но именно в этих «подходах» – ахиллесова пята книги.

Дело не в том, что разгадка еврейского феномена так и не найдена. Иногда сформулировать вопрос не менее, если не более, важно, чем получить на него ответ. Печально, что уважаемый ученый пытается дать, так сказать, «этимологически-рациональное» объяснение тому, что такового не имеет в принципе.

Невозможно, по-моему, ассоциировать уникальность еврейского исторического долгожительства с неким стечением обстоятельств. Невозможно понять, как удалось нашему немногочисленному народу на протяжении нескольких тысячелетий играть столь заметную роль во всех сферах деятельности. Невозможно осмыслить, как народ, переживший погромы, гонения, рассеяние, самую страшную в истории человечества катастрофу, смог не только выстоять, но и возродить на Святой земле свое государство, которое, находясь во враждебном окружении, одержало победу во всех пяти широкомасштабных войнах и сегодня ведет жесточайшую борьбу с террором... Невозможно представить современный мир без десяти заповедей, полученных Моше на горе Синай. Здесь нет ничего случайного. Просто такова воля Всевышнего.

Но такую позицию г-н Милитарев, очевидно, не разделяет. Однако убедительно обосновать иную точку зрения ему, к сожалению, не удалось, о чем свидетельствуют и масса противоречий, и пространная, но малоубедительная аргументация, и грустное ощущение, что у ректора Еврейского университета в Москве нет достаточного представления о той сложнейшей проблеме, которой он посвятил свою книгу.

אֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2004 СИВАН 5764 – 6 (146)

Пример Липи Липмана

אִי לִי אֶלֶּיךָ יְיָ

В Линдхерсте, если кто-то из гоев с завистью говорил еврею о том, до чего евреи Линдхерста богатые, до чего умные и в делах преуспевают, ответ чаще всего был один: «Не про каждого еврея такое скажешь! Возьмите хоть Липи Липмана!» Никто, даже самый яркий антисемит, не назвал бы Липи Липмана богатым, умным или преуспевающим.

Как-то раз Липи Липман сказал, что евреи Линдхерста должны ему приплачивать, чтобы он оставался бедным, потому что иначе им не одержать верх в споре – доводов не будет. Этой шутке никто не засмеялся: ее сочли неуместной. И хотя бедность Липи Липмана помогала евреям Линдхерста осадить завистливого гоя, но все же они стыдились его, стыдились старенького грузовика, на котором он развозил овощи, стыдились и того, что из белых Липи являлся на базар с первыми лучами солнца и перебранивался с лоточниками, чернокожими и индийцами. Каждый второй еврей в городе был оптовиком или хозяином гостиницы, зубным техником или врачом, но Липи Липман так и остался всего-навсего мелким торговцем. А его единственный сын Натан был всего-навсего радистом на южно-африканских авиалиниях, и его заработков не хватало на то, чтобы поддерживать стареющего отца. И вообще, эта работа была совершенно неподходящей для сына Липи Липмана!

– Как там авиатор? – покровительственно спрашивал кто-нибудь Липмана при встрече, а Липи задирает голову к небу, морщил лоб и говорил:

– В полном порядке, все еще летает.

На самом деле Натан давно уже служил на земле, но Липи этого не знал, поскольку они с Натаном редко переписывались. Сам Липман никогда не летал на самолете, да и радио никогда не слушал.

Липи был малорослый, но большеголовый, с резко очерченными выступающими скулами, крупным горбатым носом и широко расставленными глазами. Он был вдов и жил одиноко в крохотном доме в одном из старейших пригородов Линдхерста. Соседние домишки были такие же маленькие и ветхие, с такими же верандами по фасаду и так же крытые железом. На задворках ютились многочисленные слуги-африканцы, шумные, босоногие, в лохмотьях. Они отличались от опрятных, одетых в белое слуг из пригородов побогаче так же, как отличались их хозяева. Соседями Липи были африкандеры, железнодорожники и шахтеры; их детишки порой кричали ему вслед «Koelie-Jood^[1]»: «Koelie» было оскорбительной кличкой индийцев, и так они выказывали презрение к Липи: нашел чем заниматься. Но матери этих детей под вечер поджидали возвращения Липи, чтобы купить у него за полцены подгнившую морковь и увядшую капусту, которые ему не удалось продать. К ним присоединялись и дети – они спрашивали у Липи, не найдется ли у него ertjies^[2] для них. И частенько Липи доставал стручки гороха, уже не зеленые, а серые, желтые или белые и раздавал их галдящей ребятне. А когда все расходились, он аккуратно складывал пустые ящики в кузов, связывал их веревкой и шел к себе.

В дом к нему никто не заходил. Он снимал шляпу и воротничок с галстуком (всегда, даже в самую нестерпимую жару носил жесткие съемные воротнички) и мылся в тесной вонючей ванной. Его служанка – сморщенная старушка из племени басуто, чьи внуки играли на задворках, подавала ужин. Суп, мясо, овощи и компот следовали в неизменном порядке, а Липи за едой медленно читал газету от корки до корки. Поужинав, он усаживался на веранде под лампой и слушал уличные шумы и далекий грохот поездов. Допоздна он никогда не засиживался. По субботам торговля шла ходко, поэтому синагогу он посещал только по великим праздникам, зато на вечерних собраниях местного сионистского общества неизменно бывал. На собраниях он садился в первом ряду, внимательно слушал, кивая, словно на молитве, каждому слову.

Липи часто кивал, как будто готов был принять все и согласиться со всем, однако это не прерывало беседы, которую он, казалось, постоянно вел с самим собой. Он кивал на сионистских собраниях, кивал за рулем грузовика, кивал, когда торговался с хозяйками и когда сидел один на веранде. Так же он кивал в тот день, когда, вернувшись домой, обнаружил, что пока его не было, а служанка как всегда под вечер ушла к подруге, жившей на задворках соседнего дома, кто-то забрался к нему в дом и украл все, что можно было унести в чемодане. Пропала почти вся одежда, в том числе и костюм, в котором он ходил в шул^[3], а также коробка с деньгами, куда он клал несколько фунтов – заработок за день, – чтобы было на что купить товар на следующий день. Вор или вору унесли и единственную бутылку виски – ее Липи прятал в гардеробе, купленные по случаю женитьбы старые карманные часы с цепочкой, которые он уже много лет не носил, два серебряных салфеточных кольца с выгравированными на них его и жены инициалами и пару скатертей. Ясное дело: вор не мог поверить, что Липи и в самом деле так беден. Он, должно быть, вообразил, что Липи – скряга и долгие годы копил деньги и ценности. Но кто бы ни был похититель – белый или чернокожий, он был обманут в своих ожиданиях и дал волю злобе: расколотые ящики буфета валялись на полу, кресло в гостиной и матрас в спальне были испорчены, даже раковина в ванной – неизвестно зачем – расколота.

Поскольку раковину разбили, Липи тщательно умылся в мойке на кухне и вышел уже без пиджака в гостиную. Весь день стояла духота, теперь же, когда солнце уходило за горизонт, жара ослабла – не слепила, как поутру, и не обжигала, как в полдень. Окна в комнате были распахнуты, и в комнате было так же тепло, как и на улице. Липи стоял посреди комнаты и глядел на разбросанные ящики, на сине-белую набивку, торчащую из раскуроченного кресла. Из его груди вырвался странный хриплый звук, затем последовал тяжкий вздох: в нем как будто что-то сломалось и никак не желало срастись. Он передернул плечами и подошел к окну. Тут плечи его затряслись, и он снова издал отрывистый стон, перешедший в легкий жалобный хрип.

Липи смеялся. Служанка, вернувшись, застала его у окна: он глядел поверх деревьев на улицу. Увидев, что в комнате разгром, а руки у Липи в крови, она подумала, что он подрался с грабителями, и Липи не мог ей объяснить, что он хохотал и кусал до крови костяшки пальцев, хохотал как безумец и кусал себя, повернувшись спиной к разоренной комнате.

Служанка побежала к соседям, а уж те позвонили в полицию. Полицейские пришли, Липи был в комнате один. Первый полицейский принялся искать отпечатки пальцев, а второй, встревоженный застывшим взглядом Липи и тем, как странно он дергает головой, попытался его усадить. Но Липи даже не пошевелился, он словно не мог понять, чего от него хотят. Однако когда полицейский попросил его дать показания, принялся перечислять все, что у него украли: выходной костюм и остальную одежду, золотые часы и бутылку виски, да еще коробку с деньгами.

– Коробку с деньгами? – прервал его полицейский. – Какую коробку? Сколько там было денег? Где вы ее держали?

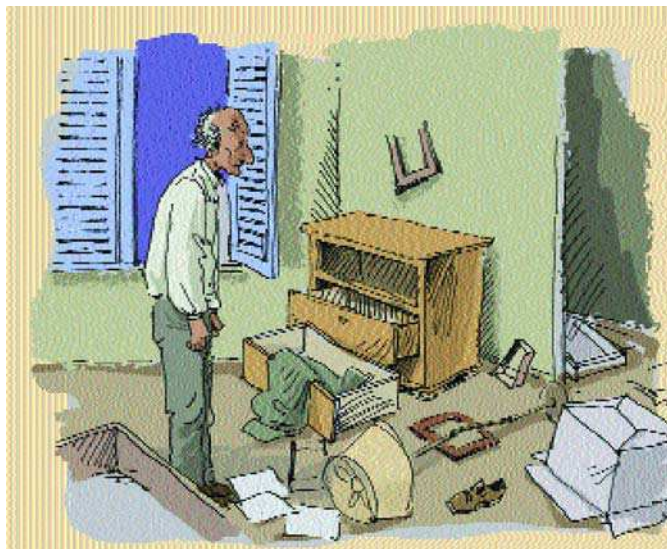
– Сколько там было денег? – повторил Липи. Он расхохотался, глаза его смотрели поверх головы полицейского. – Ясно дело – целое состояние. Все мои деньги. В этой коробке было все, что я нажил за жизнь. Этого достаточно? Достаточно... для чего достаточно? Чего я хотел? Хотел перед смертью отправиться в Эрец Исраэл. Вот сколько денег было в той коробке.

– Господин Липман...

– Да! – закричал Липи. – Запишите себе, чего уж там, запишите, что там в коробке были деньги на поездку в Эрец Исраэл. Теперь-то какая разница? – Липи смеялся, орал, кусал кулаки, кричал, что хотел перед смертью съездить на Святую землю, а теперь уж этому не бывать. Да, он бедный человек и всегда был беден, но была у него одна мечта, одна надежда; теперь-то ему понятно, что все впустую. – Я гляжу по сторонам, и вижу, что моя жизнь – сплошные ошметки, вот, кругом валяются.

Когда полицейский сказал, что Липи надо связаться со своей страховой компанией, он расхохотался в последний раз.

– Да где же меня застрахуют? Да кто же меня застрахует? Все пропало, все. Так и запишите. – И ну пинать ногами мебель, рвать на себе волосы. Вызвали врача, тот дал ему успокоительного; Липи заснул в спальне, на вспоротом матрасе, дверцы гардероба были распахнуты, на полу валялась разбросанная одежда, которой воры погнушались. На улице к тому времени уже собралась кучка любопытных, и весть о несчастье, постигшем Липи, облетела всю округу. Рассказ о случившемся передавался из уст в уста – от служанки к служанке, от хозяйки к хозяйке, и раз от разу размеры кражи все увеличивались, однако больше их преувеличил полицейский, записавший в свой блокнот показания Липи.

На следующее утро в местной газете вышла статья о случившемся. В ней Липи был назван «известным в городе зеленщиком», убыток оценивался в «несколько сотен фунтов – их господин Липман всю жизнь копил на поездку на Святую землю». Полиция, отмечалось в статье, продолжает расследование.

Через несколько дней появилась еще одна статья, в ней сообщалось, что несколько влиятельных членов еврейской общины Линдхерста объявили награду за любые сведения, которые помогут поймать преступника или преступников. Репортер также писал, если деньги не найдутся, принято

решение создать фонд, который возместит господину Липману ущерб, и на собранные деньги он сможет осуществить мечту всей своей жизни и отправиться на Святую землю.

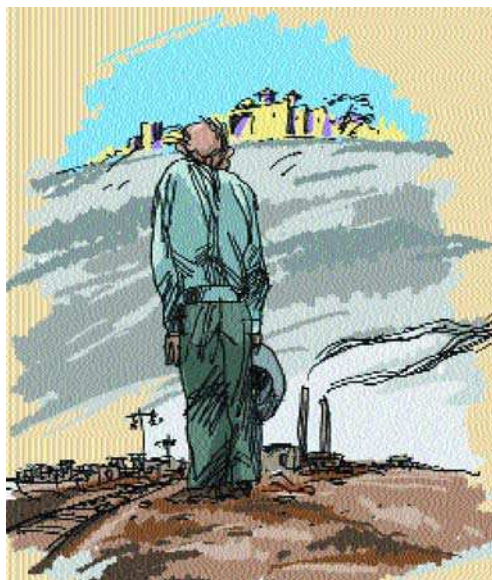
Так Липи стал в Линдхерсте героем, даже в некоторой степени мучеником, особенно в глазах еврейской общины города. Если ее члены теперь стыдились или смущались, то лишь потому, что стыдились и смущались его прежде. Его бедность теперь казалась им благородной, его желание посетить Израиль служило другим примером, его стремление осуществить свою мечту воодушевляло, разочарование, постигшее его, вызывало сострадание. Все без исключения состоятельные евреи Линдхерста чувствовали себя посрамленными смирением Липи, пристыженными его самопожертвованием. Когда Липи приходил в шул, его встречали не просто дружелюбно, но почтительно, на улице не только евреи, но и гои подходили к его грузовику, выражали ему сочувствие и уверяли, что отныне будут покупать только у него. Полиция вела расследование, но безуспешно. Через три месяца после кражи в газете появилась фотография Липи, запечатленного в тот момент, когда ему преподнесли билет в Израиль туда и обратно и чек на сумму, с лихвой покрывающую расходы на поездку. Вручали билет и чек самые влиятельные члены еврейской общины, в том числе бывший мэр Линдхерста, местный раввин и председатель сионистского общества. Сообщалось, что деньги в фонд внесли и многие гои, в том числе соседи Липи.

Липи снилось, что он в Палестине. Этот сон ему снился часто, и пейзаж был знакомым, хотя никогда прежде он не видел ничего подобного. Перед ним простирались блекло-серые вспаханные поля, вдалеке виднелось несколько белых домиков с красными черепичными крышами, за ними вставали смутные очертания гор. На полях ничего не росло, но бесплодными они не были; солнца на небе не было, но все озарял ровный свет; в домах не было заметно движения, но Липи знал, что в них живут люди. И, как сотни раз до этого, Липи пошел к ним.

Как всегда, Липи проснулся, не успев до них дойти. И тут же, лежа в темной комнате, еще отчетливо помня сон, Липи снова осознал чудовищность своей лжи и ее последствия. Липи и в голову не могло прийти, к чему это приведет: ведь он сказал полицейскому, что воры лишили его сбережений – а их у него сроду не было – в приступе ярости и ненависти к себе. Липи даже не помнил, что он наговорил полицейскому, не прочитав статью в газете, ни за что бы не поверил, что так поступил. Помнил он одно: придя под вечер домой и обнаружив там разгром, он был унижен и оскорблен, но зол он был не на воров, забравшихся в его дом, рывшихся в его скудных пожитках и унесших то небольшое, что они сочли достойным внимания. Липи был зол на себя, на свою бедность и бессилие, на жизнь, прошедшую в изнурительном труде, на то, что дом можно разграбить за десять минут, а все его имущество не стоит и десяти фунтов.

Липи лежал в кровати – до отъезда в Израиль оставалось несколько дней – и вспоминал, какие чувства его обуревали тогда. Все, что происходило потом, было сплошным безумием, в котором смешались шум, тьма, свет. Его бешенство, лица полицейских, статьи в газете, сочувствие незнакомых людей, слухи о том, что для него собирают деньги, волнующая церемония – на ней ему вручили билет и деньги – все это было как будто несущественным, сон и тот существеннее, тем более тот сон про Израиль, который ему приснился. Но билет и деньги были настоящими, они были ему даны и теперь ждали в банке. (Из банка деньги вора не увести – такие шутки были в ходу. Липи, вернувшись, еще и сына поучит летать – и такие тоже.) Проработав всю жизнь, он не собрал денег на поездку, а раз солгал – и нате, пожалуйста; и Липи лежал в кровати и дивился миру, а в особенности городу Линдхерсту. Липи испытывал такое удовлетворение, какого не испытывал с молодости, когда лежал рядом с женой. Липи понимал, что наконец-то сможет разрешить загадку, ту самую, дорогую его сердцу, давно его мучавшую, тайную загадку: он сможет проверить, действительно ли Израиль таков, каким он ему виделся в снах.

В ту ночь Липи проснулся еще раз. Проснулся оттого, что сердце его сильно билось, а тело содрогалось от страха, которого разум еще не воспринял. Сбитый с толку густой теплой тьмой, не осознавая толком, кто он и где он, Липи снова вспомнил о предстоящем путешествии. Может, он боялся воров? Опасался, что полиция найдет их или они сами объявятся и раскроют его обман? Такие страхи охватывали его и прежде, однако не так сильно, чтобы он переставал понимать, кто он такой. Сейчас им овладел другой страх, смутный, неотступный, непроглядный, как тьма вокруг. Он не мог поверить, что земля, которую он видел во сне, примет его, если он явится туда лжецом и обманщиком. Она отвергнет Липи – как, ему было непонятно, но отторгнет от себя, отринет как нечто нечистое, недостойное.

Утром Липи встал и отправился к бывшему мэру, тому самому, который вручил ему от имени еврейской общины Линдхерста билет и деньги. Бывший мэр был строительным подрядчиком – дело ему перешло по наследству, он был на двадцать лет моложе Липи и в два раза крупнее. Властный, со здоровым цветом лица, он носил очки в массивной черной оправе, хотя вполне мог обойтись и без них. Он побывал не только мэром Линдхерста, но и капитаном местного гольф-клуба и председателем общества Красного Креста, и оставался председателем торговой палаты и членом городского совета; на публичных собраниях и даже наедине с женой он обычно приводил свою карьеру в качестве примера сердечных «межрелигиозных отношений», как он это называл, в Линдхерсте. Он сделал Липи доброе дело и вследствие этого, как часто бывает, принял его доброжелательно; но к тому времени, когда Липи закончил свое признание, он был настроен отнюдь не благобно. Впрочем, бывший мэр был человеком дела, он не стал говорить Липи, как оскорблен, что Липи обманул жителей Линдхерста, не негодовал, что и сам он был выставлен сентиментальным кретином, не выказывал тревоги по поводу того, как признание Липи может повлиять на «межрелигиозные отношения» в Линдхерсте. Вместо этого он сказал Липи:

– Значит, так: немедленно отправляйтесь в Йоханнесбург и дожидайтесь вылета там. Уезжайте поездом сегодня же вечером. И никому ни слова об этом не говорите, понятно? Ни единого слова. Что касается меня, этого разговора не было. Я вас не слышал, и никто вас не услышит. А теперь идите, вечером я пришлю за вами машину. Вам все ясно? Идите же! – И только под самый конец неожиданно вспылил:

– Лучше бы вы не возвращались!

Ошарашенный Липи позволил вывести себя из кабинета, очнулся он уже на залитом солнцем тротуаре, со шляпой в руке. Мимо него шли по своим делам жители Линдхерста, и Липи пошел за ними, хотя дела у него никакого не было. В ушах настырно звенел голос, убеждавший его, что в этом мире всё и вся прогнило, что бояться ему нечего. Он весь день бродил по городу, люди видели, как он стоял перед витринами магазинов в центре, как брел посреди дороги в далеком от его дома пригороде, его заметили даже в африканском квартале – там с изумлением наблюдали за белым человеком, пробиравшимся по грязи между рядами сколоченных из листов железа хибар, построенных в вельде. Липи обнаружил себя на сортировочной станции, там же – слишком поздно – его заметил машинист шедшего на малой скорости паровоза, под колеса которого упал Липи. Отчетливее всего машинист запомнил, он это обязательно отмечал, – как Липи, падая, заткнул уши руками.

Расследование пришло к выводу, что Липи погиб в результате несчастного случая. Следователь добавил, что погибший так и не успел осуществить свою мечту и скончался за несколько дней до отъезда на Святую землю, и оттого его смерть представляется еще более трагичной. Похороны Липи собрали множество народа, было замечено, что больше других горевал бывший мэр города.

Перевод с английского

Веры Пророковой

- [11](#) *Áðñé (áóðééáí ñ).*
- [12](#) *Áíðíó (áóðééáí ñ).*
- [13](#) *Ñéíáññá (ééèé).*

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2004 СИВАН 5764 - 6 (146)

МАЙМОНИД КАК ВРАЧ

Beitá Yéááð

Арабская культура, возникшая в конце VII века и явившаяся на смену культуре древнего эллинско-восточного мира, постепенно развивалась и достигла небывалого расцвета в XII веке, когда в Кордове жил и творил философ и врач Ибн Рушд (Аверроэс). Еврейские ученые не только были верными сотрудниками арабов, но вместе с сирийцами-несторьянцами участвовали в закладке фундамента арабской науки. К примеру, еврейский врач Масарджавай, живший в Басре, в Месопотамии, во второй половине VII века (в 683 г.) впервые перевел с сирийского на арабский язык медицинские пандекты пресвитера Аарона, александрийского автора VI века. Этот труд, изначально написанный по-гречески, сначала перевели на сирийский, а уже Масарджавай перевел его с сирийского на арабский, дополнив собственными замечаниями. Так на арабском языке появилась первая книга по медицине. Несколько позже (в VIII веке) другой еврейский ученый, Машалла, сыграл аналогичную роль по отношению к математике и астрономии.

Вместе с арабами евреи занимались постижением греческой философии и медицины. Однако еврейские ученые не ограничивались одной только арабской культурой: они изучали также религиозные сочинения своих соплеменников и положили начало еврейской религиозной философии. Высшей стадии развития это направление достигло в работах Маймонида (Рамбама), современника Аверроэса.

Маймонид – гениальный философ-рационалист и теолог – был еще и врачом. Но если выдающаяся роль его в становлении еврейской теологии, в создании философии иудеев не вызывают даже малейших сомнений, то врачебная его деятельность многими не принимается всерьез. Существуют противоречивые, даже взаимоисключающие мнения: одни превозносят врачебную деятельность Маймонида, другие относятся к ней пренебрежительно, хотя сплошь и рядом не обладают ни достаточной профессиональной компетентностью, ни основательным знанием медицинских трудов Маймонида и его практических занятий в области врачевания. Визирь Аль Китти, живший в Алеппо, приятель Йосефа-Иеуды ибн Акнина, ученика Маймонида, пишет, что Маймонид, дескать, «был малоопытным врачом». Историк арабской медицины Ибн аби Осебия, отец которого считался учеником Маймонида, напротив, с большой похвалой отзываясь о врачебной деятельности своего наставника и о лекциях, читанных им перед врачами. Люсьен Леклерк полностью отказывает Маймониду-медику в самостоятельном взгляде на лечение и считает его всего только эпигоном Галена. Между тем, и в эпоху Возрождения, и позже высказывания Маймонида-доктора пользовались большим успехом, и известный итальянский врач Меркуриалис утверждал даже, что они не уступают по глубине афоризмам Гиппократу. Арабский поэт Аль Саид ибн Сурад аль Мульк ставил Маймонида выше самого Галена, ибо, по словам его, «Гален лечил только тело, а Маймонид – еще и душу». В наше время историк Грец отстаивает ту точку зрения, что Маймонид был врачом-теоретиком, а отнюдь не практиком. Таково в общих чертах и мнение С. Ковнера. Между тем из переписки Маймонида с Йосефом ибн Акнином и Шмуэлом ибн Тиббоном явствует, что он имел огромную практику и лечил даже родственников Саладина.

Чем объясняются эти разногласия? Ключ к решению проблемы, думается, может дать знакомство и с ранними годами жизни Маймонида, и с дальнейшими этапами его жизни. Рабби Моше бен Маймон родился 30 марта 1135 года в Кордове. Отец его, занимавший видное положение в еврейской общине, был выдающимся талмудистом, а также знатоком математики и астрономии. Юный Маймонид учился у него Библии, Талмуду, математике и астрономии. В 1148 году, когда Маймониду было всего 13 лет, семье его пришлось спасаться бегством от африканских завоевателей Альмохадов. Сначала родные мальчика поселились в портовом городе Эльмейра, а спустя 3 года переехали в северную, христианскую, часть Испании, где прожили почти 9 лет. Таким образом, Маймонид провел свои юношеские годы там, где обитали христиане. Тогда он и начал составлять комментарии к Мишне на арабском. У нас нет никаких сведений о среде, к которой он был близок в те годы, с кем дружил, общался. Впрочем, сам Маймонид свидетельствует, что был дружен с визирем Абу Бекром ибн Зором, известным врачом и философом, жившим в Севилье, и, судя по всему, учился также астрономии под руководством ученика Ибн Бадья аль Саида. Однако мы ровно ничего не знаем о продолжительности и прочности связей будущего философа с обоими этими учеными. В 1160 году семья Маймонида переселилась в Фец. Трудно сказать определенно, что заставило ее покинуть сравнительно спокойную христианскую Испанию и отправиться в Африку, где царили жестокие и фанатичные Альмохады. Весьма правдоподобно, что ее влекли туда научные интересы молодого Маймонида. В Феце жил известный своими талмудическими познаниями рабби Иеуда а-Коэн ибн Шошан, слава которого гремела далеко за пределами Марокко. Там же обитали известные арабские ученые, общение с ними было весьма интересно для Маймонида. Он сам в своих «Поучениях» вспоминает, как занимался медициной в Марокко.

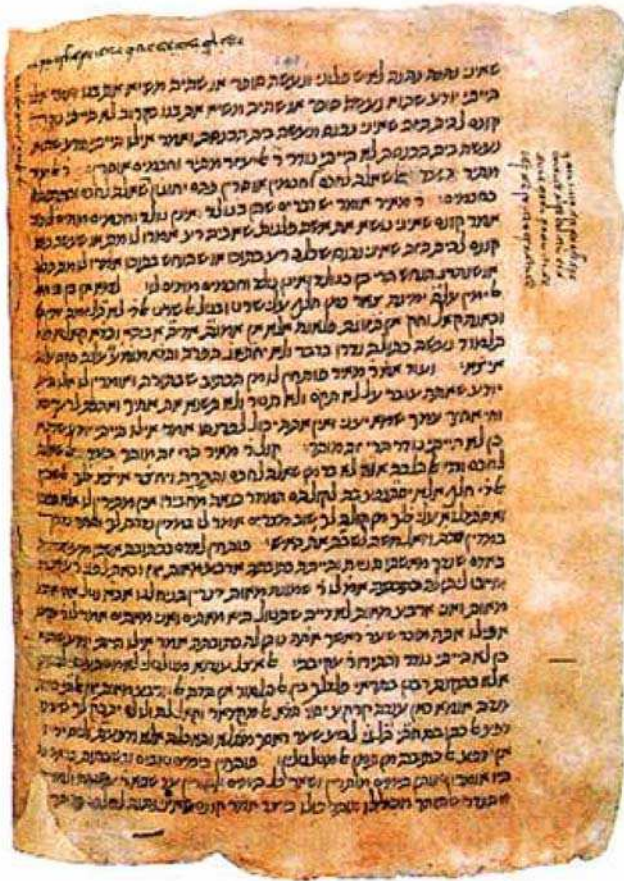

Áîî Î áéî îíéää á Ôäää

В Феце семья Маймонида оказалась в очень тяжелых условиях. Спустя несколько лет (в 1165 году) ей пришлось переселиться на Восток. Маймонид с братом и сестрой обосновались в Фостате, в Египте. Брат Маймонида, Давид, торговал драгоценными камнями и на вырученные деньги содержал семью, а сам Маймонид посвящал все свое время научным занятиям. В Феце он окончил начатый в Испании комментарий к Мишне (это произошло в 1168 году) и написал монументальный труд «Яд а-Хазака» («Сильная рука») – систематическое изложение талмудических законов, законченный в 1182 году. В обеих работах он обнаружил обширные познания в области анатомии и общей медицины. Судьба, однако, недолго улыбалась Маймониду. Через несколько лет после приезда в Египет брат его Давид утонул в Индийском океане, и на плечи юноши легли заботы о семье. Для ее обеспечения ему и пришлось взяться за врачевание.

Первые шаги Маймонида на новом поприще, по-видимому, были робки, тем не менее, мало-помалу он научился справляться со стоящими перед ним задачами. Если в 70-е годы XII столетия ничего не было слышно о медицинской деятельности Маймонида, то в 80-е годы он уже пользуется репутацией выдающегося врача. Читает лекции своим коллегам, не знает отбою от больных. К нему обращаются за помощью даже высшие сановники государства. Пациентом Маймонида был, к примеру, друг Саладина (Салах-ад-дина), визирь Аль-Кади аль Фадиль аль Бейсами; он-то и назначил его придворным врачом. Лечил Маймонид также египетского султана Аль Малик аль Афдаля, сына Саладина. У него консультировался и регент Хамата в Сирии Аль-Малик аль Мугасфир, племянник Саладина. Он консультировал христианского короля в Аскалоне (по Грецу, это был Ричард Львиное Сердце) и получил приглашение поступить к нему на службу, но отклонил предложенную честь. Самого Саладина Маймонид не пользовал – вопреки утверждению Вистенфельда. Неверный факт у последнего заимствовали другие биографы знаменитого медика.

О своей врачебной деятельности Маймонид нередко писал близким. Своему любимому ученику и другу, врачу Йосефу бен Иеуде ибн Акнину, жившему в Алеппо, в 1190 году он рассказывал в очередном письме: «Я пользуюсь большой славой в качестве врача, пользуюсь у высших сановников: у известного судьи (Кади Аль Кадаха), у эмиров (дом Аль Фадаля), у многих других. Благодаря моему высокому положению обыкновенные смертные доступа ко мне не имеют. Целый день в Каире я трачу на посещения больных. Когда же возвращаюсь домой, то чувствую такую усталость, что не в состоянии изучать важные для меня медицинские книги. Ты ведь знаешь, сколько времени и сил требует это занятие и с какими трудностями сопряжено оно для того, кто религиозен, как я, и любит точность, и все, что говорит, стремится подкрепить надежными аргументами. Отсюда ясно, что времени на постижение религиозных проблем не хватает, я занимаюсь этим только по субботам. Что касается других наук, то для них уж окончательно нет времени, и это обстоятельство меня очень огорчает. Недавно я получил сочинения Ибн Рушда (за исключением книги «О чувстве и чувствуюмом») и заметил, что он рассуждает правильно. Но до сих пор не сумел взяться за серьезное изучение его трудов».

Èi i ai oàdèè Ì àei ìièää é Ì èoiá

Àdààèèè i ai oàdèi o. Ì adèèè èèè Àèiáò.

1161-1168 ä

В другом письме, в 1199 году адресованном Шмуэлу ибн Тиббону, Маймонид жалуется на переутомление: «Каждое утро я должен являться к королю. Если ему, кому-нибудь из его сыновей или одной из его жен нездоровится, мне приходится оставаться возле них целый день. Если в королевской семье все в порядке, я возвращаюсь домой пополудни. Там меня уже ждут многочисленные больные евреи и неевреи, важные и не важные, чиновники, судьи, друзья и враги. Умывшись и пообедавши, я приступаю к приему, пишу рецепты, назначаю лечение. Это продолжается до двух часов ночи, а иногда и позже. От такой жизни я ослабеваю настолько, что вынужден лежать и ни с кем не в состоянии беседовать о чем бы то ни было. Только по субботам принимаю представителей общины и обсуждаю с ними наши дела».

Отрывки из писем вполне убедительно иллюстрируют обширную деятельность Маймонида-врача. И невольно возникает вопрос: где же учился он медицине, где получил подготовку к врачебной практике? В родной Кордове, где существовала медицинская школа, он не мог учиться, так как семья его бежала оттуда, когда ему было 13 лет. Хезир (в первом издании «Истории медицины»), Вистенфельд и другие авторы, со слов Лео Африкануса, считают его учеником Ибн Рушда. Но это неверно, ибо приведенное выше письмо доказывает, что Маймонид познакомился с его трудами только в старости. Лео Африканус считает также Маймонида учеником Ибн Тофайла, жившего, по его словам, в Севилье и там же умершего. Росси повторяет слова Лео Африкануса. Но Леклерк убежден, что последний неправ, так как Ибн Тофайл жил в Кордове и Гренаде. Заметим, однако, что, по Штейншнейдеру и Леклерку, Ибн Тофайл умер в Марокко в 1185 г. С другой стороны, если он жил там и в начале 60-х годов XII века, то указание на то, что Маймонид был его учеником, становится более достоверным. Как бы то ни было, связь Маймонида с арабскими учеными и врачами, по-видимому, не была ни продолжительной, ни систематической. Едва ли она поэтому оказалась достаточной для подготовки к практической врачебной деятельности. Таким образом, мы не в состоянии дать определенный ответ на поставленный вопрос. Но изложенные факты жизни Маймонида рождают предположение, что тот действительно не прослушал

курса по практической медицине в какой-либо специальной школе и не работал систематически под руководством известного доктора, так как, по всей вероятности, не готовился к работе профессионального врача. Он изучил медицину теоретически. Теоретические познания в области медицины ему понадобились для задуманных трудов – для комментария к Мишне и работы «Яд а-Хазака». Сами эти труды доказывают, что теоретические медицинские познания философа были весьма обширны. Трудные же обстоятельства (смерть брата) заставили Маймонида уже на пятом десятке применить свои теоретические познания на практике, сделавшись лечащим врачом. Благодаря природной даровитости, благодаря добросовестности и методичности он достиг и на этой ниве выдающихся успехов. Знают об этом далеко не все, пишущие о нем. Отсюда и разногласия. В первой половине жизни Маймонид изучал медицину как науку, а потом, много позже, перешел от теории к практической врачебной деятельности и прославился среди современников, пользуясь большими. Вот почему не совпадают отзывы о нем как о враче-практике. Настоящая практика связана с довольно поздним периодом его жизни.

Маймонид умер в 1204 году. В последние 20 лет он без усталости лечил людей, помогая им избавиться от болезней, зачастую возвращая к жизни. Одновременно он написал несколько работ по медицине. Знакомство с ними подтверждает тот явный факт, что он останется в истории не только как известный философ, но и как незаурядный, талантливый врач.

Ἰ ἀἰεὶ ἡεἶα ὀδύῦ Ἰ ἀεὶ ἡεἶα

Философские идеи Маймонида воплощены в «Путеводителе блуждающих», пользующемся всемирной славой, а также в его трудах по комментированию и кодификации Талмуда. Совершенно иной оказалась судьба его многочисленных сочинений, связанных с медициной. Они стали известны лишь ограниченному кругу читателей, и библиографические сведения о них до недавнего времени были полны ошибок. Так, например, известная работа Маймонида по диететике, состоявшая из нескольких глав, дробилась на части, и каждую описывали как отдельное самостоятельное сочинение. Маймониду, кроме того, приписывали перевод на еврейский язык канона Ибн Сины (Авиценны), причем указывали даже, что рукопись перевода находится в Болонье. Между тем, это явный фальсификат. Маймонид писал свои сочинения исключительно на арабском языке (кроме «Яд а-Хазак») и вообще ничего не переводил. Кстати сказать, в письме Шмуэлу ибн Тиббону Маймонид, хотя и отзывается с похвалой об Ибн Сине, но пальму первенства отдает другому арабскому автору, Аль Фараби, которого ставит гораздо выше Ибн Сины. Не подлежит сомнению, что Маймонид, человек методичный, рассудительный, конечно, перевел бы раньше того автора, которого считал более важным, – если бы вообще занимался переводами. Несмотря на то что все эти и другие неточности были исправлены Леклерком и особенно М. Штейншнейдером, они кочуют от одного пишущего о Маймониде к другому. Сравнительно недавно С. Ковнер целиком, без всяких оговорок, заимствовал перечень трудов Маймонида у Вистенфельда и Кармоли, хотя давно уже существуют работы Леклерка и М. Штейншнейдера. Далее будет разумным руководствоваться данными именно М. Штейншнейдера, крупнейшего специалиста по еврейской библиографии.

Теперь об отдельных медицинских трудах Маймонида.

I

«Ἰ ἰό: αἰεὶ Ἰ ἡεἶα» («Ἰ εἰεἶα Ἰ ἡεἶα»)

Эта работа составлена по типу «Афоризмов» Гиппократов. Она написана в 1187 – 1190 годах, но Маймонид, по-видимому, и позже продолжал править ее и улучшать. Известно, что племянник Маймонида, сын его сестры, тоже, кстати, врач, Йосеф бен Абд Алла абу Маали, переписывал этот труд, а Маймонид исправлял. 25-я глава переписана в 1205 году, и Маймонид уже не успел ее отредактировать. «Почтения Моисея» трактуют о различных медицинских вопросах и делятся на 25 глав. В первой главе содержатся заметки по анатомии: разговор идет о форме органов и их функциях. Вторая глава трактует о жидкостях и о крови; 3-я содержит по преимуществу общие положения. В 4-й главе говорится о пульсе, в 5-й – о моче. Афоризмы 6-й, 7-й и 8-й глав связаны с рядом, если можно так выразиться, частных вопросов. 10-я глава трактует о лихорадке, 11-я – о течении болезней, 12-я – о кровопускании, 13-я – о слабительных и клизме, 14-я – о рвоте, 15-я – о хирургии, 16-я – о женских болезнях, 17-я – о диететике. В 18-й главе речь идет о физических упражнениях, в 19-й – о бане, в 20й – о пище и питье, в 21-й – о лекарствах, в 22й – о лекарствах специфических. 23-я и 24-я главы «смешанного» содержания, среди прочего в них рассматриваются и уточняются некоторые важные термины. 25-я глава целиком посвящена критике взглядов Галена.

Афоризмы Маймонида целиком основаны на сочинениях Галена. Он сам пишет в предисловии: «Не скажу, что я их сочинил, я их собрал из всех книг Галена, но не просто привел дословно, как в компендиях, а подверг тщательному разбору». Следовательно, этот труд отнюдь нельзя считать простой компиляцией, как склонен думать Леклерк. В гораздо большей степени прав Пагель, сказавший, что афоризмы Маймонида несут на себе печать оригинального творчества. Как во всех других своих трудах, Маймонид и здесь верен себе: везде он соблюдает порядок и систему. Свои собственные критические замечания он совершенно отделяет от мыслей Галена и начинает их словами: «Моисей сказал». Его суждения чаще всего на редкость метки, прогнозы точны. Вот лишь один пример. «В медицине, – пишет Маймонид, – бывают такие явления, которые у здоровых указывают на заболевание, а у больных служат симптомом наступающего улучшения здоровья. Чрезмерная сонливость, например, указывает на болезнь, крепкий сон у больных – благоприятное явление. Чрезмерный аппетит у здорового внушает мысль о болезни, хороший аппетит у больных – благоприятный симптом. Чихание у здоровых указывает на заболевание, у больных – на улучшение состояния». Особенно достойна внимания 25-я глава: она вся посвящена критике Галена и вся – плод творчества автора «Поучений». Прежде всего Маймонид отмечает, что многие пытались критиковать Галена уже до него, но их критика относилась к его воззрениям, не имеющим никакого касательства к медицине. Сам же Маймонид ведет речь только о медицине, так как лишь в этой области признает непоколебимый авторитет Галена. В философии же и других науках он с его авторитетом не считается.

В 25-й главе Маймонид цитирует различные суждения из книг Галена и вскрывает поразительные противоречия между ними. Так, например, в одном месте Гален утверждает, что масло – наиболее важный продукт, получаемый из коровьего молока, в другом – что таковым является сыр. В одном месте Гален говорит, что молоко, лишенное сыра и жира, безболезненно промывает кишки, в другом месте этой же самой жидкости приписывается острое слабительное действие. Очень интересны рассуждения Маймонида о языке. Гален говорит, что греческий язык наиболее приятен для уха, а другие языки своим звучанием напоминают либо хрюканье свиньи, либо кваканье лягушки. Рази, кстати, не понравились эти сравнения, он справедливо заметил, что незнакомая речь поначалу всегда вызывает неприятное ощущение, но это еще ни о чем не говорит. Маймонид становится на научную точку зрения: по его мнению, красота, благозвучие языка зависят от климата, влияющего на темперамент и устройство органов речи. Поэтому речь жителей стран с умеренным климатом «правильнее (звучнее)», нежели речь людей из жарких или холодных краев. Таким образом, Маймонид в какой-то мере присоединяется к Галену, но распространяет его вывод на арабский, еврейский, арамейский и персидский языки. Мы вынуждены ограничиться лишь несколькими примерами, но и в них достаточно выразился оригинальный ум Маймонида. До него никто так метко не критиковал Галена, этого кумира средневековой медицины.

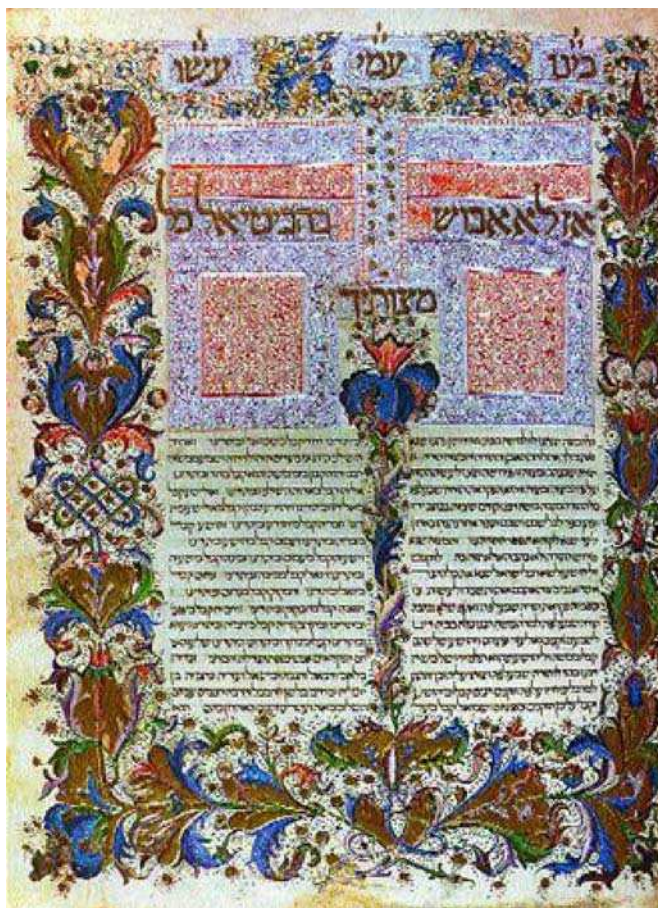
В «Поучениях» нет обычных для ученых средних веков размышлений об астрологии. Но и Маймонид не смог игнорировать «симпатические средства», необъяснимо влияющие на человека, не мог пройти мимо данных такого авторитета, как Ибн Зор.

«Поучения Моисея» написаны на арабском. Рукописи с арабским шрифтом сохранились в Константинополе, Готе, Геттингене, Лейдене, а с еврейским шрифтом – в Берлине и других городах.

На еврейский язык книгу Маймонида перевели двое. Первый, Зерахья бен Ицхак, закончил свой перевод в 1277 году в Риме. Рукописные его экземпляры имеются в Берлине и Мюнхене. Зерахья внес в текст несколько собственных замечаний, предварив их словами: «Переводчик говорит...»

Примерно тогда же в Риме (в 1279 – 1283 гг.) эту книгу перевел и Натан а-Меати. Его перевод под названием «Пирке Моше» с пропусками напечатан во Львове в 1834 году. По мнению Штейншнейдера, печатали его с берлинской рукописи. Позже, в 1888 году, его переиздал в Вильне Ц. Магид. Следует сразу прибавить, что перевод Натана а-Меати стилистически плох, местами совершенно непонятен, на его страницах абсолютно теряется ясность мыслей и изложения, присущая Маймониду.

Латинский перевод с арабского напечатан в Италии в 1489 году: Меркуриалис, «Поучения Моисея», Болонья, 1489. Базельское издание вышло в свет в 1579 году. Штейншнейдер считает этот перевод непозволительной переделкой.

Î èóá ðíðá Î ððóááèèý. 1472 áä

II.

«Трактат по гигиене, или о запоре и меланхолии»

Это врачебная консультация, в письменном виде адресованная султану Аль Малик Афдалю, сыну Саладина, страдавшему указанными в названии болезнями. Трактат, наиболее важный и наиболее популярный медицинский труд Маймонида после его афоризмов, написан по-арабски и явно незадолго до смерти, ибо сын Саладина царствовал с 1198 года.

«Трактат по гигиене» делится на четыре главы. В первой даны соображения о еде, питье (количестве и качестве), о движении. Во второй – о том, как должны вести себя больные, чтобы восстановить здоровье, о роли природы в жизни больного человека, о применении легких и сильнодействующих средств. К последним Маймонид причисляет кровопускание, драстические средства (колоквинт, скамоний), прием некоторых других лекарств, сильные рвотные, воздержание от пищи и питья. Само собою разумеется, что такое лечение недопустимо без опытного врача.

Третья глава содержит предписания относительно лечения болезни самого Аль Малик Афдаля. Прежде всего Маймонид советует ему заботиться о нормальной работе желудка и принимать для этой цели легкие слабительные – ремень или тамаринды, а также дает ему целый ряд других наставлений.

Четвертая глава – свод гигиенических правил, важных и для здоровых, и для больных. Очень интересны замечания Маймонида о чистом воздухе, о половой жизни, вине, бане, испорченной пище.

Это работа чисто практическая, в ней почти нет ссылок на теорию. Она, по-видимому, является результатом личных наблюдений Маймонида и напоминает лекцию хорошо образованного, имеющего огромный практический опыт врача. Не удивительно, что эта работа была весьма популярна в средние века.

Монография «О ядах» отражает состояние медицины в эпоху Маймонида – медицину Галена и арабов (Авиценны, Рази и других целителей), но это явно оригинальный труд, а не компиляция. Заслуживают внимания «наружные» меры: перевязывание выше места укуса, высасывание яда из раны, прополаскивание рта высасывающего оливковым маслом или вином, смазывание его же губ маслом (для собственной защиты). Интересно: требуется, чтобы у высасывающего во рту не было кариозных зубов. Еще одно требование – высасывать яд натошак – вызывает у Маймонида сомнение. Он полагает, что высасывание натошак полезнее для укушенного, но опаснее для высасывающего. Слюна натошак и вправду целебно действует на рану. Но мы согласны с мнением Маймонида об опасности высасывания натошак по следующей причине: яд быстро всасывается при тощем желудке, а, перемешиваясь с пищей, напротив, теряет в своем действии.

Следует, конечно, отметить еще и применение отсасывающих банок с огнем или без огня, применение рвотных, прием масла, насильственную бессонницу. Большинство этих мер, между прочим, более или менее целесообразны даже с точки зрения современной медицины.

Что же до внутренних средств, то бросается в глаза многочисленность рецептов животного происхождения: например, органотерапия – вплоть до приема таких мерзких веществ, как кал животных и птиц. Тут разумный Маймонид находится целиком во власти традиции и грубой, сплошь и рядом нелепой эмпирики. На основании личных наблюдений он рекомендует некоторые средства против укуса пауков: корень аспарагуса, сваренный в вине, и другие. Успех, очевидно, объясняется формулой: *post hoc ergo propter hoc*. Интересно также, что Маймонид рекомендует окуривание как предохранительную меру против змей, скорпионов и им подобных и вообще подчеркивает важность предохранительных мер. Он отмечает ядовитость некоторых средств, которые и у нас записаны в реестре ядов: мандрагора, колоквинт, кантариды, соланум нигрум.

Арабские манускрипты, списанные с оригинала этого трактата Маймонида, хранятся в Оксфорде, Эскориале, Флоренции, Готе, Париже.

Еврейский перевод Моисея ибн-Тиббона носит название «А-маамар бе-териак» («Трактат о териаке»). Рукописи находятся в Болонье, Флоренции, Мюнхене, Париже и в библиотеке барона Давида Гинцбурга.

Штейншнейдер предполагает, что упомянутый выше Зерахья бен Ицхак перевел и этот труд.

Арменго Блазиус из Монпелье перевел «Трактат о ядах» на латинский язык под названием «Противоядия». Рукописи находятся в Оксфорде, Кембридже, Парме и Вене.

Й. Рабинович в 1865 году издал этот же труд на французском. Он переводил с еврейского, но пользовался также и арабской рукописью.

М. Штейншнейдер, в свою очередь, перевел трактат на немецкий, снабдив свою работу подробным приложением, где объяснена терминология.

Ἰ ἀεί ἱ ἱ εἶ ε ἄδῶα ἀὰ ἰ ἰδῶ. Ὀδῶῶ ἱ ἱ ἱ ἀἶεὶ εἶ ἱ

Ἐὰ ἰ εἶ ἱ εἶ. Ἰ δῶ εἶ εἶ εἶ ἰ 1360 – 1380 ἄἱ

IV.

Маймонид написал два трактата о половой жизни. Большой составлен для Аль Малик аль Мутсафира, султана Хамата, племянника Саладина (ум. в 1191 г.). Арабский манускрипт (с еврейским шрифтом) находится в Мюнхене. Меньший, тоже написанный для какого-то султана, хранится в одной из библиотек Гренады.

Имеются два еврейских перевода меньшего трактата: а) Зерахьи бен Ицхака (около 1277 г., Рим) и анонимный перевод. Хранятся они в Берлине, Париже, Парме, Вене.

Существует латинский перевод этого же сочинения. Сделан он с арабского или с еврейского – неизвестно.

Недавно, в 1907 году, раввин Кронер издал оба трактата Маймонида о половой жизни. Издатель прибавил к основному тексту введение и немецкий перевод с комментариями. В первой работе в 19 главах рассматривается физиология половой жизни, польза и вред ее, необходимость воздержания от нее для некоторых людей, перечисляются средства для улучшения запаха изо рта.

Вторая, меньшая по размеру работа того же содержания.

К сожалению, в нашем распоряжении не было изданного Кронером труда Маймонида, мы вынуждены были ограничиться краткой заметкой Пагеля. По-видимому, Кронер издал оба упомянутых трактата, причем меньший трактат на еврейском языке он сличил и с латинским переводом, имеющимся в Вене.

יְאֵי יִיעָא צְאִי דְאִיעָא דְאֵעִי אֵעֵי אֵאֵעֵי יִיעָא יִיעָא יִיעָא. 1481 אָא

V.

«Ὀδᾶεὸὰὸ ἰά ἀῖὸ ἰ ἀ»

В трактате 13 глав. Написанный с применением еврейского шрифта вариант находится в Париже. Имеются также два латинских перевода. «Трактат об излечении астмы» хранится в Кембридже, перевод выполнен Арменго.

На еврейский язык эта работа была переведена два раза. Самуил Бенефисте, испанский еврейский врач XIV столетия, перевел ее, по-видимому, с латинского. Рукописи имеются в Парме, Париже, Вене.

Другой перевод сделан, вероятно, с арабского. Он в Мюнхене. За дословными цитатами из Галена и Гиппократы следуют сплошь и рядом замечания Маймонида,

часто основанные на его собственной практике. Маймонид цитирует в этом труде Аль Фараби, Рази, Ибн-Зора и Аристотеля.

Î îæéà Î æéî îîéää à Òææðé.

VI.

«Î äüî îððîá»

7 глав. Арабские манускрипты написанные еврейским шрифтом лежат в Оксфорде и Париже, те, что арабским шрифтом, – в Оксфорде.

Испанский перевод этого же труда находится в Эскориале.

VII.

Êîî î áí òæðéé é æóîððéçî äî Æéîîîéðæòà

Арабская рукопись в Оксфорде (но без начала предисловия) и в Париже (еврейским шрифтом); начинается с 3-го трактата.

Имеются два еврейских перевода: 1) Моисея ибн-Тиббона – в Оксфорде, Мюнхене, Парме, Турине; 2) Анонима – в Оксфорде и Лейдене.

Ἰ ἀδὲ π ἐστὶ ἀραβικὸν ἔστι Ἰ αὐτὸ ἱεραὸν, ἰσραὴλ αὐτὸ αὐτὸ ἀραβὶ ἀδὴ αὐτὸ ἰαό-ἰαὶ ἐστὶ ἀραβὶ α Ἐξ ἀραβῶν (1953 ἄ) ἔ ἂ Ἐἰν ἂν ἐὲ (1967 ἄ).

VIII.

Ἰ ἀραβὶ ἰεραὸν ἰαὶ αὐτὸ, ἀραβὶ αὐτὸ ἰαὶ ἰαὶ ἀραβὶ ἀδὴ αὐτὸ ἰαό-ἰαὶ ἐστὶ ἀραβὶ Ἀδ ἀραβ.

Арабский оригинал содержится в рукописи, еврейский фрагмент в рукописи коллекции Штейншнейдера (в Берлине) .

Латинский перевод помещен после «Трактата по гигиене» и многими авторами ошибочно считается частью этого трактата. Латинский перевод содержит, кроме перевода трактата, выполненного Иохананом де Капуа, еще один труд – о меланхолии. По мнению Штейншнейдера, если Иоханан де Капуа перевел и этот труд, то, очевидно, существовал полный еврейский перевод его, так как де Капуа переводил только с еврейского.

IX. Маймонид составил также компендии из 16 канонических книг Галена и из 5 других; эти компендии сохранились только частично (Париж и Эскориал). В предисловии к своим «Почувениям» Маймонид указывает, что приводит тексты Галена дословно, иной раз вместе с текстами Гиппократов, если они заимствованы из комментария Галена к Гиппократу.

Латинский перевод датирован 1489 годом.

Все перечисленные труды Маймонида сохранились на арабском языке в рукописях, все они переведены на еврейский язык за исключением большого трактата о половой жизни, а также на латинский – кроме трактата о геморрое и комментария к «Афоризмам» Гиппократов.

X. К медицинским трудам Маймонида должна быть причислена 5я глава II отдела первой книги кодекса законов Маймонида «Яд а-Хазака». Глава целиком посвящена индивидуальной гигиене – сну, еде, образу жизни и до известной степени тождественна диететике Маймонида. Однако написанная изначально по-еврейски, она отличается большей ясностью. Свои идеи Маймонид излагает в лаконичной форме, в виде сжатых рекомендаций, оставив в стороне теоретические рассуждения, и его советы нужны и полезны великому множеству людей. Советы, касающиеся еды, сна, отправления организма, мытья в бане, безусловно сохранили свое значение и в наше время.

Некоторые авторы, например, комментатор кодекса Маймонида, автор «Мигдал Оз» и даже М. Штейншнейдер указывают, что глава целиком основана на рассеянных по страницам Талмуда медицинских сведениях. Но это глубокое заблуждение. Исходным пунктом Маймониду-врачу несомненно служат законы религии, обязанность заботиться о собственном здоровье опирается у него на

религиозные веления, но в деталях, скажем, в диететических правилах, он совершенно независим. К примеру, в наставлениях о кровопускании Маймонида полностью расходится с данными, имеющимися по этому вопросу в трактате «Шабос» (стр. 129). И, несомненно, его указания в большей мере соответствуют требованиям медицины. Это обстоятельство заметил другой комментатор Маймонида, Йосеф Каро, и вполне разумно выразился на тот счет, что «медицинские воззрения в Вавилонии, где жили законоучители Талмуда, были иные, чем в других странах». Мы сравнили рассматриваемую главу с теми местами Талмуда, на которые ссылается комментатор «Мигдал Оз», и не нашли в них серьезной основы для большинства диететических правил Маймонида. Очевидно, эти правила суть главным образом результат его собственных размышлений, его наблюдательности, хотя тут, конечно, дело не обошлось без влияния предшественников – арабских врачей.

יְאִי יוֹרֵעֵי יְאֵי תֵעָבֹא עִדּוּתָא, יֵא אִי דִיֵּעִיא

XI.

Недавно, в 1900 году, в Лондоне был опубликован неизвестный до сих пор медицинский трактат Маймонида, изданный М. Гроссбергом, обладателем рукописи на иврите из Британского музея, под названием «Сефер Рефуот». Это краткая диететика, весьма близкая по содержанию работе Маймонида по диететике и 4-й главе 2-го отдела первой книги «Яд а-Хазака». В кратком вступлении говорится о пище и питье. Потом, ссылаясь на свой трактат о диететике, Маймонид формулирует 50 положений («Шеарим»), в которых речь снова идет о пище и питье (главным образом), а также о сне, половой жизни, отправлениях кишечника.

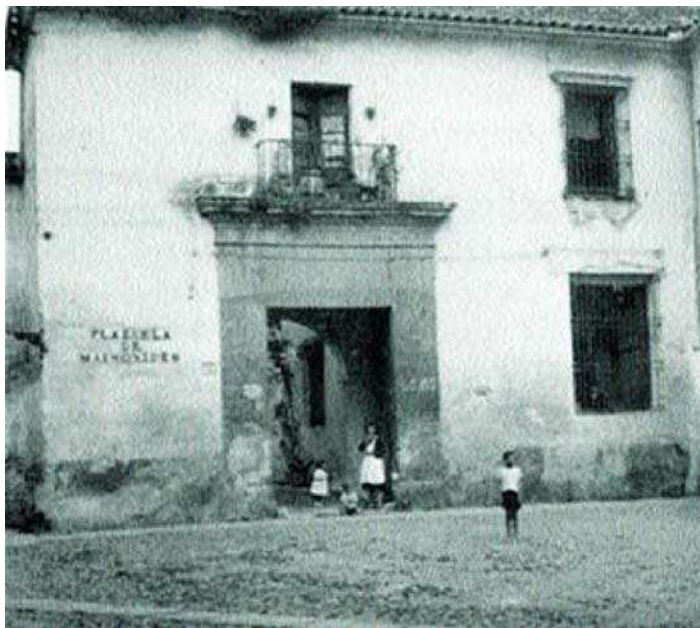
Судя по имеющейся надписи, Маймонид написал этот трактат для своего сына, чтобы тот, следуя изложенным правилам, мог сохранить физические и душевные силы для занятий наукой.

Пагель склонен считать сей труд апокрифом; его смущает то обстоятельство, что 50 кратких правил Маймонид назвал «главами» («Шеарим») да к тому же «крупными» («Анаким»). Но «Шеарим» здесь, нам кажется, означают «положения», а «Анаким» надо понимать в переносном смысле: Маймонид, видимо, придавал этим «положениям» большое значение. Как уже говорилось, по содержанию его труд вполне напоминает послание к сыну Саладина Аль Малик аль Афдалю и в известной мере являет собой даже извлечение из него, но, пожалуй, именно это обстоятельство говорит за то, что «Сефер Рефуот» все-таки принадлежит Маймониду. По-видимому, трактат был написан на арабском языке, так как свои медицинские труды ученый писал исключительно по-арабски. Имеющийся в конце трактата пассаж, превозносящий Маймонида, несомненно принадлежит еврейскому переводчику, который и перевел трактат с языка оригинала.

Описанные труды – вполне достаточный материал для оценки уникальных врачебных возможностей автора и его глубинных познаний в медицине. К сожалению, значительная часть этих трудов, как мы видели, погребена в рукописных отделах крупных европейских библиотек. Переводы сплошь и рядом, за немногими исключениями, ненадежны и не проверены с должной тщательностью. Для настоящей оценки Маймонида как врача и выявления его истинной роли в истории медицины требуются следующие предварительные работы: 1) пристрастное изучение (а может, к тому же еще и издание) всех арабских подлинников медицинских трудов Маймонида; 2) тщательный перевод их на один из европейских языков или исправление переводов на еврейский; 3) группирование материалов Маймонида по медицине, рассеянных в его комментариях к Мишне и в «Яд а-Хзаке», и сопоставление их с научными положениями мировой медицины. Для такой работы необходимо тесное сотрудничество арабистов, гебраистов и врачей. Выполнение ее сопряжено с большими трудностями, ибо человек, владеющий всеми тремя профессиями, – явление довольно редкое. И все же Маймонид – личность грандиозная, на него не жаль времени и энергии.

В нашем распоряжении имеются следующие работы Маймонида: 1) «Поучения Моисея»; 2) «О ядах»; 3) «Трактат по диететике»; 4) 4-я глава из 2-го отдела I книги «Сильная рука» (тоже по диететике); 5) «Сефер Рефут» (издание. М. Гроссберга).

Первые два сочинения – преимущественно работы по патологии, последние три схожи по содержанию (см. выше) и относятся к гигиене. Первые два труда признаются исследователями наиболее важными, меньше ценятся работы по гигиене. Пагель, например, даже считает труд по гигиене популярным очерком, лишенным серьезного значения. Мы не согласны с такой точкой зрения. Афоризмы и работа о ядах представляют, конечно, большой исторический интерес, но нынешней медицине они ничего не дают. Труд же по гигиене не проникнут догматизмом галеновской медицины, носит практический характер и в известной степени заслуживает внимания современных врачей.

Ἰ ἐὶ τὰ αὐτῶν ἀεὶ τῆ ἐὰν ἀ μὲν οἱ ἀ Ἐτδῶν

Опубликованные труды Маймонида и сведения о его повседневной медицинской деятельности убеждают в том, что оценка, данная ему Дином аль Китти, Грецом, С. Ковнером и другими, необъективна и необоснованна. В первый период жизни Маймонид безусловно был только теоретиком в области медицины, но позже с воодушевлением взялся за лечение людей и стал выдающимся практическим врачом. Своим успехом он несомненно обязан тому обстоятельству, что искусно сумел использовать ради блага больных сравнительно слабые ресурсы тогдашней медицины и свои обширные теоретические познания.

Поэтому мы и полагаем, что Маймонид был одним из самых выдающихся врачей средневековья. Всемирную известность он, разумеется, снискал главным образом благодаря своим философским и теологическим работам. Однако и многочисленные его труды по медицине пользовались заслуженным успехом и в средние века, и в эпоху Возрождения. Правда, они, как уже говорилось, являют

для нас преимущественно исторический интерес, но это в равной мере справедливо и по отношению к корифеям греческой и арабской медицины далеких времен.

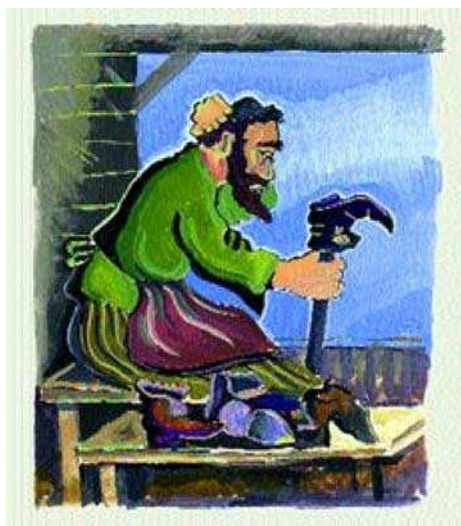
«Адамау і шей». 1926

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2004 СИВАН 5764 – 6 (146)

ДЯТЕЛ ШИМОН ДУДАК

Памяти деда Ш. Дудака

Григорий Канович

В конце каждого месяца сапожник Шимон Дудак, на удивление всем, прекращал работу и с целым ворохом гостинцев, приготовленных женой Фейгой и аккуратно уложенных в дорожный парусиновый чемоданчик, на денек-другой отправлялся из захолустной Йонавы во временную столицу Каунас. Из родного местечка он добирался до Каунаса либо обшарпанным поездом, доставшимся Литве в наследство от поверженной большевиками русской империи, либо в тряском рейсовом автобусе с рваными сидениями и выбитыми стеклами, купленном уже не на червонцы, а на новую государственную валюту – литы не то в Чехословакии, не то в соседней Германии. Пассажиров и в поезде, и в автобусе обычно было мало – кто ехал с больным ребенком к доктору в еврейскую больницу, кто за покупками в столичные магазины, сиявшие чванливыми стеклянными витринами, кто за ссудой в Народный банк или с бумагами в земельное управление. Хотя старый Дудак почти всех своих попутчиков знал в лицо, он тем не менее старался ни с кем не вступать в разговоры, тихонько усаживался в сторонке, чаще всего у выхода, и принимался глядеть из окна вагона на хаты со взъерошенными соломенными крышами, на степенных коров,

провожавших недоуменными, разочарованными взглядами улепетывающего от них прыткого и рокочущего зверя. Шимон не любил, когда кто-нибудь из пассажиров ни с того ни с сего, с оскорбительным безразличием или подозрительным упрямством о чем-то кроме починки обуви спрашивал его, от скуки допытывался, куда и к кому он едет, и сам избегал расспросов, считая, что правдивых ответов не бывает даже на Страшном суде.

– Он может неделями меня ни о чем не спрашивать, – жаловалась на него Фейге. – У любого нормального еврея за день изо рта выпархивает больше вопросов, чем у него на голове волос, а у моего скромника – один-два и обчелся. Если он иногда кому-то и задает какой-нибудь вопросец, то только заказчику или Всевышнему. Но разве Б-г, скажите, кому-нибудь когда-нибудь хоть раз толком ответил?

В тот теплый апрельский день тридцать шестого года, когда Шимон в очередной раз сел в поезд, Г-сподь послал ему в попутчики настоятеля йонавского костела Клеменсаса Науялиса, которому он совсем недавно подбил на стоптанных чешских ботинках подметки. С тех пор как ксендз Науялис принял приход, он чинил обувь только у своего соседа – Шимона Дудака. Не тащиться же святому отцу к сапожнику-литовцу за двадцать с лишним километров в Кедайняй или Укмерге, когда тут, в Йонаве, только перейди на другую сторону улицы и толкни рукой дверь любой сапожной мастерской, как хозяин-еврей тут же прибьет каблук или набойки.

Настоятель, высокий поджарый старик, поклонился Шимону и, чуть-чуть подтянув к коленям длинную сутану, примостился напротив на отутюженной до блеска скамье.

Наклонил свою заросшую рыжими лохмами голову и Шимон, который почему-то вдруг вспомнил, как много лет назад, незадолго до того, как по царскому указу всех иудеев выселили из прифронтовой Йонавы в Белоруссию, объявив их немецкими шпионами, сердобольный настоятель чуть ли не с амвона предложил обратиться желающих в христианскую веру, которая является самым надежным и безопасным прибежищем для гонимых. Но охотников креститься в местечке не нашлось, а покойный рабби Гедалье, якобы встретившийся с Науялисом возле литовской гимназии, попечителем которой был президент Сметона, попросил его напрасно не искушать людей, сказав, что евреи родную мать на лучшую не меняют.

– В Каунас? – из приличия спросил настоятель у прильнувшего к окну Дудака.

– Угу, – пробормотал Шимон и уставился на знакомые ксендзовские туфли.

– Желаю приятного путешествия, – процедил Науялис и печально добавил:

– А я на похороны. Племянник умер. Заворот кишок.

Дудак вздохнул. Жаль, конечно, племянника, но Шимон все слова сочувствия приберегал для сына Шмулика: до свидания с ним ему не хотелось их расплескивать и тратить на посторонних, даже на таких почтенных, как настоятель Науялис. Только начни разговор о том, о сем – и проговоришь о пустяках всю дорогу. Но и молчать было неудобно – священник явно рассчитывал на сочувствие.

– Молодой? – выдавил Шимон, скорбным тоном выразив попутчику свое соболезнование.

– Семнадцать...

– Мог бы еще жить и жить, – сказал сапожник.

– А вы... вы к кому? Тоже к родственнику? – с пастырской непосредственностью поинтересовался благодарный за сочувствие Науялис. Ему и в голову не приходило, что сапожник едет к арестанту.

– К родственнику, – ухватился Шимон за возможность не соврать, но и не сказать правду.

Получив уклончивый ответ, ксендз благоразумно замолк и погрузился в свои похоронные раздумья, а Шимон с облегчением снова прильнул к окну, за которым как прежде мелькали озябшие от бедности хаты и бродили те же самые непривередливые и любопытные коровы, сумевшие, казалось, догнать поезд..

Шимон и впрямь ехал к родственнику – парикмахеру Менахему Сесицкому, у которого всегда останавливался и который служил его поводырем по запутанным каунасским лабиринтам. Родство было дальним – через Фейгину бабу, но Менахем не только от него не отмахивался, а, наоборот, всячески его подчеркивал и изо всех сил старался укрепить. Долгое время Сесицкий, удравший в юности из опостылевшего родительского дома, в поисках счастья скитался по Франции, куда он попал Б-г весть какими путями, но, как сам шутил, из-за врожденной близорукости никакого счастья там так и не нашел. И все же, бедолага, не сгинул: случайно попал к Лео Десятнику, земляку и владельцу маленькой парикмахерской, который пожалел бродяжку и устроил его в своем заведении мойщиком зеркал и подметальщиком волос. После того как старательный Менахем ведрами перетаскал половину Сены и вымел из хозяйского салона целые стога чужих волос, Лео Десятник научил Сесицкого своему ремеслу, позволив ему на первых порах самостоятельно стричь и брить только бедствующих художников и сутенеров и зарабатывать на хлеб и вино, на табак и на непритязательных женщин. Менахем остался бы во Франции навсегда, но его благодетеля хватило апоплексия, салон перешел в другие руки, и уволенный новой хозяйкой Сесицкий, не найдя работы, решил вернуться на родину, чтобы, взяв в Еврейском банке ссуду, открыть собственное заведение. Первое, что Менахем по возвращении в Каунас сделал, это заказал на французском и литовском языках шикарную вывеску: «M. Sesicki, coiffeur de Paris» («М.Сесицкий, парикмахер из Парижа»). Клиенты тут же клонули на наживку, и вскоре он снова мог заработанные деньги тратить на то, что он любил, – на хлеб и на вино, на табак и на непритязательных женщин.

Попрошавшись с настоятелем, которого на пустом перроне дожидалась какая-то высокая, сгорбившаяся женщина в длинном черном платье и в черной шляпке с вуалью, Шимон заторопился к Сесицкому, жившему неподалеку от Слободской ешивы.

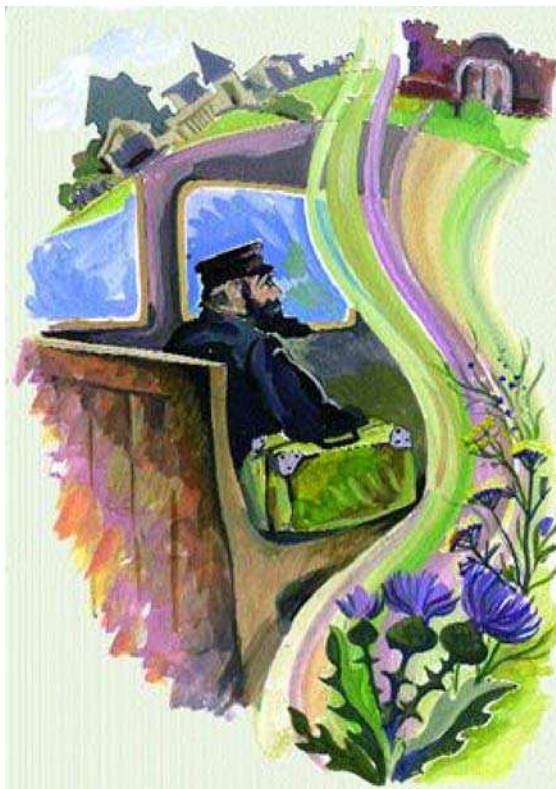
Менахем встретил его шумно, с привычной искрометной приветливостью:

– Bon jour, Шимон! Вос махт а ид?

Сесицкий говорил на идише, удобренном для важности кстати или не кстати неудобоваримыми французскими специями, всякий раз стараясь своим радушием и пылкостью воспламенить дряблый фитилек тускнеющей Шимоновой надежды на

скорое освобождение его сына Шмулика, осужденного за нелегальный переход границы с Советским Союзом на четыре года заключения в тюрьму строгого режима.

– Все будет *tries bien!* – утешал он Дудака. – Ваш Шмулик малость посидит за решеткой и, став в четыре раза умней, вернется в Йонаву и возьмется не за древко красного знамени, а за молоток и шило...

– Не станет и не возьмется, – хмуро промолвил Шимон. – Не хочет человек башмаки чинить, хочет починить мир... Но ведь даже Г-споду Б-гу не под силу починить свое творение.

– Когда-то, когда мне было двадцать, я тоже в таких чинильщиках ходил. Вступил даже в *partie socialiste*. Еще бы: *Liberte! Fraternite! Egalite!* У какого еврея при этих словах не закружится голова? Но я вовремя сказал себе: «Стоп!» и остановился. Остановится и ваш Шмулик. Мамины креплекс и телячья печенка лучше, чем тюремная похлебка.

– Дай-то Б-г, дай-то Б-г... – зачастил Шимон, и взгляд его наполнился теплой печалью, как у коров на лугу, провожавших мчащийся мимо них поезд.

– И я за свои делишки, наверно, угодил бы в Бастилию или в какую-нибудь другую кутузку, если бы не *amiog* – моя незабываемая Франсуаза, богиня из Марсея. Она затмила всё. *Tout, tout, tout!* Всех вождей мирового пролетариата, вместе взятых. Вы не представляете, что это была за женщина! Не женщина, а – богиня. Встретит свою Франсуазу и ваш Шмулик.

По правде говоря, старый Дудак больше понимал в ботинках, чем в женщинах. Он обитал не в обычном, а в особом, как он его называл, тихом и не воинственном мире ног, еврейских и гойских, здоровых и больных – с выпирающими косточками, с заскорузлыми пятками, с мозолями и с натоптышами на плоских ступнях. Все

страсти, обуревавшие радетелей за счастье человечества, кроме одной – обути каждого человека так, чтобы ему было легче ходить по земле, – были Шимону совершенно чужды. Но, не желая обидеть своего гостеприимного родича, он вслед за ним повторял:

– Ага, ага, как же, как же... Не зря же Б-г сотворил для нас Еву... Но Шмулик уже давно свою богиню – Тайбе – встретил. Она сейчас в третий раз беременна... на седьмом месяце... Ждем в июне прибавления. А в доме, Менахем, уже двое готовеньких... мал мала меньше... Да вот беда – их кормилец как нарочно всякий раз ухитряется попасть из супружеской постели на нары тогда, когда его богиня либо рождает, либо готовится рожать...

– Не отчаивайтесь! Помяните мое слово, ваш Шмулик в один прекрасный день скажет себе: «Qa sufie!»

Старик в испуге выпучил глаза.

– Скажет: «Хватит!» Вспомнит о своей Тайбе и наконец поймет, в чем больше всего нуждаются «проклятым заклейменные» евреи. В свободе? Черта с два! В равенстве? Чушь собачья! В братстве? Нет и тысяча раз нет! Лев не уляжется рядом с ягненком, ястреб никогда не побратается с голубем или с петухом. Свободными, равными и братьями всех делает смерть. Разве я не прав?

Шимон пожал плечами...

– Евреи, mon cher ami, – продолжал Сесицкий, – нуждаются лишь в одной единственной Б-жьей милости: чтобы другие оставили их в покое и чтобы они оставили в покое других – не баламутили никого болтовней о светлом будущем. Пусть все эти другие – литовцы, французы, русские, китайцы, негры – сами топают к этому светлому будущему без наших призывов и советов. А уж куда притопают, это их дело. Тем более, что его, этого светлого будущего, в природе вообще не существует. Ни для кого!

Сесицкий обожал отводить душу хвастливым враньем и нахватаемыми в Париже приперченными остроумием премудростями. Ему доставляло удовольствие долго и вдохновенно кому-то что-то доказывать, с кем-то, пусть и с невидимкой, запальчиво спорить, кого-то громогласно вразумлять, отчего жизнь из навязанной и непрерывной докуки превращалась в занятное и не надоедливое представление.

Многое, о чем с таким напором и пылом говорил Менахем, было недоступно простонародному, не испорченному вычурностями уму Шимона. Его раздражали французские вкрапины в понятный, как восход солнца, светоносный местечковый идиш, но Дудак обуздывал свое раздражение и щедро платил Менахему за постой и доброту беспрекословным, ничем не замутненным вниманием. Несмотря на то что манерный, женственный Сесицкий порой казался ему ненастоящим, игрушечным, напоминал набивное чучело птицы с редкостным опереньем, Дудак терпеливо сносил его поучения и обличения и в том, что евреям не пристало совать свой длинный нос в чужой огород, был с Менахемом полностью согласен, ибо случись что-нибудь, и «огородники» оттяпают у них этот нос вместе с головою.

– Говорить с вами всегда интересно, но мне, Менахем, пора, – мягко заметил Шимон.
– Дорога туда не близкая. Пока доберешься, пока охрана тебя обшарит, и день

пройдет. – И, как бы оправдываясь, добавил: – А сегодня я опаздывать не имею права: у Шмулика тридцать второй день рождения.

– Мазл тов! – воскликнул Сесицкий. – Как говорят французы, bon anni-versaire. Примите мои поздравления. Но, ради Б-га, не торопитесь. У нас с вами еще уйма времени. Посидим, чайку попьем, потом возьмем извозчика и с Б-жьей помощью домчимся до именинника.

Менахем засуетился, юркнул на кухню, огороженную ширмой с крупными аляповатыми цветами от единственной комнаты, обставленной с холостяцкой вольностью и бестолковостью: стол, два колченогих стула, тахта, стены, обклеенные бумажными дамами в неглиже и купальниках и украшенные выцветшими фотографиями Сены и улочек Латинского квартала, на ночнике гипсовая Эйфелева башня – сумбурная память о Париже. Из-за ширмы донеслось беззлбное шипение примуса, и вскоре явился сам Сесицкий с треснувшим подносом в руке, на котором голубел початый пакет бисквитного печенья и дымились две чашки ароматного чая.

– А какой мне придумать для вашего Робеспьера подарок? Погодите, погодите, что если я преподнесу ему флакон замечательного одеколона с пульверизатором? Но кому в этой клоаке нужны ароматы рая?

– Никому, – успокоил его Дудак. – У меня полный чемодан. Фейге положила и пирог с изюмом, и кулек с черносливом, и семечки, и даже его любимые лепешки с луком...

– Ого!..

– В прошлом году я ему на Пасху и мацу привез.

– Наверно, ваш безбожник, которого клянется вывести из неволи этот рябой Моисей – Сталин, послал ее обратно?

– Нет. В Б-га Шмулик не верит, но мацу может есть круглый год без остановки. Особенно мацовые галки с корицей.

– Будь у меня такие отец и мать, я бы, ей-Б-гу, годами из каталажки не вылезал, просил бы у судей дополнительный срок. Сидел бы да сидел и мацовые галки наворачивал... Балуете вы своего революционера, mon cher... – Сесицкий вдруг погрустнел. – Мои родители меня не жалели. Отец от своего любимого первенца в Америку укатил, а мама за другого злодея выскочила... тот каждый день меня кулаками угощал... До сих пор отрываю его угощениями...

– А сегодня... сегодня Шмулика ждет сюрприз, – увел Шимон Сесицкого от отчима-злодея.

– И чем же вы его на сей раз обрадуете? Рубленой селедочкой? Шейкой с гусиными шкварками? А, может, цимесом с говядиной или медовыми пряниками на закуску? Специально к празднику пролетариев всех стран – к Первому Маю, – подначил Дудака Менахем.

– Насчет пирога с изюмом и гусиной шейки вы как в воду глядели...

– А что же у вас в чемоданчике вместо всего остального?

– Ботинки... Новые летние ботинки. Легкие, с дырочками, чтобы ноги не потели, – с гордостью сказал Дудак.

– Что вы говорите! Nouvelles chaussures! Легкие, с дырочками, чтобы ноги не потели?.. Сшили на глазок, без примерки? – осыпал его вопросами изумленный Сесицкий

– Почему на глазок? Размер знаю... Я его знаю с ног до головы... Каждую родинку... каждую...

– Г-споди, Г-споди! Ах, уж эти les meres et peres juives^Ш! – не сдержался Менахем. – Ваши сыновья, вместо того чтобы до изнеможения работать, растить своих детей, помогать вам на старости, вместо всего этого бросают вас на произвол судьбы, сводят до срока в могилу, валяются в тюрьмах, а вы, сумасшедшие, несетесь к вашим любимчикам с полными чемоданами шеек с гусиными шкварками, пирогов с изюмом, брусничным вареньем, мацой, ботинками из телячьей кожи, вязаными носочками и еще черт знает с чем! – Сесицкий надкусил залежалое печенье и, отхлебнув из чашки чай, продолжал: – Вы хоть понимаете, кому вы все это добро везете?

Шимон слушал и не перечил: в шейках с гусиными шкварками, в пирогах с изюмом и в вязаных носочках он не видел ничего дурного.

– Вы все это везете лодырям и дармоедам, которые строят из себя героев и спасителей человечества. Для того чтобы бряцать наручниками, не нужно быть героем. Достаточно быть идиотом... Перейти чужую границу без разрешения или расклеить на заборе какие-нибудь паршивые листовки – и бряцай себе на здоровье. Это мы с вами настоящие арестанты, а не ваш Шмулик со своими компаньонами. Мы! – выпалил Менахем...

– Мы? – опешил Шимон. Он никак не мог уразуметь, почему он и Сесицкий – арестанты, а отбывающий четырехлетний срок Шмулик – нет, но решил «француза» больше ни о чем не спрашивать, встать и уйти.

– Да, да, это мы – арестанты, те, кто добывает свой хлеб насущный в поте лица. Вы, конечно же, спросите, почему.

Но Шимон и не думал его спрашивать. Спросишь и удержишься еще лишних полчаса.

– Сколько лет вы, арестант Шимон, сидите за колодкой, как за решеткой?

– Сорок пять, – растерянно ответил Дудак и двинулся к двери.

– Вы уже отбухали срок в десять с лишним раз больший, чем получил ваш Шмулик, которому, видно, и в голову ни разу не пришло, что для каждого порядочного еврея самая лучшая тюрьма – это работа до седьмого пота, – прострекотал Менахем но, заметив, что Шимон взялся за дверную ручку, воскликнул: – Куда вы? Мы ведь еще чай не допили!

– Вы, Менахем, пейте, а я пойду. Я и так засиделся, – сказал Шимон, обескураженный его странными сравнениями и не готовый ни на какие уступки.

Сесицкий встал из-за стола, быстро накинул на себя поношенный демисезонный плащ, сунул ноги в расшнурованные ботинки и неохотно последовал за Дудаком, оборвавшим со стариковской бесцеремонностью разговор. Менахем к Шмулику еще ни разу не ездил, он мог и сейчас остаться дома, но ему хотелось чем-то услужить Шимону – хотя бы подвезти к сыну на извозчике, чтобы старик не тащился пешком с пирогами в такую даль.

К счастью, извозчик тут же за углом и подвернулся.

– Куда, господа, изволите? – спросил он, попридержав свою гнедую.

– В тюрьму! – сказал Сесицкий по-литовски. – Туда и обратно!

– А хин ун цурик? – озадачил его возница. – Ир кент мит мир рейдн ойф идиш^[2].

– Чудеса! – воскликнул Менахем и помог взобраться наверх грузному, одышливому Шимону. – Вы говорите по-нашему. Но вы же не еврей?

– Покамест нет, – рассмеялся тот и, чтобы набить себе цену, произнес: – Майне брейтгеберке фарштейт ойх ойф идиш^[3].

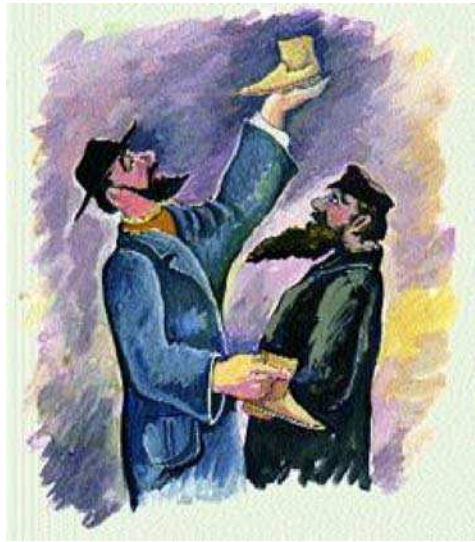
– Ир херт, Шимен, зайн бежейме фарштейт ойх ойф идиш^[4], – обратился Менахем к приунывшему Дудаку, но тот не откликнулся. Откинувшись на полог извозчичьей коляски, Дудак, борясь с дремотой, безмолвно просил Всевышнего, чтобы охрана не пропустила Сесицкого к Шмулику: еще сцепятся друг с другом так, что без помощи охранников их и не разнимешь. Пусть не утруждается – он, Шимон, передаст сыну его слова. Правда, о том, что Шмулик – лодырь и дармоед, даже не заикнется. Тут Менахем по своему обыкновению хватил через край, хотя он в чем-то, наверно, и прав, работа и впрямь как тюрьма, только добровольная, желанная, Б-гом благословенная, в которой человек одновременно и узник, и надсмотрщик.

– Ин велхе тюрьме дарфт ир?^[5] – натянув вожжи, прогудел возница, заждавшийся ответа. – В желтую – уголовную? Или в политическую – в Девятом форту?

– В Девятом форту, – объяснил Шимон.

– Цум найнтн форт, – сказал извозчик своей гнедой и не преминул уязвить: – Мен зогт, аз дортн зицн нор идн, велхе вейсн бесер фун ундз, ви ундз, ди литвинер, махн гликлех^[6]. Но-о! Но-о!

Девятый форт находился на подступах к Каунасу.

Извозчик время от времени дружески покрикивал на свою кормилицу: «Но-о!», напевал себе под нос бойкую песенку, широко бытовавшую в тогдашнем Каунасе и вызывавшую припадочный восторг у ресторанной публики: «Давай с тобой, Марите, потанцуем, начнем наш танец страстным поцелуем». Под эту незамысловатую и прилипчивую мелодию, цокая по булыжной мостовой, пританцовывала гнедая, в глубине повозки дремал умаявшийся Дудак, а утомившийся Сесицкий, в кои веки вырвавшийся за город, во все глаза смотрел на облагороженные зеленую поля и на придорожные деревья, только-только примерившие на себя весну.

Наконец извозчицья коляска свернула с булыжника на проселочную дорогу и, дребезжа рессорами, подкатила к старинной крепости, когда-то построенной для защиты присвоенных Россией у соседей и объявленных ею священными рубежей, а затем превращенной вольными литовцами в тюрьму строгого режима – преимущественно для мечтательных провинциальных евреев, страждавших вселенской справедливости. Возница соскочил с облучка, достал из латунного портсигара гильзу популярной «Аромы», закурил и, затянувшись желанным дымком, сказал:

– До варт их ойф айх ^[7].

У входа в тюремную комендатуру Шимона и его провожатого остановил рослый часовой с чешской винтовкой наперевес и сурово и хмуро потребовал у незнакомцев документы.

– Вы, наверно, помните меня, – пытаюсь его задобрить, на ломаном литовском, простительном для сапожника-еврея, пробасил Шимон.

– Не помню, – тут же подсек надежду старика охранник.

– Я к сыну... К Шмуле Дудаку.... Вот мой документ, – и Шимон, волнуясь, извлек из-за пазухи и протянул стражнику выданный в далеком двадцатом году паспорт гражданина Литовской республики.

– А вы к кому? – покосился на Сесицкого служивый.

– К нему же... К моему племяннику, – смело соврал Менахем, убежденный, что вранье и невозмутимость способны открыть на белом свете все засовы.

– Подождите, – сказал охранник и исчез, не вернув, однако, паспорта .

– Как вам этот Наполеончик? – запахивая от ветра плащ, пробурчал Менахем, когда часовой скрылся из виду.

Шимон смолчал.

Через некоторое время верзила вернулся в сопровождении молодого, щеголеватого офицера в новехонькой гимнастерке, красиво облегающей его упругое, пружинистое туловище.

– Я из Йонавы... к сыну, – повторил Шимон. – Сегодня у него день рождения... исполняется тридцать два года. Можно поздравить и передать... – Тут он осекся и ткнул пальцем в парусиновый чемоданчик.

– Очень сожалею, господин Дудак, – выдохнул офицер и молодцевато подтянул ремень с медной пряжкой. – Но ваше свиданье сегодня не состоится... Ваш сын Шмуле Дудак...

– Что? – нетерпение и страх склевали у Шимона все слова, горло словно зашили дратвой, глаза округлились, он беспомощно уставился на Сесицкого, который нервно перегонял из стороны в сторону купленное еще на Монмартре ворсистой кашне.

– Ваш сын в карцере и до конца мая права на свидания лишен... Я очень сожалею...

– Г-споди, Г-споди, – запричитал Шимон. – А я-то сперва подумал... подумал, что... А он, слава Тебе, Г-споди, в карцере. – И то ли от радости, то ли от досады расплакался.

Пока родственник неуклюже размазывал рукой по лицу, заросшему колючками, слезы, Сесицкий попытался вступить со щеголем в переговоры, чтобы тот согласился хотя бы принять и передать Шмулику привезенные отцом подарки – не везти же их обратно в Йонаву. Но тюремщик был непреклонен.

– Не положено... У нас не склад, а место отбытия наказания... И торг тут неуместен.

– Господин офицер, вы правы... Но представьте на минутку, что это не Шмуэл Дудак сидит за решеткой, а, *mil pardon*, это вы находитесь там собственной персоной и к вам из деревни приезжает ваш старый-старый отец Йонас...

– Моего отца зовут Антана

с.

– Простите. *J'ai pas eu l'honneur de le rencontre*^[8]. Итак, в день рождения ваш отец Антанас из родной деревни привозит вам в Каунас окорок, банку липового меда, кружок овечьего сыра и... новые ботинки с дырочками, чтобы ноги у вас в жару не потели...

– У меня никогда в жару не потеют ноги, – обиделся щеголь. – Я очень сожалею, но свидание отменено, и незачем мне с вами спорить, господа.

– Понятное дело, вы человек занятой. Но ботинки... хоть ботинки для моего племянника возьмите...И пирог с изюмом...Мой племянник и вас, господин лейтенант, угостит – пальчики оближете. Насколько мне известно, употреблять пищу в карцере не запрещается, как не запрещается, когда приспичит, еще кое-что делать...

– Ваш племянник не голоден и босиком не ходит, – ошетинился господин лейтенант.
– Закон есть закон. Милости просим в конце мая – в начале июня...

– Gros pors^[9]! – прошептал Менахем.

– Что вы сказали?

– Я на древнееврейском сказал вам «до свидания».

– Когда кто-нибудь уходит отсюда, лучше говорить «прощайте», – почувствовав подвох, набычился офицер и, поклонившись, с сознанием собственного достоинства, отправился выполнять свои обязанности – оберегать Литву от евреев, покушающихся на ее неокрепшие основы.

– Фар вос азой гих^[10]? – удивился возница. – Эфшер дарфт ир нит ин а андере тюрьме^[11]?

– Нет. Просто с первого взгляда нас оправдали и тут же отпустили на все четыре стороны, – невесело пошутил Сесицкий. – Поехали!

Весь обратный путь в город был вымощен молчанием – вокруг молчали зазеленевшиеся поля, принарядившиеся деревья, отогревшиеся за зиму птицы и даже гнедая, понимавшая на идише. Не проронили ни звука и Шимон с Менахемом, только возница чуть слышно мурлыкал свою любимую песенку «Давай с тобой, Марите, потанцуем» да ржаво стучали несмазанные колеса.

Подъехав к дому, Сесицкий вытащил из штанов потрепанный бумажник и, расплатившись с извозчиком, поднялся с Шимоном на третий этаж в свою холостяцкую мансарду.

– Не огорчайтесь, – швырнув на тахту свой плащ, промолвил Сесицкий. – Ботинки – не скоропортящийся товар. А шейку с гусиными шкварками и все остальные прелести оставьте мне. Мой желудок, *entre nous*, давненько не баловался такими *delicatesses*. С вашего позволения, я всласть полакомлюсь сам и угощу свою бедную подружку – маникюршу Дану из Пильвишкиса. Увы, не Франсуазу... Оставьте?

Шимон тряхнул своими лохмами.

– Спасибо. И не вешайте, *mon cher ami*, носа, два месяца пролетят незаметно, и вы снова увидите с вашим Робеспьером.

– А если он что-нибудь опять натворит?

– Не натворит. Найдите хоть одного не повредившегося в рассудке еврея, которому через час не наскучило бы общество этих писклявых *chansonettes* – вечно голодных тюремных крыс... Переночуете у меня, а утречком я посажу вас на поезд, и к обеду вы будете в Йонаве. Раздевайтесь, дорогой Шимон, прилягте на тахту и забудьте про сегодняшнюю неудачу. Если в жизни и стоит о чем-то помнить, так это только о хорошем... молодость... любовь... пироги с изюмом.

Легко сказать – помнить... Шимону казалось, что, кроме пирогов с изюмом, которые в канун праздников исправно пекла Фейге, в жизни у него вроде бы ничего хорошего и не было – ни любви, ни молодости. Были только работа, работа и еще раз работа да долгое и напрасное ожидание чего-то такого, чему он сейчас, в старости, не может найти подходящего названия. Вся жизнь чем-то походила на эту поездку в Каунас – терпеливо ждешь встречи с тем, что тебе дорого, а все дорогое только отдалается и, как ни протягивай к нему руку, как ни кричи: «Куда ты? Остановись!» – ускользает от тебя словно облако.

Оставаться на ночь у Сесицкого, выслушивать его нравоучения, поить в потемках своей кровью клопов, ворочаться с боку на бок у Шимона не было никакого желания, но не было у него и другого выхода – пешком до Йонавы не дойдешь. Насытившись за день разговорами, Дудак решил чем-то заняться и, не найдя ничего лучшего, стал разгружать от провизии чемодан и выкладывать на стол приготовленные Фейгой кушанья.

Менахем с неподдельным интересом наблюдал за его возней, изредка, в знак благодарности, раздувал свои широкие розовые ноздри и шумно вдыхал заманчивые, еще не выветрившиеся из памяти запахи маминых блюд. Он задумчиво, с печальным обожанием и пронзительной жалостью смотрел на Дудака, словно собирался попросить у него прощения за то, что изгалялся над всеми этими *Franterite*, *Libertie*, *Egaitie* и наговорил кучу гадостей про его сына-страдальца. Сесицкий вдруг поймал себя на мысли, что, может, они, эти праздные мечтатели и безумцы, не вылазят из карцеров и с гордо поднятой головой идущие на плаху, во стократ счастливее их, сапожников и парикмахеришек, которые с утра до вечера ради какого-нибудь лишнего франка или лита корпят в своих мастерских и видят перед собой не радужные дали, а только грязные бороды или стоптанные подметки? Слова нахлынувшего раскаяния вертелись у Менахема на языке, но он не отваживался их произносить вслух, чтобы не уронить себя в глазах Шимона.

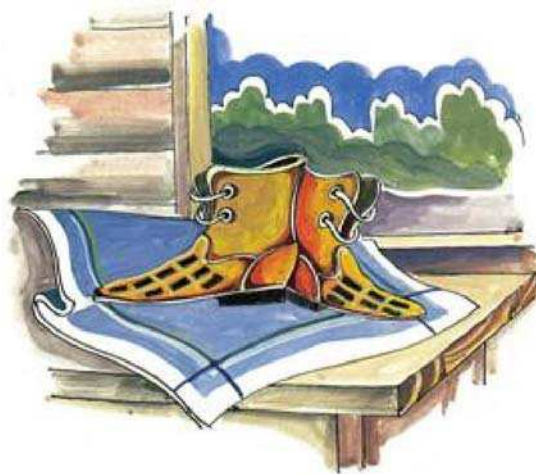
Странное чувство томительной пустоты захлестнуло Менахема, когда Шимон опорожнил свой парусиновый чемоданчик, на дне которого остались только ботинки, завернутые в пожелтевшую еврейскую газету, как трупики в саван.

– Не захлопывайте свой чемоданчик, – сказал Сесицкий Шимону. – Дайте полюбоваться на ваше искусство.

– Ботинки как ботинки, – отнекивался Дудак. – Ничего особенного. Не на что смотреть.

– И все-таки покажите!

Шимон неохотно достал свое изделие и, расстелив газету, поставил на стол.

– Люкс! – воскликнул Менахем. – Обязательно приеду в Йонаву и закажу у вас такую пару. Может, даже две пары. Одну – с дырочками, а другую – без. В Каунасе, как и на Елисейских полях, жуткие цены. Ваша братия семь шкур с клиента дерет, – он подержал на весу оба ботинка, повертел их, погладил телячью кожу и сказал: – Замечательные ботинки. Чтобы зря не пылились под кроватью, выставите их в окне.

– В окне?

– Мой первый учитель – мсье Лео Десятник говорил: *un panneau et une vitrine – le visage du travailleur*^[12]. Как только приедете, так сразу и поставьте их вместо цветов на подоконник. Глядишь, и заказчиков прибавится.

– На мой век и прежних хватит, – сказал Шимон.

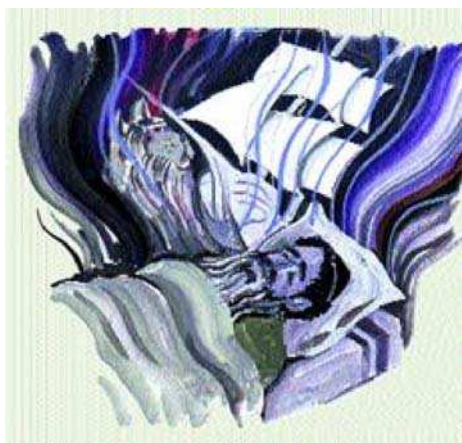
Стемнело. Сесицкий не стал зажигать света, расстелил драный матрас на покоробившиеся половицы и улегся, как мертвец, а Шимону уступил тахту, над которой спокойно, неизвестно куда, может, вспять, во Францию, текла снятая уличным фотографом Сена.

Всю ночь старик не смыкал глаз. Под утро сон его сморил, и ему приснился белый корабль с высокими мачтами; на корме – он со Шмуликом, оба в наручниках, беременная Тайбе в окружении своих девочек и Фейге в переднике, разделяющая какую-то хвостатую рыбу. Корабль плывет будто бы не по морю, которое никто из Дудаков никогда в глаза не видел, а по суше, по щербатой местечковой мостовой, за кораблем гонятся собаки и мальчишки; и вдруг он медленно, возле их дома, на виду у соседей начинает погружаться в землю, как в пучину...

Дурные предчувствия, навеянные этим нелепым сном, томили Шимона до самой Йонавы.

Как только он переступил родной порог, Фейге и отяжелевшая Тайбе обступили его и стали наперебой расспрашивать, как там Шмулик. Отвертеться было невозможно, но и вдаваться в подробности ему не хотелось. Не станешь же им рассказывать о карцере, пугать крысами, железными решетками на окнах, вооруженной охраной, описывать одичавшего Сесицкого с его бесконечными наставлениями и советами, излагать свой сон о корабле-призраке, плывущем по местечковой мостовой и погружающемся в землю. Тайбе, не приведи Г-сподь, от страха еще до времени разродится.

– Шмулик шлет вам привет... целует девочек... скучает, – короткими, как вздох, предложениями пытался отделаться от вопросов Шимон...

– А как ботинки? Понравились? – поддела его настырная Фейге, недовольная сбивчивым рапортом мужа.

– Ботинки?.. Ботинки немножко жмут... – соврал Шимон.

– Жмут? Что ты говоришь! – заохала Дудакова. – Ты же так старался... так старался...

– Ничего... Кожа мягкая, как-нибудь к следующему свиданию растянем, – буркнул Шимон и, желая переменить разговор, обратился к Тайбе. – А как, доченька, твоя работа – жмет?

– Жмет, – рассмеялась та.

– Идет к концу?

– Идет, идет. Думаю, Шмулик не забракуют, – потупила глаза Тайбе.

В доме ждали мальчика – две невесты уже в нем гомонили.

– Будет мальчик. Будет, – пророчила Фейге. – Точно так носила я Шмулика... Он все время барабанил ножками в низ живота и норовил поскорей пробиться к выходу... Видно, в Каунас, в тюрьму спешил...

Внук должен был родиться в конце мая, и Шимон надеялся, что ему удастся к следующему свиданию со Шмуликом привезти в Каунас не только отрадную весть, но и фотографию мальчугана. Может, поэтому Шимон начинал за колодкой каждый новый день со счета, как с молитвы, – седьмое мая, десятое, пятнадцатое...

Весна запаздывала, было холодно и сыро, в Йонаву нет-нет да в гости наведывался мокрый снег, и никто из домочадцев Шимона особенно не удивился, когда он стал покашливать. Фейге, которая в доме была и за кухарку, и за лекарку, поставила ему банки, напоила каким-то отваром, но кашель не унимался, а усиливался с большей яростью.

– Надо, мам, позвать Фраймана. Пусть его послушает, – посоветовала Тайбе. – Отец уже откашливает с кровью.

Доктор Фрайман лечил в Йонаве всех и от всех хворей, утверждая то ли в шутку, то ли всерьез, что самая опасная и распространенная болезнь на свете – это жизнь. В местечке он слыл бессребреником и вольнодумцем, курил по субботам затейливую трубку, ходил в костел слушать органную музыку, произносил варварские для слуха своих пациентов слова «Бах... Гендель... Фуга... Аллегро модерато...», но люди ему все прощали за доброту и бескорыстие.

Как Шимон ни упирался, Фейге все же Фраймана позвала.

Доктор вошел в комнатку, где на высоких пуховых подушках в расстегнутой рубаше покоился осунувшийся Шимон и, поздоровавшись, снял пальто, из-под которого торчали края белоснежного халата, поправил на переносице пенсне, достал из потертого саквояжа слушалку и принялся ею водить по заросшей, как лесная поляна, густой растительностью груди больного.

– Щекотно, доктор! – тяжело дыша, сказал Дудак.

– От щекотки еще никто не умер, – Фрайман вытер со лба испарину и приказал: – Дышите, реб Шимон! Глубже, еще глубже. Повернитесь, пожалуйста, на бок. Теперь на другой... Вдохните!.. Выдохните! Так, так... – Чем тише он такал, тем больше мрачнел.

За дверью нетерпеливо ждали приснившиеся Шимону перед погружением корабля в землю, как в пучину, Фейге в переднике и Тайбе со спелым, словно подсолнух, животом.

– Вам, реб Шимон, не мешало бы в Каунас съездить... В Еврейскую больницу...

– Но у меня столько заказов, – просипел Шимон.

– Заказы – не хворь, подождут... Могу дать рекомендательное письмо к доктору Рафаэлю Лившицу... Он замечательный специалист. Сделает снимок ваших легких и скажет, что надо делать. В мою трубочку все слышно, но не все видно. Ясно одно: одними банками и горячими чаями тут, к сожалению, не обойдешься, – нарочито громко, чтобы слышали притаившиеся за дверью женщины, сказал Фрайман.

– Но ведь я только-только оттуда, – пояснил Шимон.

– Откуда? Из больницы?

– Да нет, – умолчав о тюрьме, сказал хозяин.

– Поезжайте, поезжайте! Они там и латают и шьют, и из мертвых воскрешают. – Фрайман накинул на плечи пальто, надвинул на лоб шляпу и откланялся.

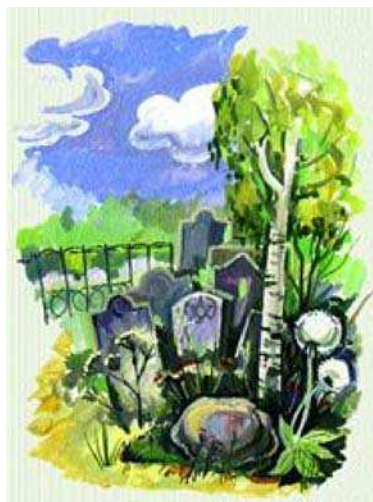
Встревоженные Фейге и Тайбе уговаривали Шимона, чтобы он поехал в Каунас, но тот их уговорам не внял, а когда согласился, ему уже нельзя было помочь.

Старого Дудака похоронили сразу же после Швуэс – праздника Пятидесятницы. Народу или, как он при жизни сам выражался, знакомых ботинок на кладбище собралось много. Не хватало только шевровых туфель настоятеля Клеменсаса Науялиса, которому Шимон шил и чинил обувь с незапамятных времен и который не

то что с мертвыми евреями – с большинством живых-то почти никакого дела не имел, хотя и называл их почему-то старшими братьями.

Овдовевшая Фейге ничего, кроме лопаты могильщика Хоне, блестящей на солнце, не видела – стояла и безостановочно приговаривала:

– Шимон! Шимон! Как ты мог оставить меня одну!..

С помощью зятя Давида, мужа старшей дочери Рохцы-Пожар, безутешная Фейге к «шлошим» – к тридцатидневному сроку – поставила на могиле скромное надгробье из серого полевого камня и каждый четверг, с полудня до захода солнца, поливала его горячими слезами, пока в доме наконец не свила гнездышко радость – появился новый человек, названный в честь дедушки Шимоном.

Тайбе написала узнику-мужу письмо, и вскоре из Каунаса на тетрадном листе в клетку от Шмулика пришел ответ. Закончив в первых строках с поздравлениями жене по поводу рождения сына, он перешел к поношению тюремного начальства, которое не пустило его в Йонаву на похороны, всячески утешал мать, а напоследок попросил прислать ему фотографию маленького Шимона – мол, непременно поставит ее на самом видном месте в камере – на крохотный столик под нарами, и заверил всех, что скоро вернется.

– Никаких фотографий, – сказала невестке Фейге. – Нечего к нему сына подсаживать. Пусть папаша свой срок отсидит в одиночестве. Может, за ум возьмется.

Благодаря Красной Армии Шмулик отсидел чуть меньше положенного срока и все-таки то, о чем все время мечтал и за что так ратовал, высидел: новую власть и новую должность. В сороковом году вся Литва запылала красными флагами с серпом и молотом; танки с пятиконечными звездами на броне вошли в Каунас и взяли в кольцо Девятый форт; тюремные камеры распахнули перед политзаключенными свои двери, и Шмулик, вернувшись в Йонаву, дождался-таки светлого и безбедного для себя будущего: его назначили заместителем начальника йонавского отделения НКВД.

Назавтра после возвращения из, как сказал бы просвещенный Менахем Сесицкий, литовской Бастилии Шмулик в новехоньких ботинках, сшитых ему отцом ко дню рождения, еще в штатском, еще без мундира и форменной фуражки, без шпал в

петлице и без кобуры на отощавшей на нарах заднице, отправился вместе с четырехлетним Шимоном на еврейское кладбище. Могильщик Хоне, лучший друг и заступник всех мертвых, провел начальника к серому полевому камню с высеченным магеновидом и надписью на непонятном Шмулику древнееврейском языке.

– Что тут, Хоне, на камне написано? – спросил он у могильщика, никогда не расстававшегося с самокруткой и лопатой.

– Ничего плохого, товарищ Дудак, – заверил Шмулика Хоне. – Это – буква «пэ», а это – «о»... А вместе будет «По нихбар» – «Здесь погребен...» А дальше – имя твоего отца, а чуть ниже – имя его отца – Ицхок. Жаль, что твой отец, реб Шимон, да будет память его благословенна, не дожил до такой нашей общей радости... – гробовщик ухмыльнулся и своей верной лопатой сгреб упавшую на камень хвою.

– До какой общей радости? – поинтересовался Шмулик.

– Шутка сказать – сын сапожника в такие начальники вышел. По-моему, в вашем роду были сплошь ремесленники – сапожники, портные, лудильщики. И ни одного полицмейстера. И вдруг... Теперь выше тебя в местечке только сам Г-сподь Б-г... Раньше, к примеру, как было? Бургомистр – литовец... Почтмейстер – литовец... Евреев в худармудер чужие сажали. Тебя кто сажал? Рабинович? Нет. Петрайтис. А теперь нас, слава Всевышнему, будет сажать свой... еврей. Как ни крути, а от своего и по морде схлопотать приятнее – хоть пархатым не обзовет. Хи-хи-хи...

– Не вижу тут ничего смешного, – посуровел Шмулик. – Кто заслужит, тот по морде и схлопочет.

Хоне замолк. В скорбной кладбищенской тишине вдруг громко застучал дятел, маленький Шимон оглянулся, завертел головой и стал искать, откуда исходит это размеренное постукивание, но мохнатые сосны непроницаемой завесой отделяли мальчика от этого таинственного и несмолкающего звука...

– А кто это там стучит? – скорее к деревьям, чем к отцу и Хоне, смущенно обратился он.

– Это птичка такая, – бросил Шмулик. – Дятел. Выклевывает из-под коры вкусных червячков.

– Это твой дедушка – старый дятел Шимон. Он сидит вон на том белом облаке и молоточком забивает в башмачки херувимов и ангелов шпильки, – сказал могильщик и, перекинув через сутулое плечо лопату, зашагал к другому надгробью.

– Чепуха!– бросил ему вслед Шмулик, веривший не в херувимов и ангелов, а в Ленина-Сталина.

Стук не только не прекращался, но и нарастал.

Тук-тук-тук, – как бы споря с сыном, выстукивал на небесах старый дятел Шимон Дудак. – Тук-тук-тук...

И херувимы, и ангелы, кружась в необъятной горней выси, оведали своими крыльями его фартук и неразлучную колодку...

Март-апрель 2004.

Бат-Ям

[1] Сумасшедшие еврейские мамочки и папочки!

[2] Вы можете со мной говорить на идише.

[3] Моя кормилица тоже кумекает на идише.

[4] Слыхали, его скотина тоже кумекает на идише.

[5] В какую тюрьму вам надо?

[6] Говорят, там сидят одни евреи, которые лучше нас знают, как сделать литовцев счастливыми.

[7] Жду вас здесь.

[8] Не имел чести знать.

[9] Свинья!

[10] Почему так быстро?

[11] Может, вам нужна другая тюрьма?

[12] Вывеска и витрина – лицо мастера.

НЕТОРОПЛИВЫЕ СЛОВА ЛЮБВИ

Βεῖτᾱ Οἰῶνᾱδ

Свою невесту перед свадьбой Элханан видел два раза. Первый – в лобби роскошной раматганской гостиницы, где обычно встречаются молодые пары из Бней-Брака, а во второй – уже на помолвке.

Его отец и мать долго отбирали подходящую кандидатку, советовались со свахами, обсуждали подробности с родителями невест. Их интересовало все: какие блюда любит готовить девушка, нравятся ей гладкие пейсы или закрученные в тугой столбик, понимает ли юмор, предпочитает ходить в гости или принимать гостей.

Основные, главные вещи, вроде мировоззрения, добродетельности, прилежания и уровня интеллекта выясняли еще на первом этапе, со свахами. Просеянных сквозь тугое сито кандидаток обследовали более тщательно, на уровне привычек и наклонностей. Проверяли их на совместимость со вкусами Элханана, а ведь кто лучше знает, что нравится сыну, если не родные отец с матерью?

После долгих разбирательств из сотни возможных невест были отобраны три, и наступил черед Элханана. Без взаимной симпатии счастливый брак невозможен, даже если молодые подходят друг другу по

всем показателям. Должна возникнуть «химия»: взаимное влечение, но это можно выяснить только при личной встрече.

Эстер он узнал сразу: она сидела на угловом диванчике в чем-то неопишимо розовом с оборками, бантами, кружевами, и от этого розового ее лицо тоже светилось и сияло словно люстра в главной синагоге Бней-Брака. Полосы шума, создаваемого бродившими по лобби людьми, волны их запахов, эмоций омывали Эстер, будто океан омывает коралловый риф, и, натыкаясь на ее уверенное сияние, рассыпались перламутровыми брызгами.

Они о чем-то поговорили, Элханан был серьезен, помня о важности момента, а Эстер постоянно улыбалась и несколько раз даже начинала хохотать, словно Элханан говорил какие-то смешные вещи. Впрочем, слова не имели значения, он заметил нежный пух над верхней губой, светлый, почти неразличимый пушок и ужасно захотел прикоснуться к нему, провести пальцем, ощутив его нежность и трепет. Но это, разумеется, было возможным только после свадьбы.

На помолвке женщины сидели в другой комнате. Эстер выглянула на секунду поглядеть, как Элханан торжественно приподнимает в знак клятвы молитвенный пояс, и тут же скрылась. Он даже взглянуть на нее не решился: слишком много глаз следило за каждым его движением. Ну, а следующая встреча произошла уже под хупой.

Между помолвкой и свадьбой Элханану пришлось пережить несколько неприятных минут. Как и всех женихов в Бней-Браке, его послали на инструктаж к раввину. О чем будет инструктаж, Элханан примерно догадывался, но такое! Такое лежало за пределами его догадок!

После первой встречи, получив от раввина надлежащие книги, Элханан несколько часов просидел в своей комнате не в силах оторваться от текста. Неизвестная дотоле, странная сторона жизни медленно проявлялась перед глазами подобно тому, как во время утренней молитвы открывается арон а-кодеш, когда торжественно отодвигают бархатный полог.

«Оказавшись наедине с женой, – гласил текст, – ее следует обнять».

– Почему? – недоумевал Элханан. – Она что, свиток Торы? Зачем ее обнимать?

Но дальше текст требовал от него еще более странных поступков.

«Жену надлежит поцеловать не менее двух раз».

– Разве жена тфилин, – возмущался Элханан, – чтобы ее целовать?

Последующее чтение повергло его в полное замешательство. Он и представить себе не мог, что его родители занимались подобными вещами! Неужели эти, почти стыдные процедуры привели к его, Элханана, появлению на свет?

В родительской спальне кровати матери и отца стояли в разных углах комнаты; никогда, сколько он себя помнил, они не целовались и не обнимали друг друга. Более того, отец тщательно избегал любого прикосновения к матери: вилку или другой необходимый предмет не передавали из рук в руки, а клали на стол.

Нет, он, конечно, видел бродящие в обнимку нерелигиозные парочки, и товарищи по ешиве, заливаясь до самой ермолки багровой волной неловкости, тоже пытались рассказывать о чем-то таком, но Элханана эти разговоры не привлекали. О том, чтобы самому совершать подобное, ему и в голову не приходило. Но вот оказалось, что в этом кроется главная тайна супружеской жизни, от которой зависит выполнение заповеди «плодитесь и размножайтесь», а значит, это тоже Тора, и ее нужно выучить подобно трактатам Талмуда.

Эта мысль успокоила Элханана. Он повеселел, быстро прочитал весь материал до конца, повторил четыре раза, по привычке прилежного ученика ешивы, и к следующей встрече с раввином мог ответить без запинки на любой вопрос. Память у Элханана была великолепной, а ум, отточенный на бесконечном распутывании талмудических хитросплетений, работал ясно и четко.

Свадьбу отпраздновали весело, специально приглашенный из Иерусалима оркестр старался вовсю. Впрочем, назвать его оркестром можно было с большой натяжкой, поскольку состоял он из барабанщика и двух певцов. По обычаю, в Иерусалиме после разрушения второго Храма не играют на музыкальных инструментах. В Бней-Браке этот обычай не соблюдали, но родители невесты происходили из старой иерусалимской семьи, больше двух столетий жившей в ультраортодоксальном районе Меа-Шеарим, и на свадьбах девушек этой семьи играли только такие оркестры.

Солисты выделяли голосами немислимые фортели, барабанщик задиристо и звонко колотил по трубочкам, дощечкам, тарелкам и целой эстакаде барабанов, барабанищ и барабанчиков, и о составе оркестра забыли спустя несколько минут.

Еды на столах было немного, а несколько бутылок вина, поставленные для порядка на круглый прилавок посреди зала, так и остались нераскупоренными. Томящиеся целыми днями за книгами ешиботники – соученики Элханана оттягивались по полной, без еды и вина. Молодая, нерастраченная сила весело толкала кровь, билась в голову, заставляя ноги выделять замысловатые кренделя.

Танцевали на своих половинах – женщины отдельно, мужчины отдельно. Сквозь щели высоченной решетчатой перегородки, делившей зал на две части, нет-нет, да посверкивал любопытствующий женский глаз.

Наедине молодожены оказались около двух часов ночи. О чем-то переговаривались, так, лишь бы заполнить пустой, осторожный воздух. Предстоящее висело над головами точно угроза: отменить его было уже невозможно. Наконец Элханан вспомнил, что речь идет о заповеди и, оборвав фразу на полуслове, порывисто шагнул к Эстер. Обнимая ее, он смял коротко хрустнувшие кружева свадебного платья и вздрогнул от испуга. Эстер неумело обхватила руками его поясницу и прижалась щекой к лацкану сюртука. По ее телу тоже прокатывались волны дрожи, еще бы, ведь это было первое объятие в ее жизни.

– Слушай, – предложил Элханан отстраняясь, – а давай ничего не будем делать. Отложим на завтра, и все. Никто же не узнает!

Эстер фыркнула и захохотала, будто он сказал очень смешную шутку. Элханан протянул руку и осторожно провел пальцем по пушку над прыгающей верхней губой.

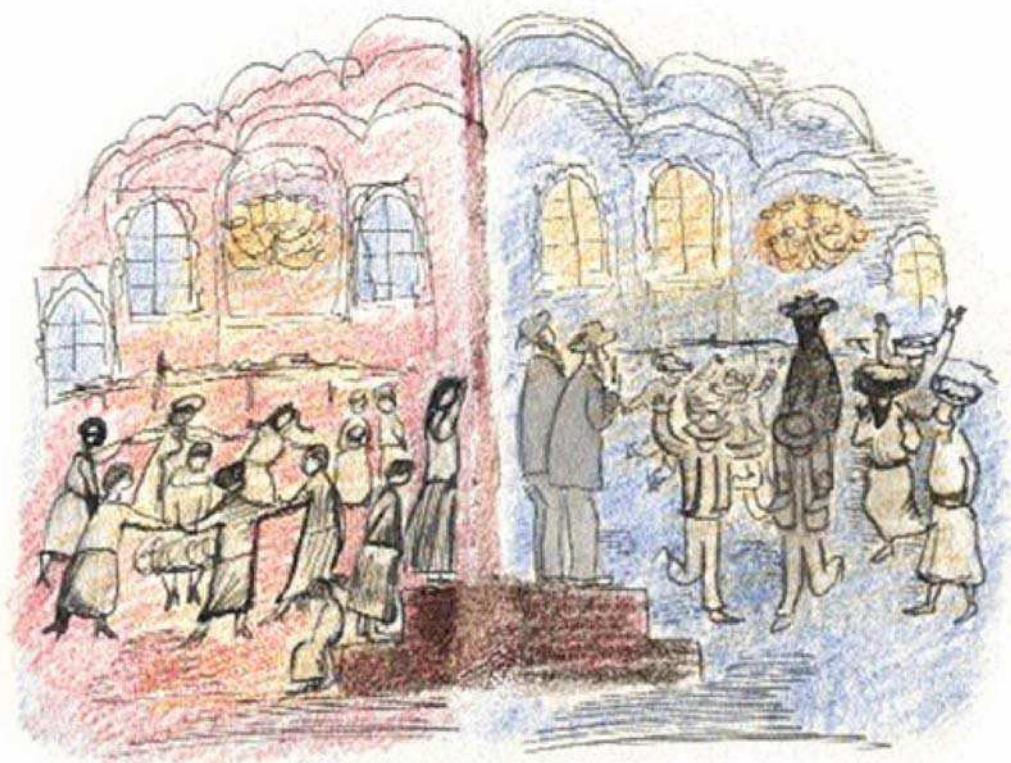
Дальнейшее оказалось не таким интересным и, особенно вначале, не очень-то приятным занятием. Если бы не помощь Эстер, наверное, ничего бы и не получилось, но вдвоем, вспоминая каждый про себя советы и наставления, они кое-как справились с заповедью. Моеся под душем, Элханан дал себе слово не утруждать жену исполнением супружеских обязанностей. Только для продолжения рода. Не больше.

Через две недели выяснилось, что Эстер беременна, а еще через две наступил месяц нисан, и началась большая пасхальная уборка. Ешивы закрылись на каникулы, и ешиботники, вооружившись щетками, швабрами и прочим инвентарем, бросились на розыски хомеца.

Свою двухкомнатную квартирку, которую родители сняли для них на первые несколько лет совместной жизни, Эстер и Элханан выдраили до блеска. Тоненькой отверткой Элханан прочистил щели между мраморными плитами пола, леской проверил зазоры в стульях, покрыл блестящей фольгой кухонный стол и газовую плиту.

Последним, завершающим ударом должно было стать кипячение посуды. На свадьбу им подарили множество кастрюль, сковородок и столовых приборов. Те, что попроще, Эстер использовала каждый день, а дорогие отложила для Пейсаха. Теперь, по правилам, предстояло окунуть их в кипящую воду, а потом отнести в микву.

Элханан взял взаймы у соседей специальный бак, огромное никелированное чудище, водрузил его на плиту и долго заполнял водой. В бак умещалось литров тридцать, если не больше, но зато в него влезала самая большая кастрюля.

Закипало чудище очень долго, казалось, что огонь не в силах разогреть такую огромную массу воды. Но, наконец, из отверстия в крышке повалил с пришепетыванием пар, и Элханан поспешил в комнату, принести картонные коробки с посудой. Эстер осталась на кухне, через несколько секунд оттуда донесся удар, за ним отчаянный крик боли и еще один удар.

Вбежав на кухню, Элханан обнаружил Эстер без чувств, распростертую в луже исходящего паром кипятка. Бак валялся рядом, судя по всему, его падение сшибло Эстер с ног.

Она лежала на полу в темнеющем от воды платье, и по ее лицу стремительно расплзались багровые пятна ожога.

Пасхальный сейдер он провел в больнице рядом с постелью жены. Элханан негромко читал Агоду, чтение прерывалось стонами Эстер, и пил четыре обязательных бокала вина, не чувствуя ни вкуса, ни удовольствия.

Эстер выписали через две недели. Ее верхняя губа превратилась в бесформенный рубец, кожа щек стянулась, а тело, от горла и до бедер, представляло собой розовое, покрытое полосами шрамов мясо, прикосновение к которому вызывало у Элханана легкую дрожь отвращения. Слово, данное самому себе в первую брачную ночь, реализовалось чудовищным, невообразимым образом.

Слова, слова, слова... С какой осторожностью нужно относиться к этим, казалось бы, мгновенно исчезающим в мировом пространстве, звукам.

Ожоги не повлияли на беременность: в положенный срок Эстер родила здорового мальчика. Навалились хлопоты, пеленки, прививки, а вместе с ними и радости первой улыбки, смешного гуканья, умильных ужимок и гримас. На жену Элханан старался не смотреть, ее изуродованное лицо пугало. Их постели стояли в разных концах спальни, а вилку или другой необходимый предмет он никогда не передавал из рук в руки, а клал на стол.

Написано в святых книгах, что лучшее время для супружеской близости – это субботняя ночь. Так Элханан объяснил жене свою холодность. С учетом месячных и запрещенных после них семи дней для близости оставались только две ночи в месяц. Но даже их оказалось более чем достаточно: Эстер беременела от одного прикосновения мужа.

Через пять лет у них было пятеро детей – трое мальчиков и девочки близнецы. Эстер пришлось уйти из больницы, где она работала медсестрой, и подрабатывать частными визитами – ставить уколы на дому. Денег катастрофически не хватало, и Элханан, вместо вечерней учебы, устроился на ювелирную фабричку в промзоне Бней-Брака. Работа ему досталась самая вредная – окунать серебряные кубки, подсвечники и подносы в ванны с гальваническим раствором. Платили за нее прилично, потому что никто не соглашался стоять у этих ванн; уверяли, будто ядовитые испарения уничтожают мужскую силу. Но Элханану только того и надо было, он с удовольствием соглашался на сверхурочные, принося в конце месяца солидную прибавку к зарплате.

С женой Элханан почти не разговаривал. Только о детях и хозяйственных проблемах, ведь сказано: умножающий беседы с женщинами умножает количество глупости в мире. И пояснили комментаторы, что в первую очередь это относится к жене. Эстер поначалу обижалась, а потом привыкла, ей, похоже, вполне хватало общения с соседками, мужа которых также безвылазно учили Тору, и со своими детьми.

В субботу, на длинной утренней молитве, Элханан молиться не мог. Все его раздражало – громкий голос кантора, сопение прихожан, их кашель, сморкание, разговоры. Нет, внешне он выглядел обычно: как все, склонялся над молитвенником, вставал вместе со всеми, кланялся. На самом деле Элханан ждал, когда отгремит последний «кадиш», молящиеся, шаркая подошвами, покинут синагогу, и он останется один, совершенно один в огромном пустом зале.

Блестели лакированные спинки кресел, тяжело топорщился бархат занавески перед шкафом со свитками Торы, глубокая тишина обнимала опустевшее здание, и Элханан не торопясь, со вкусом проговаривая каждое слово, начинал молиться. Спустя час наступало мгновение, которого он ждал всю неделю, – несколько секунд сладкой отрешенности и слияния с неспешным ходом времени.

Элханан ощущал его приближение: мир незаметно менялся, становясь добрее и лучше, царапины обид и ссадины неудач исчезали под волной торжествующего света. И все, все в его жизни оказывалось успешным: спокойное изучение Торы, хорошо оплачиваемая работа, полный дом детей, преданная жена. Он снова стоял на горе Синай, вновь открывая Откровению свою душу. Волна света настигала сердце Элханана, слезы благодарности наворачивались на глаза, он задирает голову вверх и шептал, немея от восторга разделенного чувства:

– Я люблю Тебя, слышишь, люблю, Тебя одного, люблю, люблю, люблю!

Daōtāi ò. 19 ài dàiy 2004

ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2004 СИВАН 5764 – 6 (146)

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Абрам Крацер

День 22 июня 1941 года я помню хорошо. Вижу раннее утро этого дня.

Мы быстро идем по улице, я и папа, навстречу низкому, ослепляющему нас солнцу. Спешим на вокзал к поезду «Гомель-Минск», что привезет меня на станцию Талька – в республиканский пионерский лагерь. Мимо по мостовой мчатся военные мотоциклисты, но никакой тревоги не вызывают. Просто мы прибавляем шаг, чтобы не опоздать.

Поезда ждали недолго. Я считал себя взрослым и легко распрощался с папой. Уселся на боковом месте, за столиком, и смотрел в окно. Улицы спускались к железной дороге, ныряли, перекрещивались... Чонгарская, Социалистическая, Пушкинская...

Мелькнула моя школа... Новые трехэтажные дома... Ярко зеленели сады, синели церковные купола на Советской, золотился крест на шпиле костела. Все было залито солнцем, светом и словно вымыто ранним утром... Такого Бобруйска никогда больше я не видел.

В Тальке встречали вожатые. Дорогой в лагерь рассказывали, что на рассвете бомбили Минск и ребят лучше оставить здесь. Так многие родители и поступили, уверенные, что дети будут в безопасности...

Нас разводили по отрядам, строили на линейку, кормили. Обычная лагерная суета... Наверное, был где-нибудь радиоприемник, но никаких сообщений не помню. Старших собрали в один отряд. Мы знакомились друг с другом, рассуждая о непобедимости Красной Армии.

Наутро появились некоторые родители и забрали своих детей. Официальных известий по-прежнему никаких... Вряд ли кто-то предполагал, что на следующий день, 24 июня, противнику удастся – как читаю я нынче – «создать условия для успешного наступления на столицу Белоруссии – город Минск»... Но тревога уже ощущалась.

25-го обещали машину, которая прибыла 26-го, когда, по дневникам Константина Симонова, «армия продолжала отходить за Бобруйск». Думаю, целый день по мостам через Березину отступали войска. Минск сдали в субботу, 28-го. А вечером в пятницу немцы занимали наш город...

26-го, в четверг, набились мы в кузов, разместившись на деревянных чурках, которые заменяли бензин, – грузовик был газогенераторный. Нам обещали, что родители на месте, в Бобруйске, никуда покамест не тронулись...

Километрах в пятнадцати от города полыхало зарево. А сам город – пустой и темный. Ни одного светлого окошка. В условленном будто бы месте – на Базарной площади – никого.

Я побежал домой. Даже, кажется, вещички не прихватил. Кругом ни души. С детства родная улица – как черный коридор... Вот и наш дом. Ставни опущены, двери заперты. Я стучал и кричал: «Мадам Гольдберг!», надеясь, что бывшая хозяйка откликнется... Глухо.

Вдруг подумал, что родители у дяди Давида, старшего маминого брата. Помчался туда. Красивый небольшой флигель – в глубине двора, среди яблонь и вишен. А рядом, в доме, что фасадом на улицу, младшая мамина сестра. Я стучал и стучал в гулкие закрытые двери.

И вернулся к машине. Уже светало. Людей в кузове прибавилось. Дети примолкли. Взрослые обсуждали маршрут. Мол, городской бетонный мост взорван, а деревянный сейчас подожгут. Дорога – единственная – на Щедрин (вниз по Березине). Тамошняя переправа вроде как действует...

У одного из отцов в Щедрине родственники, другой – скромный бобручанин. Они со своими детьми сошли в Щедрине, а нас, ребят из пионерского лагеря, завели не то в школу, не то в детский сад. Накормили, уложили спать...

Покуда ребята спали, я разыскал шофера, чтобы наутро не забыл нас. Был старшим по возрасту и как бы само собой отвечал за пионеров и октябрят младших отрядов... Что в Бобруйске – никто толком не знал. Будто бы жители покинули город 26-го: их предупредили по радио, что мосты к вечеру взлетят на воздух.

Еще до зари нас разбудили:

– Вставайте, вставайте! Ваша машина!..

Возле грузовика сновали какие-то люди. «скромный бобручанин» с девочкой сидели на чемоданах.

– Куда ж вы? – бросился я к шоферу. – А малыши?

– Давайте быстрее! – махнул он.

И мужчина тоже торопил нас.

Собирались недолго, но когда впопыхах выскочили, грузовик уже медленно катился. Они, в кузове, словно не замечали меня и детей – и шофер за рулем, и тот «осведомленный» отец девочки, и другие-прочие, что на узлах. Я бежал за ними, кричал вслед, и люди на улице тоже кричали... по-русски, по-белорусски... заклинали на идише...

Этот человек с девочкой впоследствии вернулся в Бобруйске, но мы ни разу не сталкивались. Я после демобилизации попал домой лишь в 1951 году летом. Гостил редко и не подолгу. Несчастья, рассказывала моя мама, преследовали того человека. Сперва умерла жена, затем дочь – еще совсем молодой... А он куда-то исчез из города.

Что делать? Местные щедринские женщины принесли еду, молоко. Никто, однако, не пригласил к себе. Младшим – 9–10 лет, старшим – 12–13, мне – 14. Я понимал: надо уходить. Все евреи уходят. Но как? То ли пешком на Рогачев, то ли по железной дороге на Жлобин.

Утром позавтракали, взяли в запас продукты и направились к станции Телуша, километрах 15–20 от Щедрина. Мы помогали младшим, волокли тяжелые вещи, еду, молоко. Часа через три приплелись на станцию.

Пусто. Никого. На путях – ни одного вагона.

Солнце палило. Малыши спрятались под навесом. Подошла какая-то женщина и успокоила: бояться нечего, на станции есть люди, обстановка выясняется.

– А поезда ходят? – спросил я.

– Нет, – говорит, – уже несколько дней...

Старший мальчик из поселка Сычково, где отец его был директором леспромхоза, предложил: давай смотаемся в леспромхоз, и отец даст машину для малышей: сами-то все равно не дойдут...

– А далеко? – спросил я.

– К ночи управимся.

Мы хотели поручить другому старшему мальчику (Фельдману) присматривать за детьми, пока пригонят машину, но он, Фельдман, наотрез отказался. А я объявил малышам, что отлучусь на полдня раздобыть транспорт – пускай, мол, не тревожатся...

Много лет прошло с тех пор, целая жизнь. И целую жизнь я помню Телушу. Но с годами все больше и больше щемит сердце.

Мои знания окрестностей – из опыта дачной жизни, из опыта летней военной игры прошлого (сорокового) года – очень намгодились. Я представлял в уме маршрут. Пересечь Рогачевское шоссе, выйти на Могилевское и далее топтать до Сычкова. Все время держать на север...

Уже колосились хлеба. Могучие сосны заросли светло-зеленым, почти белым мхом. Светлели пески на косогорах. С высоких кустов, зеленеющих на болотных кочках, пахло буйками (голубицей). Летнее солнце ласково грело. И синее безоблачное июньское небо над головами...

Слева (от Бобруйска) грохотала артиллерия (отдельные далекие залпы). Над нами – гул невидимых (из-за леса) самолетов. Деревья вдруг расступились, и мы различили наши, как тогда говорили, бомбовозы.

Четырехмоторные «ТБ-3», тяжелые бомбардировщики Туполева, сконструированные в 1930 году, медлительно (звеньями) наплывали с северо-востока. Юркие, очень шустрые самолетчики, незнакомо, по-иноземному подвывая, один за другим, как камни, падали сверху. «Мессершмитты» –

определил я. Самолетики взмыли, а громадный ТБ накренился, быстро пошел к земле, оставляя за собой шлейф дыма. Столб пламени, грохот взрыва...

Впервые наблюдали мы за воздушным боем. Не помню, сколько их было в тот понедельник, 30-го июня, – небесных поединков, сражений... Нам показали знаменитое «чертовое колесо», когда «мессершмитты» и тупорылые «ишаки» (И-16 или И-15) крутились в небе, заходя друг другу в хвост.

Вечерняя заря привела нас в деревню. Помню большие сени в крестьянской избе. Пожилая женщина в накинутом на плечи платке отрезала от огромного каравая по ломтю хлеба, поставила крынку молока. Помню вкус и запах. Не забыл, грызу тугую корочку, которую хочется жевать и жевать без конца. Наверное, в сених мы и заночевали.

И опять шли, одурманенные голубицей, по болотным перелескам, по кочкам с темно-зеленым мхом и высокими кустами.

В поселке на Могилевском шоссе как ни странно, работала столовая. Нам дали очень густого, вкусно дымящегося лапшевника. О деньгах не заикались. Группами и в одиночку брели солдаты. Немцы – де за Бобруйском. Форсировали Березину.

Было тихо. Ни канонады, ни самолетов. Изредка протарахтит по бульжнику военная полуторка («газик») или трехтонка («зис»). Мы шли не высовываясь. От шоссе до Сычкова – хорошая дорога. Налаженное хозяйство леспромхоза. Постройки, штабеля бревен. Сын директора побежал к дому, а мы с Фельдманом потянулись за ним.

Приняли нас радушно. Я рассказал о детях в Телуше, на станции. Директор подробно объяснил, что напрямую любая машина увязнет, а за Березиной – уже немцы...

Помню, что мылись горячей водой, может быть, в бане. Директорский сын сразу пропал. Его отец затемно растормошил нас. Пора одеваться: на шоссе – танки. Коммунисты уходят в лес. Он тоже уходит. Вам, говорит, лучше пробираться к Могилеву. Дал еды и вывел на дорогу.

Раннее утро второго июля. В лесу сыро и холодно. Ночью лил дождь, а, может, выпала обильная роса. Идем бодро и, кажется, ничего не боимся.

Среди деревьев, поблизости от дороги – маленький танк, «танкетка». Люк открыт. Из башни – ствол пулемета. О минах – по тем временам – мы и понятия не имели. Ну и залезли внутрь. Тесно, душно. Затвор и прицел сняты. В коробках на стойке – патроны. Взяли с десяток, а то и побольше. А танкетку, сообразил я, бросили оттого, что кончилось горючее.

На шоссе, за деревьями – красноармейцы. Расстегнутые, распахнутые, без ремней. Злые, заросшие. Пилотки нахлобучены до ушей... Я показал патроны. Мне без охоты растолковали: которые с красной головкой – зажигательные, которые с черной – бронебойные.

В середине дня нас подобрала полуторка. Вместе с солдатами тряслись в кузове. Внезапно, как в будущем военном кино, крикнули «Воздух!», и мы разглядели немецких летчиков в шлемофонах с очками. Затверженный нами авиационный термин, прежде такой вдохновляющий – «бреющий полет», – обрел смысл. Резко и громко стучали пулеметы, сбывая нас начисто с лица земли.

Мы прыгнули через борт. Я упал под сосну, прижался к корням, царапаясь подбородком. В 5–10 метров взмывали вверх столбики пыли. Пули втыкались в землю. Стреляли в меня.

Потом все стихло. Грузовик уцелел, мотор завелся. Но проехали недалеко. Мост через речку Друть уже разбомбили.

Она неширокая, течет по оврагу с крутыми, почти вертикальными склонами; на колесах не спустишься. Мы с Фельдманом, поощряемые солдатами, перескочили по бревнышкам.

До Могилева – километров 20–25. Может, и меньше. К ночи 2 июля без особых приключений кое-как добрались. По предместью шагали военные – нормально одетые, с оружием и противогазами через плечо. Маршировали строем. Командир впереди или сбоку.

Нас задержала милиция. Потребовали документы.

Я говорю: так и так, какие документы в пионерском лагере? Мы 26-го бежали из-под Минска, ночью были в Бобруйске, а 27-го – в Щедрине. Как будто поверили. Но их насторожили патроны. Откуда? Зачем? А вдруг, говорю, понадобятся нашим бойцам... Все-таки повели в отделение.

Ожидался, я понял, немецкий десант, а поймали нас.

Записывая фамилию и, словно не глядя, поинтересовался сержант, как зовут моего отца. Давид Львович. А где работает? В госбанке на Советской. Толстый и маленький? Нет, обиделся я, высокий и тощий.

– А меня узнаешь? – улыбнулся сержант. – Я был охранником в банке на Советской. И тебя помню, и родителей.

Нас с Фельдманом отпустили. Дуйте, ребята, прямиком на станцию!

Мы прикорнули на скамейке в привокзальном скверике. Проснулись от холода. Под бледными летними звездами.

Был четверг, 3 июля 1941 года. По радио выступал Сталин.

ШВУЭС

Èëáí à Áððè

«Ùðè ðàçà á áãáó áíéæíí ï ðááíð à ò ù áíáí ï óæ:éíáí ò áíéí ï áðáá èéòíí Áéáíð áééíá...» (Øì íéñ 23:17)

«Í á:à ò íé ï áðáá ò íéíáíá ò áíéé çáí èé ï ðéíííé á Áíí Á-ííáá...» (Øì íéñ 23:19)

Í ò ï á:á ðò ð íéááí á á Èçðáèéá, à ó íáíá ÿ ò ïí áãá - 26 è 27 ï áÿ.

Ý ò ï ò ï ðàçáí èé èí áàð ÷ à ò ù ðá í á çáí éÿ.

1. ØÁÓÝÑ. Í ðíéííáè ò ï ò «Øááá»; í á èáðè ò á - «í áááéÿ». Í ù ï òí:é ò ù áááí ï áí ù í áááé ù ï ò Í áéíáçá áí Øáÿíá. Í áááá ù áá ðò è áðáá í áíÿíá í éá í áçáí éÿ ï í ï çáó:é ð íéíá «Øáááí» - («í áááéé») è «øááíí» - («ééÿ ò áí»). Í áðíá Èçðáèéÿ ï íééÿéíÿ èíí íéíÿ ò ù ðéçáí éÿ Øí ðí, ï íéó:áíí é ó áí ðí Ñéíáé, è èçó:à ò ù áá, áí ééáÿ á ï ï ùé áá çáí í áááé - Í ÁÁÑÁ ÁÁ-Í È Ø Í Á. Áíááí ò í éé æ á ï íééÿéíÿ í ééíáá í á çáí áíÿ ò ù è çáðáí í ù é Èí Èçðáèé ù áðááéí ï áðíáíí.

2. Í ðÀÇÁÍ ÈÈ ÁÁÐÍ ÁÁÍ ÈÈ ØÍ ÐÙ. Í í ï í:áí ó Ááðíáí éá à í á Í íéó:á í éá Øí ðí? Áá ï í ò ï ï á ÷ ò ï ï ðéíáí éá á áàð, ááðíáí éá ï ðíéííáè ò í áí á æ á ù, á ï ï ðááéáí í ù é ááí ù È ÿ ò í ááéí í í á:á ðéí ò ù

3. ØÁÁ Á-ÈÁ ÒÈÈ - «í ðàçáí èé æ á ò áí», ò í áí ò ù ï í ò ù ï ðéíáí éÿ ááó ðéáí á á Òðáí.

4 «ΙΔΑΨΑΙΕΕ ΑΕΕΘΒΕΙ». «Αεεοδεi» - «iαδαιεε» i iaiā oδiαy i iaiē cū ēē, ei o i o i a i dei i i nēēē aadaē a Ōdai, a i d a e a y i a i p a e a a a a d i i n o u A i i a i o i a i a N a a i a i e e e i o i o i a e e e i i i i a i e i a e a a i e y i, e i a i u a e o : o e a c a y c e i i a : a e a i a i a o u a a e e i o y i i i a a a o e a a o i a e i t e e a i o i : e i e. I i o i i e i a i i i y o e i i m a a o e a i a d a i i e i e f a u a e i f a d a a, e i a e o d a, a i a i a o a, i e e a o e i e e f a e e i e i n e e i o a i e o u e y : i a y i m a e d a e e e i o i o d a e y e e a Ōdai.

ΑΟΥΝ - i a e i e c o d a o i m i i a i u o i d a c a i e e f a I a i a a i a c a i e a «O a e i o d i a e e i» («O d e i i a e»). E a e e a i i a e? A a i a i i a e, a i d a c a i e e e.

ΙΑΕΝΑΘ i i a i e a a p o n d i a e a i e a i a a d a e n e i a i a d i a a e a d e n i e e t e, o a e e a e e i a i i a e a a a a a a d y a d e n i e e a c a e p : a i m p c m A i i a i o i e i.

ΟΑΟΥΝ o i i a i a e y p o a a o i e o a i, e i a a o d e i a a o d e e a o i e o i a e u : e e f a «a i q i a a p o» e o i d a I a e i o i o i a : e o a p o o a e a a o i d i o i, e a e e a i o i d.

ΝΟΕΕΙΝ i a i i e i a a o i o o i a i i a a i i a

Евреям заповедано пешком идти в Иерусалим в Храм три раза в году. Естественно, не с пустыми руками! В Швуэс хлеба жнут, а в Суккос их убирают с полей, где они сушились, в хранилища, так как в Израиле сразу после Суккос наступает период дождей.

ΕΑΙ ΟΙ ΟΑΟΥΝ

Прошло уже семь недель, считая от второго дня Пейсаха. Бабушка месит тесто. Пирог у нее воздушные, пышные, а какие сырники со сметаной, вареники с творогом! Блинчики, завернутые, как свиток «МЕГИЛАС РУТ», – пальчики оближешь. Может, будет и молочный суп с лапшой или с гречневой кашей.

Да, замечательно! Только детям молоко дают, чтобы косточки развивались и укреплялись! А в Швуэс – всем! Всем! Утром – только молочное. Сметана, ряженка, простокваша, сыры с дырками и без. На год наешься. До следующего Швуэса хватит. Потом молочные скатерти и посуда убираются. Через час заново накрываются столы, и начинается мясная трапеза.

Так почему же все-таки ранняя утренняя трапеза молочная?

Дело в том, что евреи вместе с ТОРОЙ получили и законы КАШРУСА.

В ТОРЕ, например, шесть раз повторяется запрет «берии». Слово пишется с маленькой буквы. Короче, «берии» – пауки, червяки, мушки, блошки и прочая мерзость. То есть муку надо просеивать, крупу перебирать, а зелень – просматривать и замачивать в соленой воде! Говорят, что в Израиле клубнику в шампуне купают. Как после этого ее глотать? Непонятно.

КАШРУС – очень ответственная вещь. Не все, оказывается, можно есть еврею. После получения Торы пришлось всю посуду пересмотреть, что-то прокипятить, что-то в огне прокалить, а от чего-то и вовсе отказаться. На все это нужно время. Есть хочется? Пожалуйста! Молочная трапеза. И какая!

Храма у нас временно нет, и не приносим мы в жертву первые плоды, но выпускаем Весну в свои дома, украшая их зеленью и цветами. А зачем?

ΝΕΙ ΑΕ

Рассказывает предание, что гора Синай, на которую взобрался Моше, была голая. Когда же происходило Дарование Торы, она покрылась ковром из цветов. У этой горы много названий. Дарование ТОРЫ вызвало зависть, ненависть, злобу других народов. «СИНА» – это «ненависть» на иврите, отсюда название горы Синай. И пустыня вокруг нее Синайская.

Я уже притащил зеленые ветки. Подсвечники на буфете так и сияют. Наверное, радуются, что скоро бабушка зажжет свечи. К ужину мы все нарядно оденемся и сядем к празднично накрытому столу.

ŃĚĐĚĀĀĚĚ

Бабушка мне рассказала, что в этот день Моше получил священные скрижали на горе Синай и заключил вечный союз еврейского народа с Б-гом. Поэтому дарование Торы в литературе называют Синайским Откровением.

Что же было написано на скрижалях?

На правой скрижали:

1. Я Г-сподь Б-г твой, который вывел тебя из земли Египетской.
2. Да не будет у тебя других богов, кроме Меня. Не поклоняйся идолам.
3. Не произноси имени Г-спода твоего попусту.
4. Помни день субботний и чти святость его.
5. Уважай отца твоего и мать твою.

На левой скрижали:

6. Не убивай.
7. Не прелюбодействуй.
8. Не кради.
9. Не произноси ложного свидетельства против ближнего твоего.
10. Не домогайся того, что принадлежит ближнему твоему. (Не завидуй.)

Евреям было дано 248 разрешающих и 365 запрещающих заповедей. Общее их число – 613.

יְעֹאֲבֹד

Чтобы получить Тору, Моше пришлось взобраться на седьмое небо. Вот небеса, которые он преодолел по пути.

1. Первое – самое тонкое. Занавеска, что растягивается на ночь.
2. Второе – РАКИЯ (небесный свод). На нем закреплены Солнце, Луна, созвездия. А еще там находится небесная ешива «Месивта де-Ракия».
3. Третье небо – ШЕХОКИМ (мельница). На этой мельнице делают муку для праведников. И на этой же мельнице стирают в пыль грешников.
4. Четвертое небо – ЗВУЛ (место обитания). На нем также стоит небесный Иерусалим. В нем находится небесный Храм.
5. Пятое небо – МАОЙН. Там ночами ангелы поют и славят Всевышнего.
6. Шестое небо – МАХОН (склад). В нем хранятся природные катаклизмы: град, дождь, ветер, ураганы, смерчи, тайфуны и прочее в том же роде.
7. Седьмое небо – ОРОВОЙС. Оно хранит человеческое счастье, высшую справедливость, сокровищницу жизни, мира и благословения, радость праведников, души не родившихся людей, росу для воскрешения мертвых, Престол Славы. Там обитают ангелы высшего порядка.

Когда Моше добрался до седьмого неба, ангелы возмутились:

– Что здесь делает человек?

– Пришел Тору получать, – ответил Творец.

– Как? Человеку Тору? Дай ее лучше нам!

– Ну-ка, Моше, ответь им!

– Я боюсь, они меня испепелят.

– А ты ухватись за мой Престол Славы и – вперед!

– Ангелы, у вас есть родители, которых надо уважать? Есть дурное начало, которое побуждает убивать и красть? Способны вы завидовать соседу, у которого дом выше или жена краше? Разве вас Всевышний вывел из Египта?

Посрамленные ангелы отступили.

Моше получил Тору и спустился к ожидавшему его народу.

דְּאִיאֵי עֹאִי אֵי עֵ דְאִיאֵי אֵי עֵ עֵ אֵ

Жили-были два мудреца – рабби Шамай и рабби Гилел. У каждого из них было множество учеников.

Как-то один человек пришел к рабби Шамаю и сказал:

– Я перейду в твою веру с условием, что ты научишь меня всей Торе, пока я буду стоять на одной ноге.

Рабби Шамай задохнулся от такой наглости, схватил палку и выгнал пришельца.

Потерев ушибленные бока, человек пошел к рабби Гилелу. Тот как раз вел урок. Упряма подвели к раввину.

– ???

– Я стану иудеем, если ты обучишь меня всей Торе, пока я стою на одной ноге.

Рабби Гилел рассмеялся, погладил белую шелковистую бороду длинными пальцами и произнес:

– НЕ ДЕЛАЙ ДРУГОМУ ТОГО, ЧЕГО НЕ ХОТЕЛ БЫ, ЧТОБЫ СДЕЛАЛИ ТЕБЕ.

Все остальное – комментарии. Садись и учи.

Вообще-то, евреи разводили овец. Поселившись в Израиле, они сменили, однако, скотоводство на земледелие. Швуэс праздновался в начале жатвы пшеницы. Из ее муки выпекали два прекрасных карава и торжественно несли их в Храм вместе с первыми плодами.

Говорят, евреи проспали дарование Торы, и Моше пришлось их будить. Поэтому есть обычай в ночь праздника не спать, а читать «Тикун Швуэс». Небеса раскрываются, и все молитвы достигают Б-га.

Еще я слышал от бабушки такой анекдот.

יִי־אֱלֹהֵי־עַ

Чтоб остальные народы не обиделись, Творец сначала предложил Тору им.

Пришел к Ишмаэлю. Тот спрашивает: «Что там написано? А, не воруй? Нет! Это не для меня». Подступил к Эйсаву: «Желаете Тору получить?» Тот в ответ опять содержанием интересуется: «Не убий? Да ведь мы разбоем живем, не можем Тору принять».

Так обошел Б-г семьдесят народов, пока до евреев добрался: «Хотите Тору обрести?» Те в ответ: «Бесплатно? Дайте две». Сказка ложь, да в ней намек... У нас, ведь, внучек, действительно две Торы: письменная и устная. А вот на пасхальном сейдере ты пел песенку «Дай, даейну...» Помнишь, что там говорится? Есть там такой куплет: «Если б ОН нас привел к горе Синай, но не дал бы нам ТОРУ, – нам и того было бы достаточно». Почему мы поем, что нам и этого было бы достаточно? Дело в том, что Швуэс – единственный момент в истории евреев, когда они были едины, абсолютно здоровы, любили друг друга и переживали высочайший духовный подъем. Какие у нас замечательные женщины! Эстер спасла еврейский народ в Пурим. Рут, моавитянка, принявшая Тору, стала соблюдать ее законы, как все евреи. Говорят, она была лишена обычных человеческих недостатков. Жила Рут так долго, что когда ее правнука Давида венчали на царство, она сидела в тронном зале, и к ней еще обращались за советами. А мы каждый Швуэс читаем «МЕГИЛАС РУТ». Рут не только обрела свое место среди израильтян, не только восприняла их веру и обычаи, но ее именем названа одна из книг Танаха. Она стала прародительницей мессианского рода. А вот от Орпы произошел Голиаф. Тот самый великан. Его все еврейское войско боялось. А Давид с ним боролся и победил. Как? Ведь Голиаф был закован в броню с головы до ног. А Давид вышел совершенно без доспехов. Просто! На то и а-идише коп – еврейская голова! Выстрелил этому великану в голову из рогатки. Попал в висок. Тот рухнул как подкошенный. А Давид подскочил да голиафовым же мечом голову врагу срубил. На том военная кампания и закончилась.

דָּוִד

В дни правления судей в городе хлеба Бейт-Лехеме, что в Иудее, в Израиле начался голод. Богачу Элимелеху надоело, что в его двери все время стучатся голодные с просьбами о помощи:

– Безобразие! Так же можно все раздать! Не обязан я вам всем помогать. Нанялся я вас кормить?

Забрал жену Наоми с двумя сыновьями и спустился в поля Моава. Климат не подошел что ли? Только очень быстро Элимелеха не стало. Женились сыновья на моавских царевнах. Видно, смерть отца их ничему не научила. Их тоже не стало... Остались три вдовы – Наоми и две ее невестки – Рут и Орпа.

Решила Наоми вернуться на родину. Обратилась к невесткам:

– Вы свободны. Возвращайтесь в дома отцов своих. А я вернусь в родную страну.

Орпа – на иврите «затылок». Старшая сноха заплакала, поцеловала свекровь, повернулась и пошла в отчий дом.

Рут решила по-другому:

– Куда ты пойдешь, туда пойду и я, где ты заночуешь, там и я заночую. Твой народ – это мой народ и твой Всесильный – это мой Всесильный. Где ты умрешь, там и я умру и там похоронена буду... Лишь смерть разлучит меня с тобою.

Пришли они в Израиль, в Бейт-Лехем, где у Наоми остались домик и поле. Люди ее не узнали, настолько она изменилась.

– Зовите меня теперь не Наоми – приятная, а Мара – горькая.

Были они как отверженные, нуждались настолько, что Наоми послала Рут подбирать колоски на чужих полях.

У евреев есть заповедь: оставлять углы и края поля не сжатыми. Всякий нуждающийся может прийти и собрать колоски, и никто их у него не отнимет. Желавших было предостаточно.

Рут, бывшая царевна, не могла расталкивать людей локтями и драться. Она воспользовалась другим еврейским обычаем.

Если идти за жнецами, то можно подбирать то, что они пропустили или уронили и забыли.

Случайно она попала на поле Боазы – дальнего родственника мужа Наоми. Рут отличалась большой скромностью.

Боаз узнал, что она – овдовевшая невестка Наоми, моавитянка. Он ее накормил и дал еще с собой еды для Наоми. Велел ей приходиться каждый день на его поле, где ее никто не обидит. Всю жатву Рут провела во владениях Боазы. Наоми сосватала Рут с Боазом. От него должен был пойти мессианский род.

И родила Рут сына Оведа. Он стал отцом Ишая, который был отцом Давида. Говорят, сама она жила долго и сидела в тронном зале Давида.

Вот род царя Давида:

Перец – Хецрон – Рам – Аминадав – Нахшон – Салма – БОАЗ – Овед – Ишая – ДАВИД – ШЛОМО.

Известно, что Давид очень хотел построить Храм, но удалось сделать это только его сыну Шломо. От Давида произойдет царь – Мошиах – наш избавитель, прихода которого мы ждем каждый день.

ÑÎ ÁÐÒÛ ÖÀÐÐ ÁÁÁÈÁÁ

Царь Давид родился и умер в праздник Швуэс.

Ему было известно, что он умрет в Субботу. Поэтому после каждого Шабоса, радуясь, что еще жив, он устраивал праздничную трапезу. И сегодня у нас после Авдолы есть «СЕУДАС МЕЛАВЕМАЛКА».

Царь Давид все время сидел и учился. Ангел смерти никак не мог к нему подступиться. Пришлось пойти на хитрость, спрятаться в ветвях дуба и учинить страшный шум. Удивленный Давид поднял голову от книги. Тут-то у него душу и забрали.

ÖÀÐÑËÀÐ ÁÎÎ × Û

Жил-был царь, и была у него дочь. Решил он ее замуж выдать. Однако царь никому до свадьбы невесту не показывал. Хочешь – женись не глядя, не хочешь – от ворот поворот.

Нашелся один смелый. Царю поклонился и говорит: «По рукам. Беру твою дочь!»

Закатали пир на весь мир. Проходит год. Прибегает зять к царю: «Давай опять свадьбу сыграем». Царь от удивления чуть корону с головы не уронил: «Зачем тебе это?» – «Государь-батюшка, я, когда женился, не знал, что получу такую красавицу, умницу, ладушку мою». Согласился царь, и пошло у них веселое застолье да танцы под оркестр. Больше всех зять старался – такого трепака задал, что подметки отлетели.

Так евреи Тору в ШВУЭС получили и читать начали, а потом на СИМХАС ТОЙРА последнюю главу изучать закончили – и в пляс ударились.

ÄÄDÄŦ ÖŦÄËÏ

В одном местечке хозяин винного погребка Мошке нанял двух работяг разгрузить телегу с бочками. Работнички были аховые. То перекур, то перекус, то отдохнуть надо – так целый день и прошел.

Под конец одну бочку уронили – вино и вылилось. Пришли за расчетом.

– Какие еще деньги! За бочку вина платите!

– Чем?

– Тулупы снимайте!

Сняли тулупы, а между собой толкуют:

– Это как же нам теперь быть? Целый день «пахали» и ничего не получили, а дома дети голодные. Да еще на улице как никак зима. Без одежды холодно.

– Пошли к раввину, пусть он рассудит.

Раввин вызвал Мошке и попросил рассказать, как дело было.

– Так и так. Вместо двух часов грузили бочки целый день. Потому как лодыри. И бочку с вином разбили. Вот я с них тулупы и удержал.

Потом раввин горемык выслушал и говорит:

– Мошке, верни одежду.

– Это что – Алоха, закон?

– Нет, это – ДЕРЕХ ТОВИМ – дорога праведных.

– А денежки? – влезая в рукава тулупа, встрял в разговор один из грузчиков. – Нам семью кормить надо!

– Мошке, – обратился к корчмарю раввин, – заплати им.

– Они же бочку с вином разбили, а я плати? Это что – Алоха?

– Нет, это – ДЕРЕХ ТОВИМ!

КНЯЗЬ ИЗ КУСИ

Ī ādēōī Ēāī āī

Ī ōīāīēēāīēā Ī ā:āēī ā¹ 5, 2004

VII

Напрасно ждали в Куси возвращения рабби Шимшона и Хаима. У тех, кто приезжал из Англии, стремились выведать все что только можно. Но о появлении на берегах Британии рабби Шимшона и его брата никто ничего не знал. Скоро всем стало ясно, что с путешественниками произошло несчастье. Деньги, которые рабби Шимшон оставил жене, через несколько месяцев подошли к концу. Жена Хаима тоже оказалась стеснена в средствах, потому что ее супруг почти все свое имущество обратил в деньги, а деньги увез с собой за море. Об оставленных семьях из милосердия заботились друзья и близкие; особенно много делал для них рабби Моше: с величайшей охотой, с искренней любовью взял он на попечение своих несчастных родственников. Впрочем, если его стараниями обе семьи и не бедствовали, не мучились от отсутствия самого необходимого, жизнь их все равно была полна разнообразных тягот. Человеческое сердце забывает лишь тех, кого скрывает земля; изматывающие душу метания между страхом и надеждой тяжелее самой горькой правды, и боль, рожденная неведением, не исчезает никогда.

Незаметно миновали два года, и о братьях стали уже говорить как о давно умерших. Снова и снова заходила речь о том, чтобы устроить поминки по пропавшим и произнести над ними последнюю молитву, однако рабби Моше не велел этого делать, поскольку наверняка о гибели братьев ничего не было известно.

Как-то теплым летним вечером обе несчастные женщины, жены исчезнувших братьев, сидели за рукоделием в саду, что раскинулся позади дома Хаима, а дети, жизнерадостность которых не могла омрачить даже печальная участь отцов, веселились, предаваясь шумным играм. Только Цaira, старшая дочь рабби Шимшона, сидела подле матери и помогала ей шить. Разговор незаметно свернул в привычную колею.

– Где-то он сейчас? – восклицала Дина, жена рабби Шимшона. – Где мой любимый муж? Наверное, морские рыбы уже доели то, что от него осталось, и косточки его белеют на каком-нибудь далеком берегу!

Она взяла платок, чтобы утереть слезы, заструившиеся при этих словах по ее щекам.

– Не плачь, мамочка, – сказала Цaira. – Что-то говорит мне, что наш любимый отец жив и вернется домой целым и невредимым.

– А у меня почти не осталось надежды, – покачала головой жена Хаима Сара. – Если они живы, где же они скитаются, бедняги, все это время? Вполне вероятно, что их захватили пираты и продали в рабство! Ужасная доля, она хуже смерти... Но послушайте, что это за шум на улице? Почему там кричат во весь голос? Ох, кажется, кто-то произнес имя моего мужа. Имя Хаима! Бежим, узнаем, что случилось!

Дрожа от волнения, женщины поспешили на улицу. Здесь уже собралась целая толпа. Сбежалось все население Куси. Перед домом стояла лошадь, запряженная в небольшую телегу.

– Хаим, Хаим, неужели это и вправду ты? – раздавалось со всех сторон. – Борух Мехе а-мейсим, хвала Воскрешающему мертвых!

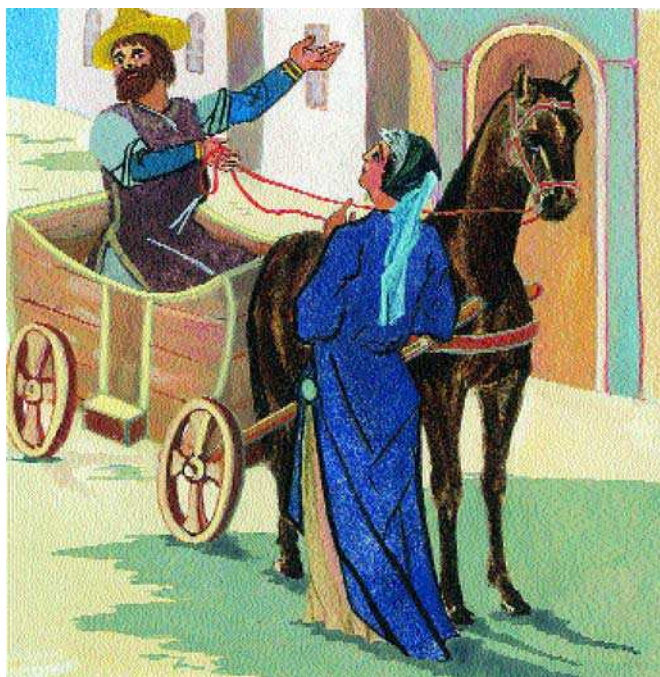
С телеги на землю действительно спрыгнул Хаим. Живой и веселый. Спрыгнул в ту самую секунду, когда в дверях дома появилась его жена.

– Сара! – возопил он. – Здорова ли ты, здоровы ли дети?

Сара хотела было броситься ему навстречу, но внезапно упала на землю, почти лишившись чувств.

Хаим подбежал, хотел поднять ее, но она не позволила.

Так велика была сила еврейского обычая даже в душе слабой женщины, что мужа, которого она считала мертвым и который чудом был ей возвращен, она не обняла и не расцеловала, ибо вспомнила в эту минуту о строгом предписании, запрещающем объятия.

Тут подспела Дина.

– Ты вернулся домой, деверь! – плача, воскликнула она. – Вернулся живым, невредимым... Но где рабби Шимшон, мой супруг?

– Рабби Шимшон, – многозначительным тоном отвечивал Хаим, – великодушный брат, лучший из людей. Ради меня, ради того, чтобы я мог вернуться к вам, он позволил продать себя в рабство. Наш корабль захватили морские разбойники, живущие в Африке. Нас обоих отвезли в Могадор, и могадорские евреи, конечно, хотели выкупить на свободу его, великого талмудиста. Они бы и меня выкупили, да у них не хватило денег для обоих. Тогда Шимшон, благороднейший и добрейший, не пожелал один воспользоваться свободой. Он попросил евреев Могадора освободить меня вместо него. Самого же его отправили в Александрию, на невольничий рынок.

– И ты, злосчастный, – в отчаянии вскричала Дина, – согласился на эту неслыханную жертву?! И могадорские евреи оказались настолько глупы, что выбросили драгоценный камень и подняли с земли булыжник? Неужели мой муж был настолько безжалостен к своей жене и детям, что похитил себя у нас только для того, чтобы спасти тебя?

– Странная женщина! – пожал плечами Хаим. – Ты не уразумела самого главного. Именно ради тебя и твоих детей мой великодушный брат принес эту и в самом деле неслыханную жертву. Он только затем помог освободить меня и послал сюда, чтоб вы смогли найти во мне кормильца и защитника. Ты ведь знаешь, что он никогда не умел ни торговать, ни зарабатывать деньги. Я стану заботиться о тебе и твоих детях так же, как и о своих собственных. Б-г уже благословил дело моих рук, и вместо того

имущества, которого меня лишил пират, я обрел на обратном пути другие ценности. Отныне вы будете жить в богатстве и изобилии. Время нужды и страданий минуло для вас навеки.

– Ах, – причитала Дина, – на что мне богатство и изобилие, если мой любимый супруг далеко и мысль о его печальной участи отравляет дни и часы мои? Как стану я вкушать лакомства, если буду знать, что он осужден есть хлеб раба, горше которого нет? О Шимшон, Шимшон, зачем ты так беспощадно поступил со мной? Почему не возвратился к жене, которая любит тебя больше жизни, к детям, которые скучают по тебе днем и ночью?! Хлеб с солью и земляные груши показались бы нам райской пищей, лишь бы ты был с нами! Чистая вода из колодца стала бы для нас слаще любого вина, если бы и ты пил эту живительную влагу! Но мысль о твоей жестокой участи наполняет наши хрустальные чаши слезами, а души – горечью. О, знать бы мне, где ты, я устремилась бы к тебе через бескрайние земли, через морские просторы, через пустыни и пески, чтобы только снова прижать тебя к своему сердцу и разделить с тобой тяжкую беду! Но где искать тебя, возлюбленный мой? Кому ведомо, какой жестокий человек купил тебя, мучает, бьет? В какие дебри Африки или Азии тебя увезли? Жестокий, ты послал домой брата, а себя у нас отнял! О, если бы мое сердце могло разорваться от боли и скорби!

– Не плачь, дорогая мама, – проговорила Цаира; в глазах у нее у самой стояли слезы. – Прошу тебя, не поддавайся отчаянию! Неужели несчастные твои дети должны в один и тот же день лишиться и матери, и отца?

– Увы, бедняжки мои! – вскричала Дина, продолжая горько рыдать. – Ваш отец ради своего брата забыл о вас!

– Если отец так поступил, – мягко возразила матери Цаира, – значит, он сделал то, что должен был сделать. Он такой мудрый, такой всепонимающий, такой Б-гобоязненный... Любой его поступок разумен и благороден. Конечно, свое решение он принял и осуществил не раньше, чем самым тщательным образом взвесил все «за» и «против». Он выбрал для себя единственно возможный путь. Ты же знаешь, что он не только добр, честен и человеколюбив, но и рассудителен. Ради нашего блага отправил он дядю домой, ради нашего блага избрал для себя страшный жребий. Мог ли он яснее дать нам понять, как сильно он нас любит? Будем же благодарны ему! Теперь, когда мы точно знаем, что он жив, что его не поглотила морская пучина, – а мы долго этого боялись, – нам следует еще более горячо, более искренно молиться Б-гу, дабы Тот спас его и вернул в родные края. Смотри, дядя с тетей уже пошли в дом, чтобы отец мог скорее прижать детей к груди. Не станем завидовать дорогим родственникам, обретшим счастье, нам следует просто от всего сердца радоваться за них. Когда-нибудь настанет день и наш отец тоже вернется! Будем же, вместо того чтобы предаваться отчаянию, утешать себя этой сладкой надеждой...

Все без исключения жители Куси, евреи и христиане, потянулись к дому Хаима, чтобы радостно приветствовать того, кто вернулся столь неожиданно, чтобы услышать рассказ о невероятных приключениях. Конечно, люди дружно дивились благородству рабби Шимшона, и восхищались, и славили его, и Хаим снова торжественно поклялся стать защитником и кормильцем для жены и детей любимого брата.

Он сдержал слово. Богатство, нажитое во время скитаний, позволило ему снова приняться за торговлю. Дела его шли успешнее, чем когда бы то ни было, и видно было, что на всем, за что бы он ни взялся, лежит благословение Б-жие. Миновало всего несколько лет, и Хаим стал самым богатым человеком в Куси. Он честно делился своими прибылями с семьей рабби Шимшона. Купил им красивый дом с большим садом и еженедельно приносил туда точно ту же сумму, какую давал на хозяйство собственной жене.

Однажды он сказал невестке:

– Семьсот драхм, которые мой брат велел уплатить за меня в Могадоре, принесли его семье неплохой доход.

– Что с того, – со вздохом отвечала Дина, – если семья лишилась отца и мужа?

– Разве я не оберегаю вас, разве не обеспечиваю вам достаток, какой рабби Шимшон никогда не смог бы обеспечить?

– Ах, если бы от него пришла хотя бы короткая весточка! Увы... Со дня твоего возвращения у нас больше нет о нем никаких известий.

– Послушай, невестка, пора наконец прекратить эти бесконечные жалобы! Какая польза от вечного нытья? Если Б-г судил, чтобы муж возвратился к тебе, значит, придет день и он вернется. Если же нет, – никакие слезы не вернут его назад. Давай лучше поговорим о более насущных вещах. О реальности. Я обещал быть вашим кормильцем и заботиться о вас, и я сдержал слово. Но я хочу сделать больше. Хочу, чтобы никто не смел сказать, будто Хаим отплатил брату неблагодарностью за его великую жертву. Цaira, твоя старшая дочь, выросла, ей идет уже семнадцатый год. Пора искать ей мужа; я намерен дать за ней такое же приданое, какое получают в свой час мои родные дочери. Дам столько, сколько дают за очень немногими еврейскими девушками – что во Франции, что в Лотарингии, что в Англии.

– Спасибо тебе, дорогой деверь, спасибо, что хочешь сдержать свое обещание. Может, ты уже и жениха приглядел для Цaиры?

– Конечно. Это молодой Абнер, юноша из хорошей и очень состоятельной семьи.

– Абнер? У него есть только один, но существенный недостаток – он не обучен Талмуду. На союз его со своей дочерью рабби Шимшон никогда не дал бы согласия.

– В принципе, ты наверное, права. Но у меня на сей счет свое мнение. У Цaиры должен быть муж, который сумеет содержать ее достойным образом. Соглашайся – и мы тут же сыграем свадьбу!

VIII

Первым среди учеников, которых рабби Шимшон оставил в Куси и поручил заботам своего свояка, рабби Моше, считался молодой человек по имени Ицхак. Родом он был из Германии. Его отец, рабби Моше по прозвищу «Ашкенази», рано умер; вскоре после этого мальчик лишился и матери. Родители оставили ему кое-какие деньги, прилежный юноша употребил их на то, чтобы целиком посвятить себя изучению Слова Б-жия. Для этого он сначала отправился в Майнц, желая воссесть там у ног рабейну Йозла а-Леви, знаменитого зятя еще более знаменитого рабби Элиезера бар Натана (Раавана), и черпать из источников жизни. Рабби Йозл вскорости умер, и юный Ицхак стал на какое-то время учеником сына и последователя своего прежнего учителя, рабби Элиезера, а потом отправился в Куси, чтобы там продолжить учебу в школе великого тосафиста рабби Шимшона. Рабби Шимшон с особой радостью принял его в число своих учеников, ибо сразу юноше суждено стать одним из светочей Израиля. Для него прежде всех других открыл он двери своего дома, его первым ввел в свою семью. Рабби уже тогда пришла в голову мысль, что он мог бы крепче привязать к себе способного юношу, отдав ему в жены Цaиру, свою старшую дочь. Именно из-за молодого Ицхака рабби Шимшону очень не хотелось плыть вместе с братом в Англию. Дина, зная о планах мужа, тоже отвела юному Ицхаку в своем сердце особое место и непрестанно заботилась о том, чтобы стать ему не только другом, но и второй матерью. Желание родителей Цaиры не было тайной для молодых людей, и Ицхак ничего так не хотел в жизни, как стать зятем своего любимого учителя. Цaире, в свою очередь, тоже нравился благородный, скромный юноша, которого столь высоко ценил ее отец. Так обстояли дела, когда Хаим неожиданно потребовал, чтобы Цaира стала женой богатого, но необразованного Абнера. Дина не отважилась напрямую перечить состоятельному, уверенному в себе деверю, взявшему ее и ее детей на иждивение, заменившему им отца. Она послушалась его, пошла и отозвала старшую дочь в сторону.

– Дитя мое любимое, – проговорила она с трудом. – Выслушай меня внимательно и спокойно. Ты уже взрослая девушка, тебе вскоре исполнится семнадцать. К несчастью, отца твоего нет с нами, он не может позаботиться о тебе, но дядя Хаим, с такой щедростью дающий нам деньги на жизнь, готов дать дочери брата и богатое приданое. Такое же точно, какое дал бы своему ребенку. Он поручил мне подготовить тебя к важному событию: скоро состоится твоя помолвка.

– Мамочка! – вспыхнув, отвечала девушка. – Разве мне необходимо именно сейчас выходить замуж? Подумай сама: я еще так молода! И как смогу я принять радость в свое сердце в пору, когда любимый отец далеко и вынужден влачить ужасный жребий? Жребий раба?

– Конечно, ты права, доченька моя дорогая. Мне тоже тяжело будет любое торжество в доме: глубокая печаль о горестной судьбе мужа день и ночь иссушает мою душу. Но кто знает, вернется ли он вообще когда-нибудь! А если Б-г будет так милостив, что вернет его нам, кому известно, когда это

случится, сколько лет осталось до этого дня? И что скажет отец, если спустя долгие годы придет и увидит, что ты не замужем? Горькими, но справедливыми упреками станет он осыпать и меня, несчастную, и своего брата! Нет, дитя мое, тем, что ты так глубоко погрузилась в скорбь и готова отказаться от свадьбы, ты только причинишь своему отцу лишнюю боль. Пусть он не с нами, но нам следует оставаться верными его наставлениям и поступать сообразно его воле. Ты ведь знаешь, до чего он благочестив и послушен Б-гу, – значит, и мы должны с тем же благочестием, с той же кротостью переносить горе, выпавшее нам на долю.

– А кого выбрал для меня дядя? – тихо, со страхом спросила Цаира, зардевшись, точно маков цвет.

– Богатого Абнера.

– Что? – в ужасе вскричала девушка. – Грубого, невежественного малого, который ничего другого не умеет, кроме как торговать и наживать деньги? Никогда в жизни, ни при каких, даже самых ужасных, обстоятельствах отец не дал бы согласия на то, чтобы я стала женой невежды!

– Я знаю, дитя мое, знаю. Но отец далеко, вместо него здесь твой дядя.

Цаира заплакала.

– Мамочка, – всхлипывая, говорила она, – я никогда не соглашусь выйти замуж за тупого, необразованного Абнера! Скажи сама, разве отец не мечтал выдать меня за другого? Разве неотесанного Абнера назначил мне в мужья? Я часто слышала, как хвалит, как превозносит он своего ученика Ицхака. То и дело он говорил, как счастлив будет человек, которому выпадет на долю назвать его своим зятем, и при этих словах его любящий взгляд с надеждой обращался на меня.

– А ты уверена, что Ицхак захочет жениться на тебе?

– Не знаю, – снова покраснев, отвечала Цаира, – но мне кажется, захочет.

Тут отворилась дверь, и в комнату вошел рабби Моше.

– Приветствую тебя, любезная невестка, – сказал он, – и тебя, милая племянница! Но в чем дело? Девочка, твои глаза красны от слез! Ты снова плакала об отце? Почему вы никак не хотите отдать себя на волю всемогущего Б-га?

– Дорогой зять, – отвечала Дина, придвигая стул рабби Моше, – наши сердца и вправду полны печали по проданному в рабство мужу и отцу, но слезы, которые только что пролила моя дочь, вызваны другим. Хаим хочет выдать Цаиру замуж за богатого Абнера, а она ни в какую не желает брать его в мужья.

– А почему, – спросил рабби Моше, – ты так противишься замужеству, Цаира? Наверно, всякая девушка мечтает о том, чтобы, выйдя замуж, занять красивый дом, изящную мебель, нарядные платья и богатые украшения!

– Скажи, дорогой дядя, – произнесла в ответ Цаира, – хотел бы ты отдать свою дочь богатому, но ограниченному мужчине? Обыкновенному невежде? Ам-а-орецу?

Рабби Моше рассмеялся.

– Так вот из-за чего ты гневаешься! Понятно. В таком случае я могу только похвалить тебя, дитя мое: ты достойная дочь своего великого отца. Стало быть, предложение, с которым я к тебе пришел, должно встретить у тебя сочувствие большее, нежели идея стать женой Абнера.

Видишь ли, Ицхак, бывший ученик рабби Шимшона, а теперь мой ученик, пришел и попросил замолвить за него словечко перед вами. Он получил письмо от своего дяди, богатого торговца, живущего в Вене. Венский раввин некоторое время назад умер, и дядя Ицхака, имея об учености племянника высокое мнение, что совершенно справедливо, просит его приехать в Вену, ибо надеется, что

община, познакомившись с ним, изберет его своим раввином. Дядя Ицхака, конечно, очень влиятельный человек, но и безотносительно к этому любая община в Израиле могла бы почтись за счастье получить такого раввина, как Ицхак. Юноша уже решил ехать. Однако прежде он жаждет выполнить самое сокровенное желание своего сердца... В общем, еще до отъезда хочет он назвать старшую дочь своего великого учителя, тебя, Цаира, своей женой.

В который раз лицо Цаиры покрылось краской. Из ее глаз снова потекли слезы, но на сей раз то были не слезы горя, а слезы счастья и радости.

– Ты плачешь, Цаира? – удивился рабби Моше, поняв поведение племянницы по-своему. – Но раз ты хочешь выйти замуж за талмид-хохома, то лучшего, чем Ицхак, тебе не найти!

– Моя дочь, – вмешалась Дина, ибо девушка не могла произнести ни слова, – плачет не потому, что хочет отказать Ицхаку. Она плачет от радости, что он сватается за нее. И я, и Цаира – мы обе почли бы за счастье, если бы эта помолвка состоялась. Прошу тебя, дорогой зять, поговори с Хаимом, попроси его отказаться от мысли отдать мою дочь невежде Абнеру. Пусть вместо этого он согласится на ее помолвку с Ицхаком.

– С радостью сделаю то, о чем ты просишь, Дина. Прямо отсюда я отправляюсь на поиски твоего зятя.

Моше охотно выполнил обещанное. Когда он вошел к Хаиму, тот, правда, приветствовал его довольно странным образом:

– Чему я обязан столь высокой честью? Сам знаменитый, сам великий и просвещенный рабби Моше посетил неученого, темного Хаима... По правде говоря, даже не припомню, когда мой дом последний раз удостаивался подобной милости!

– Ты прав, Хаим. Много дней прошло с тех пор, как я последний раз был у тебя, но тебе не стоит на это жаловаться. Все свое время я отдаю непрестанному изучению Торы, и это не позволяет мне ходить по гостям. Сегодня я пришел сюда только потому, что у меня к тебе очень серьезное дело.

– И чего же ты хочешь, мой господин? Твой слуга слушает тебя. Но сначала сядь.

Рабби Моше сел и, когда Хаим уселся напротив, начал:

– Я пришел по поводу дочери твоего брата рабби Шимшона. Ты знаешь его любимого ученика Ицхака. Его дядя хочет, чтобы Ицхак переехал в Вену, и возлагает надежды на то, что венская община предложит ему место раввина, ибо тамошний раввин недавно скончался. Но прежде Ицхак хотел бы обручиться с Цаирой, твоей племянницей.

– Он хотел бы? Ну и ну! В самом деле, отчего бы ему не хотеть? Этот человек не дурак, он знает, что таким приданым, какое я дам Цаире, могли бы похвастаться лишь самые богатые девушки во Франции. Он хитер, а я еще хитрее. Нет, дорогой мой рабби Моше, ничего из этого не выйдет.

– Да почему же?

– Почему, почему! Что у него есть, у этого Ашкенази, у твоего Ицхака? То немного, что досталось ему от родителей, он уже, наверно, почти истратил – здесь, в Куси, и раньше, в Майнце. Он не деловой человек. На какие же средства, по-твоему, думает он содержать жену? Ты говоришь, что в Вене его, наверно, выберут раввином. Может быть, выберут. А может, и не выберут. И что тогда? Что у него останется? Кроме того, разве общины платят своим раввинам столько, чтобы те могли на эти деньги жить, не зная забот? Нет уж, дудки. Я теперь Цаире вместо отца, я и распорядюсь судьбой девушки, как сочту нужным. Есть славный парень Абнер, это, как ни крути, самый богатый среди нас человек, и он уже посватался к Цаире. Ему в жены я ее и отдам.

– Я только что разговаривал со своей невесткой и ее дочерью. Дина разделяет твои намерения, девушка же решительно против помолвки с Абнером.

– Против? Ишь ты! Девушке, на которой женится Абнер, очень повезет: что может быть лучше, чем стать женой такого богача?! Если Цаира и дальше будет сопротивляться, я насильно сделаю ее счастливой.

– Насильно? Это тебе не удастся. Даже родную дочь нельзя заставить выйти замуж за того, кого она не любит. А уж чужую – тем более. К тому же ты должен выдать дочь рабби Шимшона только за человека, близкого ему по духу и устремлениям. Таково было условие. Он ведь никогда не отдал бы ее в жены ам-а-орецу. Разве не так? Ты и сам это превосходно понимаешь.

– Что такое ты говоришь! Из-за того, что Шимшон всю свою жизнь был дураком, я должен теперь принимать в расчет любые глупости, которые он мог бы совершить, будь он здесь? Должен признаться тебе еще кое в чем: для меня очень многое зависит от брака Цаиры с Абнером. Став ее мужем, Абнер тотчас делается моим компаньоном, а это значит, что я смогу распоряжаться его средствами как своими собственными. И вообще... Скажи, в ваши затхлые учебные классы доходят хоть какие-нибудь слухи о том, что творится в мире? Готовятся великие события: могущественнейшие владыки – немецкий император, старик Барбаросса, король Филипп Французский и король Генрих Английский, наш повелитель, – собираются вместе двинуться на Восток против султана Саладина, чтобы отобрать у него землю, некогда принадлежавшую нашим отцам. Уж об этом-то вы что-нибудь должны знать. Все пришло в движение. Герцоги, князья и графы снаряжают войска, желая участвовать в этом походе. Они за бесценку продают свое имущество, чтобы добыть необходимые средства, – им ведь кажется, что они смогут заполнить неслыханные сокровища Востока. Тот, у кого сейчас полно денег, кто готов покупать и продавать – а само время велит делать это, – имеет все шансы заработать неимоверные суммы. Конечно, я богат, но Абнер получил в наследство от отца значительно больше. Если мы объединим свои состояния, то наше богатство достигнет неслыханных размеров. Абнер рад стать моим компаньоном, но он выставил условие: сначала должна состояться его свадьба с Цаирой. Словом, рабби Моше, ты и сам понимаешь: у меня нет выбора. Даже если бы я и пожалел племянницу.

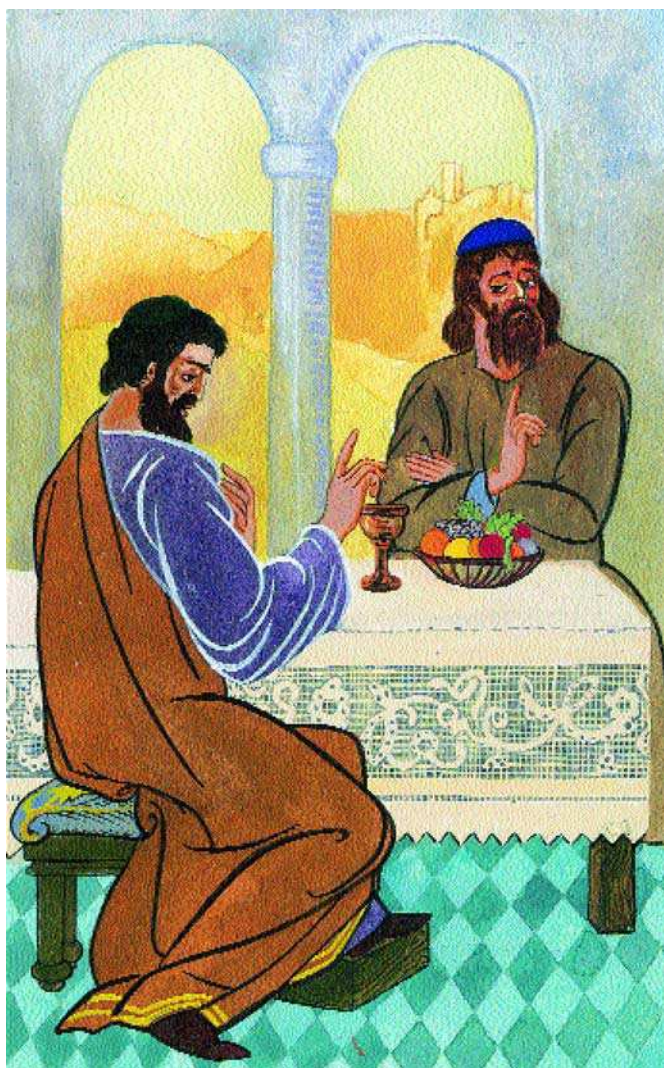
– Хаим, Хаим, неужели тебе не стыдно столь цинично признаваться в неумной страсти к деньгам? Ты собрался принести в жертву своим подлым, своим корыстным планам дочь человека, который ради тебя согласился стать рабом?

– Что ты такое говоришь, рабби Моше? Я хочу сделать свою племянницу несчастной? Да никогда в жизни! Напротив, я хочу ее осчастливить и для этого подыскал ей в мужья богатейшего человека. Что хорошего, если она выйдет за этого Ицхака, за Ашкенази? На ее долю выпадут голод и непрестанные заботы. Я же хочу видеть ее богатой, довольной жизнью, уважаемой женщиной. Разве может девушка мечтать о большем счастье?

– У тебя весьма странный взгляд на то, что есть счастье, а что – несчастье, Хаим. Для тебя счастье только в богатстве. Невозможно поверить, что ты и великодушный рабби Шимшон – родные братья! Я больше не стану тебя уговаривать. Там, где существует угроза твоим финансовым интересам, любые просьбы будут напрасны.

– Ты абсолютно прав. Скажи Ицхаку, пусть себе едет спокойно в Вену; если он не захочет сделать это добровольно, у меня достанет сил и средств выдворить его отсюда силой. Сеньор Рауль де Кузи, наш всемогущий повелитель, весьма благоволит ко мне. Он сам вскоре отправляется в Палестину и поручил мне закупить для него все необходимое. Словом, пусть этот Ицхак поостережется, и самое умное, что он может сделать, – это отправиться в дорогу. А ты больше не уговаривай меня. Цаира станет женой Абнера. Это мое последнее слово. Никто не сможет изменить мое решение.

– Ты страшно самоуверен. Но знай: в человеческом мозгу зреет множество планов, однако постоянной пребудет в мире лишь воля Б-жъя. Отец сирот, Покровитель вдов не отдаст близких рабби Шимшона тебе на поругание. Пешками в твоих недостойных руках они не станут.

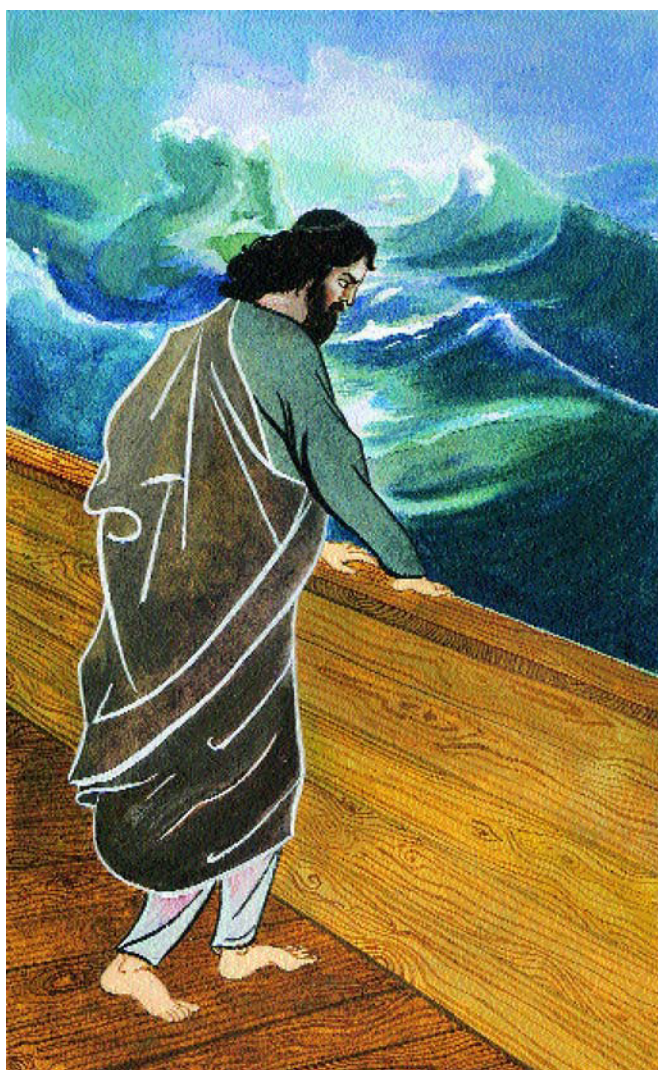
IX

Теперь, пожалуй, настал момент рассказать читателю, как жилось тем временем главному герою нашего повествования, рабби Шимшону. Долгие недели, проведенные пленником в трюме пиратского корабля, везшего его в Александрию, были ужасны. Запертый в тесном трюме, вместе с товарищами по несчастью, он страдал не только от нехватки свежего воздуха, но и от того, что приходилось есть один заплесневелый хлеб, запивая его затхлой водой; всякую прочую еду, которую давали узникам, он отвергал, дабы не нарушить предписаний Закона. Было у него, однако, и преимущество. Остальные его не имели: они страдали от неимоверной тоски и скуки и ничем не могли их разогнать. Рабби же Шимшон был до такой степени занят собственными мыслями, что, несмотря на страдания и бесчисленные лишения, дни текли для него незаметно. Собственная судьба, собственное рабское состояние дали ему повод поразмышлять над тем, как письменное и устные предания, как Тора, Мишна и Талмуд толкуют отношение рабов к хозяевам. Когда узников однажды вывели на палубу глотнуть свежего воздуха, незнакомая восточная оснастка пиратского корабля оживила память рабби Шимшона: он принялся вспоминать все, что говорится в Талмуде о корабельной оснастке. И всякий раз, занятый своими раздумьями, он не обращал внимания на то, о чем беседуют остальные. А это была огромная удача. Дело в том, что пленники, среди которых имелось несколько офицеров и множество матросов с захваченных судов, составили заговор. В удобный момент, например во время шторма, когда внимание команды будет всецело занято кораблем, они намеревались

освободиться от цепей, убить своих мучителей и овладеть судном, чтобы затем вернуться на нем обратно в Европу. Пираты, в свою очередь, подозревая, что нечто подобное может произойти, с самого начала разместили между пленниками своих людей в одежде рабов, так что обо всем сразу стало известно. В один прекрасный день главарь пиратов и несколько его приближенных в сопровождении матросов спустились в трюм. Зачинщиков заговора и тех, кто шумел больше других, схватили и на глазах товарищей удавили веревкой. А рабби Шимшона, который, по доносам шпионов, постоянно молчал, вел себя спокойно и не являлся с заговорщиками, освободили от цепей и позволили ему остаток пути беспрепятственно передвигаться по кораблю.

Странное чувство овладело нашим героем, когда путешествие подошло к концу и он ступил на египетскую землю.

На ту землю, где его предки некогда столько лет вкушали горький хлеб рабства. Где и ему была уготована страшная участь раба. Пристально, неотрывно взирал он на пирамиды, которые в далекие времена пришлось строить его праотцам, подгоняемым бичами надсмотрщиков-египтян!

Судовладелец, крупный морской разбойник, передал всех пленников работорговцу; тот незамедлительно переправил их в Александрию. Это город, основанный в далекие времена Александром Македонским, тоже сыграл в истории еврейского народа немаловажную роль. В начале царствования Птолемея Палестина была одной из провинций Египта; Александрия стала в ту пору центром политической жизни еврейского государства, управлявшегося иудейскими первосвященниками. Здесь по

приказу одного из Птолемеев семьдесят старейшин впервые перевели Библию на чужой язык – язык греков. Здесь был воздвигнут храм Онии; Ония, первосвященник в изгнании, выстроил его по образцу Иерусалимского храма. Позднее здесь вознесся к небу купол знаменитой синагоги, и, несмотря на бесчисленные гонения, Б-г сохранил и защитил живущих в городе сыновей Израиля. И теперь еще в Александрии благоденствовала большая и состоятельная еврейская община. С великой радостью передал бы рабби Шимшон здешним братьям по вере весточку о себе. Они, конечно, выкупили бы его – им только нужно было узнать, что он попал в их город. Но работорговец не позволил пленному еврею встретиться с единоверцами. В ту пору был особенно велик спрос на рабов, на сильных и усердных работников, и торговец спешил переправить весь свой товар прямо на базар.

В силах ли ты, дорогой читатель, представить себе зрелище более печальное, чем невольничий рынок? Люди, которые созданы по образу и подобию Б-жьему, тут всего-навсего товар, выставленный на продажу. Подолгу стоят они плечом к плечу длинными рядами – мужчины и женщины, юноши и девушки, мальчики и девочки. Эти несчастные в большинстве своем вовсе не рождены рабами: их похитили разбойники и свезли сюда скопом, смешав все сословия. Дочь князя и дочь нищего купит подчас один хозяин и нищенку, быть может, возведет в ранг законной супруги, а князю делает служанкой. Некогда богатый купец, крепкий, мускулистый, способный, кажется, совладать с самой тяжелой работой, должен впрячься в мельничное колесо, изо дня в день выполняя однообразное, убивающее живую душу дело. А вот его бывшего писца, вместе с ним попавшего в руки разбойников, получит в обладание какой-нибудь паша или эмир, и тот служит секретарем, и жизнь его сравнительно легка и приятна. Хуже всего в этой ситуации обычно приходится миловидным, хорошо сложенным юношам. На Востоке, особенно в Египте, где распространено многоженство, бедному человеку редко хватает средств на то, чтобы позволить себе такую роскошь, как гарем или даже одна-единственная жена. И он покупает юношу-раба, которого использует не только для работы, но и для самых что ни на есть мерзких дел!

На этом самом невольничьем рынке стоял теперь рабби Шимшон – там, где рядами выставлены были для продажи рабы и рабыни. Все совершалось по заведенной традиции. С разных сторон подходят покупатели, смотрят, щупают предложенный товар, спорят из-за цены. Каждый обязан показать, что он умеет. Девочки должны танцевать и бить в бубен, женщины – рассказывать, что способны делать по хозяйству. Прямо здесь же, на рынке, стоят приспособления, на которых им велят прясть и шить. Мужчины перечисляют ремесла, какими владеют, и в построенных тут же, прямо на рынке, мастерских их заставляют строгать, кроить, тачать обувь, копать, делать чертежи и совершать разные другие вещи в том же роде. Многих рабов уже успели купить, когда к группе, в которой стоял рабби Шимшон, приблизился знатный господин в сопровождении многочисленных слуг. Торговец приветствовал его самым почтительным образом: прижал руки к груди и склонился почти до земли. Потом обратился к нему с подобострастнейшим выражением на физиономии:

– Что прикажет мой всемилостивейший господин, эмир Саид? Хвала Всевышнему, Он осчастливил меня возможностью предложить тебе свой товар. Не велишь ли отобрать девушек для твоего гарема – скажем, уроженок Кавказских гор, прекрасных, словно гурии Пророка? Нигде больше ты не купишь таких красавиц задешево. Только у меня. Да благословит тебя Пророк, могущественнейший эмир, за то, что ты направил ко мне свои стопы. Поверь, я угожу тебе, как никогда еще слуга не умел угодить господину: все самое лучшее, самое необыкновенное ты найдешь у меня, и к тому же по самой низкой цене. А может быть, ты захочешь...

– Замолчи, старый болтун! Стой и жди, что я прикажу, – прикрикнул на него эмир и с величавом спокойствием устремил взор на выставленных для продажи рабов. Взгляд его задержался на рабби Шимшоне.

– Как тебя зовут? – спросил он.

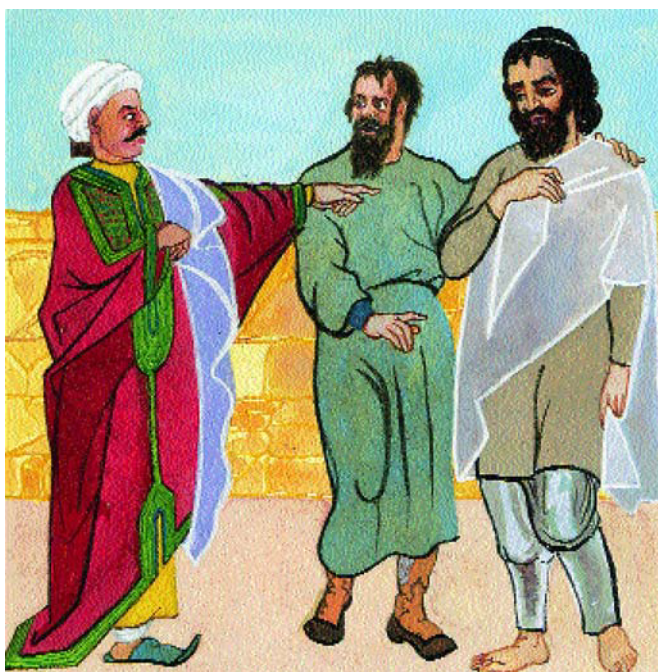
– Шимшон, – ответил рабби.

– Ты еврей?

– Мой господин мудр и правильно угадал.

– Ты владеешь каким-нибудь ремеслом?

- Твой слуга никогда не учился никакому ремеслу.
- Должно быть, ты, как то в обычае у твоих братьев, занимался торговлей?
- Твой слуга изучал Писание.
- Как ты попал в плен?
- Я сопровождал брата, торгового человека, в поездке по морю. Наш корабль захватили пираты.
- Куда же делся твой брат?
- Наши единоверцы в Могадоре, что на африканском берегу, отдали за него выкуп и отправили на родину.
- А почему они не выкупили на свободу и тебя вместе с ним?
- Они были слишком бедны, чтобы освободить нас обоих.
- Почему же они не предпочли освободить тебя, ведь ты ученый?
- Я сам попросил предпочесть мне брата, чтобы дома он мог кормить свою семью и мою.
- Ты великодушный человек. Тебе было бы хорошо у меня. Но мне не нужен ученый, мне нужен садовник, который бы содержал в порядке сад позади дворца, подаренного мне султаном Саладином. Впрочем, ты крепок и, пожалуй, смог бы научиться держать лопату.
- Конечно, конечно, – поддакнул работорговец, – ты только взгляни, какое чудесное телосложение...
- Молчи, старый болтун, – снова оборвал его эмир, – и не открывай рот раньше, чем я о чем-нибудь спрошу! Сколько запросил пират за твое освобождение, Шимшон?
- Всемиловейший господин! – завопил торговец. – Три тысячи драхм за такого раба...
- Молчи, несчастный, или моя палка пройдет по твоей спине! Отвечай мне, Шимшон.
- Пират просил тысячу драхм, всемиловейший господин.
- Тысячу драхм! И ты, несчастный торговец рабами, смеешь требовать три?
- Но, благороднейший господин, – засуетился продавец, – как можно теперешнюю цену сравнивать с той, которую назначил его хозяин в Могадоре? Ты не подумал о долге и дорогостоящем путешествии по морю, которое этот раб проделал на средства своего хозяина, обо всех тех обедах, которые он съел, обо всех напитках, которые выпил! Многих рабов по дороге унесла смерть, Кроме того, на корабле поднялся бунт и зачинщиков пришлось умертвить. Все это несказанно увеличило цену оставшихся.
- И все же, – подумав, сказал эмир, – цена в три тысячи драхм бессовестно высока. Я заплачу тебе две. Молчи! Ни слова! Мало тебе этих денег – я повернусь и пойду искать себе другого раба. Сам посмотришь, захочет ли кто-то дать больше за человека, который не сведущ ни в одном ремесле и не владеет никаким искусством. Ну что, согласен?
- А что мне остается? Если мой всемиловейший господин приказывает, долг слуги – повиноваться. Бери своего раба, пусть он принесет тебе радость.

После этих слов эмир велел одному из своих спутников отсчитать торговцу нужную сумму. Когда деньги были заплачены, он сказал Шимшону:

– Иди за мной. Отныне я твой господин. Я – эмир Саид, слуга могущественного и славного султана Саладина. Мой повелитель подарил мне дворец в Леванте – с садами и виноградниками, пашнями и лугами, полем и лесом. На днях я со своими женами и детьми, слугами и служанками отправлюсь туда, и ты тоже будешь сопровождать меня. Ты увидишь страну своих отцов, Шимшон.

Правый Б-же! Страна отцов, страна Израиля! Рабби Шимшону предстояло ступить на ее священную землю, познать радость слез, пролитых в святых местах – там, где высился Храм Г-сподень, где красовалась твердыня Давидова, где, велик и могуч, стоял некогда Израиль! Словом, предстояло исполниться самому горячему желанию сердца Шимшона. Но не так, как он мечтал и надеялся. Не под победными знаменами освободителей, вольным и счастливым человеком, не в сопровождении жены и детей, друзей и родственников, соратников и учеников выпало ему вступить в Землю обетованную, дабы помочь поднять из руин города Израиля. Как раб, как подневольный слуга, собственность инородца должен был войти он в пределы страны, что стала для него страной изгнания, тогда как родина осталась далеко на Западе, где жили все те, кого он любил! Что за горестный, что за обидный жребий – так страстно желать чего-то, а потом, когда желание исполнилось, оплакивать свершившееся как величайшее несчастье! Рабби Шимшон глубоко вздохнул, услышав слова своего нового господина. Глаза его наполнились слезами, тоска наполнила душу, невыразимая боль пронзила сердце, и рабби Шимшону захотелось умереть. Но лишь на мгновение. Потом он снова овладел собой, поднял глаза к небу и произнес: «Да свершится Г-споди, воля твоя!»

Ж

Ко времени, о котором мы повествуем, исполнилось примерно сто лет с тех пор, как первые крестоносцы завоевали Святую землю. Потом состоялись второй и третий Крестовый походы, не считая множества менее значительных войн – таких, например, как морская военная экспедиция герцога Генриха Льва, целью которой было расширение завоеванных земель в Палестине. Теперь же Палестина снова целиком перешла в руки мусульман. Саладин, могущественный, славный своей доблестью султан Египта, шаг за шагом с победами продвигался вглубь страны, пока в 1188 году не нанес христианам сокрушительное поражение при Тивериаде и снова не завладел Иерусалимом. В Европе эти события привели одновременно к небывалому оживлению и ужасному замешательству. Богатейшие торговые города побережья Средиземного моря, особенно на юге Франции и в Италии, жили теперь в страхе за свое благополучие, основанное на беспрепятственном сообщении с Востоком.

Европейцы в общем-то не собирались сидеть сложа руки, когда на Востоке творились такие дела. Папа Луций II направил послание самым могущественным правителям Запада, и иерусалимский

патриарх Ираклий повез его из города в город, от одного европейского двора к другому. Генрих II, король Англии, герцог Нормандии, призвал в Лондон своих князей, графов и баронов. Туда же прибыл и Вильгельм, король Шотландии, и его сын Давид. После того как правители Англии во главе с королем и его сыном и наследником, графом Ричардом де Пуату, позднее прозванным Ричардом Львиное Сердце, подняли крест, короли Англии и Франции в окружении высшей знати обоих государств договорились о встрече под знаменитым вязом на равнине между селениями Жизор и Три, на границе Нормандии и Франции. Под этим гигантским вязом, чья ветвистая крона бросала густую тень далеко вокруг, герцоги Нормандии, еще до того как завоевать Англию, нередко съезжались с королями Франции, которым платили дань. Встреча состоялась, папские послы произнесли пламенные речи, и король Франции, а вместе с ним почти все герцоги, графы и рыцари его огромной страны последовали примеру англичан и норманнов, подняв крест высоко в небо.

На севере Европы, в Дании и Фрисландии, усилия епископов, призывавших к Крестовому походу, тоже увенчались успехом. И Германия не осталась в одиночестве. Хотя самый могущественный правитель Запада, старший в династии Гогенштауфен, император Фридрих Барбаросса и отказался принять решение на всеобщем съезде в Страсбурге, он все-таки назначил на середину поста День Надежды Господней в Майнце. Там собрались почти все духовные князья, все крупнейшие аристократы, все владыки Германии и вместе решили примкнуть к Крестовому походу. Во главе его встали император и его сын, герцог Фридрих Швабский. Три самых могущественных правителя в мире, командовавшие весьма внушительными армиями, собрались в путь на Восток отвоевывать Палестину. Повсюду шли грандиозные приготовления. Всем крестоносцам списывались долги. Кроме того, им было позволено заложить недвижимость, дабы приобрести все необходимое для похода. Чтобы и самые бедные получили возможность участвовать в походе, одновременно была придумана так называемая «Саладинова десятина». Всякий, кто не желал отправляться в поход, должен был за это отдать десятую часть принадлежащего ему имущества. Десятину обязаны были платить и евреи, предоставляя крестоносцам средства, с помощью которых последние потом могли преследовать и мучить исповедующих единственного Б-га. Всякого, кто сопротивлялся и не хотел отдавать «Саладинову десятину» или приуменьшал реальные размеры своего имущества, заковывали в цепи и держали в темнице до тех пор, пока он не платил столько, сколько требовалось. Был объявлен «Б-жественный мир», и любые распри внутри лагеря строжайше запрещались.

Когда же короли Франции и Англии заставили своих подданных благодаря «Саладиновой десятине» уплатить в казну огромные суммы, то деньги они употребили на то, чтобы в обход объявленного «Б-жественного мира» вступить между собой в самую ожесточенную борьбу. Города и деревни обращались в пепел, женщин насиловали, пленным выкалывали глаза, частенько их также осклапывали или убивали. С победителем, королем Франции, объединились сыновья английского короля, чтобы вместе вести войну против родного отца. Город Ле Ман, который, как заверял король Генрих, находился под особым его покровительством, потому что он там родился и потому что в этом городе, покоился прах его отца, теперь был трусливо брошен его величеством на произвол судьбы и достался врагам, сделавшись добычей пламени. Война закончилась только тогда, когда английский король, покинутый почти всеми своими вассалами, полностью лишился сил к сопротивлению. Вскоре после заключения мирного договора, весьма унижительного для Англии, он умер. Таковы были вдохновенные воины Христовы. Не любовь к своей вере вела их на Восток, а желание грабить, убивать и жажда приключений.

Пока в Европе происходили описанные события, султан Саладин с величайшей тщательностью и мудрой осторожностью совершал свои приготовления. Он щедро награждал несколько заслуженных военачальников, чтобы тем самым прочнее привязать их к себе. Среди них был и эмир Саид, купивший на рынке в Александрии рабби Шимшона. Султан подарил Саиду укрепленный замок в Леванте с многочисленными угодьями – полями, пашнями, лесами и виноградниками. И вот теперь эмир в сопровождении жен, слуг и детей направлялся туда, куда должен был следовать за ним и рабби Шимшон. Когда в Яффе рабби сошел с корабля и впервые ступил ногой на Святую землю, он пал ниц, поцеловал священную пыль и горько заплакал. Потом поднялся, разодрал на себе одежды сверху донизу и произнес голосом, глухим от слез: «Хвала Тебе, Вечный наш Б-г, Царь мира, Судья праведный». Он прошел вместе со свитой своего господина через всю землю Израиля, видел руины там, где когда-то на священных местах высились здания, и не раз еще раздирал на себе одежды и повторял хвалы Б-гу. «Ах, – говорил он себе, – вот какова она, земля моих отцов, прекраснейшая среди земель! За то, чтобы обладать этой маленькой страной, и сегодня сражаются друг с другом самые могущественные народы, как сражались они тысячи лет назад. В спор за нее вступили между собой некогда уже первые потомки Ноя, сыновья Сима (им эта земля досталась в наследство) и сыновья Хама, жаждавшие сделать ее своей. Стоило одному из народов возвыситься и обрести могущество, как он прежде всего стремился овладеть священной землей Израиля. Когда ассирийские цари захватили власть над миром, половину этой земли

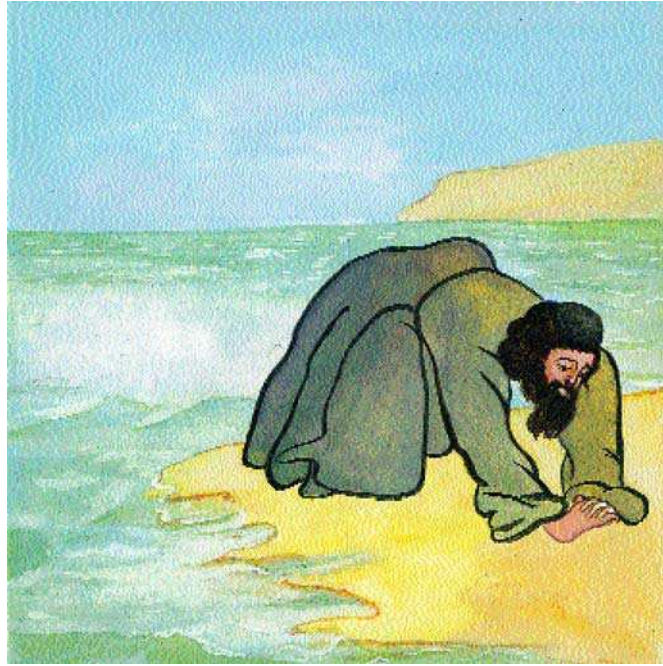
подчинили они себе, в борьбе за вторую половину силы их иссякли. Навуходоносор, правитель Вавилона, воздвиг трон на руинах стольких стран; однако сначала ему пришлось покорить Египет, боровшийся с ним за обладание землей евреев. Персы, мидийцы и греки ничего так не желали, как распространить свою власть на благодатную землю Израиля. После распада империи великого Александра, царя македонян, Иудея неизменно оставалась наградой; за право обладания ею сошлись в битве Птолемеи и Селевкиды. Могущественный Рим, диктовавший всему миру свою волю, посылал сюда лучших своих полководцев, пока Иерусалим не превратился в развалины и дом нашего Б-га не стал грудой мусора. Так и теперь великие народы не жалеют сил, спорят за нашу землю. Эта земля! Вот она простирается вдоль моря, простирается между тремя континентами – Азией, Африкой и Европой. Эта земля, с ее могучими горами, полноводными реками, плодородными равнинами, густыми лесами... Какой невыразимо прекрасной, должно быть, лежала она под небом в те дни, когда здесь жили наши праотцы, когда повсюду виднелись многолюдные города и цветущие деревни, и бесчисленные стада паслись на зеленых пастбищах, и живительное молоко текло из тугих сосцов темноглазых коров, и финиковая пальма и смоковница вместе бок о бок росли в лесу, устремляя к небу свои вершины. Сочные плоды их лопались, и сладкий сок капал на землю во исполнение слов Священного Писания, гласящих: “Земля, где текут молоко и мед”! Без забот и печалей, без больших усилий, без тяжкого труда обрабатывали мои предки эту чудесную землю. Как великолепно, должно быть, она выглядела, когда толпы людские собирались у стен иерусалимских, дабы явиться на великий праздник пред лицо Всемогущего! Какой благодатной, должно быть, она была и тогда, когда зажиточные хозяева на ослах, груженных тяжелой кладью, везли в Иерусалим первый урожай или вторую десятину! Несказанно хороша была она, наверное, когда сотни тысяч людей собирались в преддверии Храма на Пейсах, чтобы приготовить пасхальную жертву, а при входе в Храм рядами стояли священники, собирая в серебряные и золотые сосуды кровь, которой предназначалось окропить алтарь! Какой прекрасной, думается мне, была она в Судный день, когда первосвященник, в окружении великого множества истово молящихся людей, называл непроносимое в иных случаях имя Б-жие, принося пред лицом Б-га священные жертвы. И тогда красная нить делалась снежно-белой – в знак того, что Всевышний прощает своему народу грехи! Какой волшебной, вероятно, казалась земля эта всякому, когда каждый год, в пятнадцатый день месяца Ава, дочери иерусалимские в белых одеждах выходили на горы, покрытые виноградниками, чтобы там предаться радостным и невинным играм пред лицом Б-жиим! Какой прекрасной, без сомнения, она была и во время праздника водочерпания, когда пламя радости освещало город Иерусалим, а старцы и юноши соревновались, стараясь превзойти друг друга, и всеобщее ликование было так велико, что никому и в голову не приходило отправиться спать! Б-же! Б-же! И все это великолепии в прошлом! Из-за грехов своих мы потеряли эту чудесную землю, и сыны Израилевы едят на чужбине горький хлеб изгнания. Мы рассеяны по всему миру, и отныне наш удел – нужда и страдание!»

Рабби Шимшон опустил на камень, лежавший у дороги, покрыл голову и снова зарыдал во весь голос.

Тут подъехала к нему Фатима, единственная дочь его господина, и спросила с выражением искреннего участия в голосе:

– Почему ты плачешь, чужеземец? Ты, наверное, оставил на родине, в далекой Франции, любимую жену и детей и сердце твое разрывается от тоски по ним?

– Да, конечно, – отвечал ей рабби. – Дома остались у меня любимая жена и дорогие сердцу дети. Разумеется, сердце мое тоскует по ним, а глаза наполняются слезами каждый раз, когда я в неизбежной тоске своей о них вспоминаю! Но сейчас причина в другом. Эта земля – земля моих отцов. Из-за наших грехов изгнал нас Б-г отсюда. Вот какая мысль тяготит мое сердце и заставляет лить слезы.

– Ты иудей?

– Да, великодушная госпожа, я принадлежу к народу, которого Б-г избрал среди всех народов земли, чтобы он был его святым народом. Но мы... Мы согрешили, и Б-жья кара постигла нас, как не постигала ни один другой народ земли.

– А почему ты не разорвешь узы, связывающие тебя с этим народом, почему не примкнешь к тем, кто исповедует учение Пророка? Тогда мой отец, конечно же, сразу бы даровал тебе свободу.

– Не говори так, великодушная госпожа. Даже в несчастье Израиль все равно остается Б-гоизбранным народом. Учение, которое Он нам дал, заповеди, которыми одарил своих детей, поднимают нас высоко над житейскими бедами, позволяют легко переносить любые невзгоды. Мы все равно остаемся Его народом, овцами Его стада. Придет час, и Б-г пошлет нам искупителя; настанет день, когда Он со всех концов земли снова соберет нас вместе! Тогда мы опять будем первейшими среди других народов. Нам только нужно не отступать от служения нашему Б-гу.

С того дня дочь эмира Саида стала часто и подолгу беседовать с рабом своего отца, рожденным в земле франков, а эмир, любивший единственную дочь больше всего на свете, даже больше своих сыновей, позволял Фатиме делать все, что ее душе угодно.

Они добрались наконец до нового владения эмира – до замка в Леванте. Саид принялся обустроить жилье. Сад поручили заботам раба из Франции. Эмир Саид сдержал слово. Рабби Шимшону было у него хорошо. Работой его не перегружали, по субботам он волен был отдыхать; вообще никаких препятствий ему не чинили, и он спокойно мог исполнять все, что предписывала ему религия. Никому не казалось странным, что Фатима часто и подолгу бывала в саду: она ведь очень любила цветы, и родные это знали. Однако рабби Шимшон, к величайшему своему ужасу, замечал, что единственная дочь его господина почти открыто выделяет его из толпы слуг эмира. Он по возможности избегал встречаться с ней. Но это было не так-то просто. Обитатели замка по первому знаку должны были со всех ног бросаться исполнять малейшие ее желания.

XI

Однажды эмир велел своему еврейскому рабу прийти в его покои.

– Шимшон, – сказал он, – за то короткое время, что ты у меня служишь, я успел тебя полюбить.

– Всемилостивейший повелитель, – ответил рабби, – ты слишком добр к своему слуге. Если уж Б-г обрек меня на то, чтобы жить рабом вдали от родины, то я не устаю благодарить Его за то, что Он предал меня в руки такого доброго господина.

– А почему я должен плохо обращаться с тобой? Ты ведь служишь мне верой и правдой. Но у меня есть для тебя кое-что и получше. Если ты будешь послушен мне, то я отпущу тебя на свободу.

– Как, – вскричал обрадованный рабби Шимшон, – ты согласишься так поступить, ты вернешь мне свободу и позволишь вернуться к жене и детям?!

– А вернись ты и в самом деле в страну франков, какая судьба ждет тебя там?

– Я стану снова жить вместе с теми, кого люблю, я снова без помех смогу предаться изучению Торы.

– Тогда ты останешься, как и был, бедным человеком, получающим скудное содержание из рук своего брата.

– Мне и не надо большего, милостивейший господин! Послушай, что говорят об этом наши мудрецы: «Ешь хлеб с солью, запивая его водой, спи на земле и веди жизнь, полную трудов, изучая Тору. Если ты будешь так жить, то будешь счастлив и благополучен, счастлив в этом мире и благополучен после смерти». Вот каков путь Торы.

– То, что ваши мудрецы за такую скудную, полуголодную жизнь сулят вам в будущем улады рая, это я очень даже могу понять. Но мне, честное слово, кажется слишком суровым, что для счастья в этом мире они предлагают тебе всего лишь хлеб, соль, воду и земляную постель,

– Милостивейший господин, это изречение наших мудрецов так же справедливо, как и все, чему они учат. Удовольствия земного мира суетны и ничтожны. Участь богача кажется бедняку куда как завидной, но стоит ему самому разбогатеть, и он весьма скоро делается равнодушен ко всему, чего еще вчера так страстно желал. Если мне необходимо утолить голод, то не все ли равно – будет то скудная пища или самые изысканные яства? А кроме того не забудь, что вкусная, возбуждающая аппетит еда, да еще в избытке, намного вреднее для здоровья, чем самая обыкновенная, простая и даже грубая пища. Разве усталый труженик после тяжелого дня не спит на голой земле крепче и слаще, чем ленивый богач, от пышного ложа которого так часто бежит сон?

– Я вижу, тебя не привлекает то, к чему стремится большинство людей. И все же я надеюсь, что ты примешь мое предложение.

– Говори, мой господин, твой слуга слушает тебя.

– Видишь ли, Шимшон, Фатиму, свою единственную дочь, я люблю много больше, нежели других своих детей. Ее мать, которую я когда-то тоже искренне и горячо любил, рано умерла, и девочка – единственная память, оставшаяся мне о ней. Нежность моя к этому ребенку всегда, пожалуй, выражалась сильнее, чем следовало бы. Наверное, это не пошло Фатиме на пользу. Никогда и ни в чем не противоречил я ее желаниям. Вчера за нее посватался один богатый и знатный молодой эмир. Тогда она со слезами призналась мне, что любит тебя, Шимшон, и что хотела бы стать твоей женой. Признаюсь, мне не так уж легко исполнить ее желание и возвысить до ранга зятя Саида бывшего своего раба. Но я ценю в тебе возвышенную душу и благородное сердце. Прими религию Магомета, и тогда уже сегодня я отпущу тебя на волю и представлю султану Саладину, который умеет ценить людей, наделенных таким умом и такими дарованиями, как у тебя. Пройдет совсем немного времени, и ты наверняка займешь видное место при дворе султана. Тогда ты вернешься к нам, и я выдам Фатиму за тебя замуж.

– Милостивейший господин, твои слова несказанно печалят меня. Ты так добр ко мне, а я вынужден показаться неблагодарным, отклонив твое великодушное предложение. Я мог бы обмануть тебя, мог бы согласиться принять предложенную свободу, мог бы отправиться ко двору султана и там с легкостью найти способ бежать на родину. Но я и не помышляю об этом. Я не стану обманывать тебя и лгать тебе. Напротив, я открыто говорю, что никогда не соглашусь отказаться от веры своих отцов. Ты знаешь, как однажды царь вавилонян хотел заставить Хананию, Мишоэла и Азарию отречься от Б-га

Израилева? Они дали бросить себя в огонь, но не исполнили волю царя. Я тоже готов умереть, если тебе угодно будет предать меня смерти, но я всегда останусь верен своему Б-гу.

– А твой Б-г разве не тот же, что и наш? Разве у нас у всех не один Отец, разве нас всех нас создал не один Всевышний?

– Истинно говоришь ты, но поклоняемся мы ему по-разному, и я всегда буду служить своему Б-гу – так, как велел Он нам через нашего учителя Моисея.

– Ты, раб, осмеливаешься мне перечить?! Да я попросту приказываю тебе принять ислам! Я твой господин, владыка над твоей жизнью и смертью. Я могу раздавить тебя, как червяка.

– Ты можешь убить меня, господин, но не в твоей власти заставить меня изменить моей вере.

– Тогда я убью тебя, собака!

Вне себя от гнева, эмир выхватил из ножен кинжал и в ярости бросился на рабби.

В этот миг из соседней комнаты вбежала Фатима.

– Отец! – закричала она. – Отец, не трогай его!

Услышав голос дочери, эмир замер, потом отвел в сторону кинжал, уже почти коснувшийся груди рабби Шимшона.

– Еврей! – закричал он голосом, хриплым от ярости. – Ты осмеливаешься противиться моей воле!

– Мой добрый, милостивый господин, – невозмутимо проговорил рабби Шимшон, – разве ты сам не преисполнился бы презрения ко мне, если б ради денег, благополучия или женщины я отрекся от своей веры?

– Прочь! – вскричал эмир.

Рабби Шимшон удалился, и Саид повернулся к дочери, дрожавшей всем телом:

– Ты была рядом и слышала наш разговор?

– Да, отец.

– Стало быть, ты знаешь, что этот еврей ответил мне, знаешь, что он отважился перечить моей воле?

– Я слышала, отец.

– Фатима, Фатима, что ты делаешь со мной! Ради тебя я унился до того, до чего не унижался еще ни один правоверный. Я предложил своему рабу свободу, богатство, положение, почет и собственную дочь, а он от всего этого отказался. Сколько достойных молодых людей почли бы за счастье породниться со мной, а этот еврей тобой пренебрег! Глупое дитя, зачем ты сделала такой нелепый выбор? Будь благоразумна и выбрось из головы эту жалкую собаку, принадлежащую к презренному иудейскому племени.

Фатима заплакала.

– Отец, – произнесла она сквозь слезы, – я люблю его, люблю больше жизни! Разве ты не понял, какой это благородный, добродетельный, смелый человек? Ведь для него свобода, титул и богатство – ничто; он не пожелал пожертвовать ради них своими убеждениями.

– И ты не сердишься на него за то, что он отверг тебя? Неужели ты так мало себя ценишь, что готова признать его правоту? Он отказался обладать тобой, презрел возможность стать зятем эмира Саида!

– О мой отец! Ты не должен подходить к Шимшону с той же меркой, что и к другим людям. Он не такой, как все. Человек с возвышенными представлениями, он не способен на предательство. И почитает ничтожным то, чего другие вожделяют всем сердцем. О, если бы Б-г помог мне найти способ, как стать его женой и чтобы ему для этого не пришлось идти против собственной совести!

– Глупое дитя! Так ты, пожалуй, захочешь, чтобы я отдал тебя замуж за иудея! Клянусь бородой Пророка...

– Не клянись, отец, не клянись!

– Даже если я и не подкреплю клятвой своего слова, все равно этому не бывать никогда. Что скажет султан, что скажут все мои друзья и знакомые, если я отдам свою дочь в жены какому-то еврею? Прошу тебя, Фатима, забудь о нем! Стань снова независимой и гордой, моя девочка, преисполнись гнева и ненависти к тому, кто осмелился пренебречь тобой.

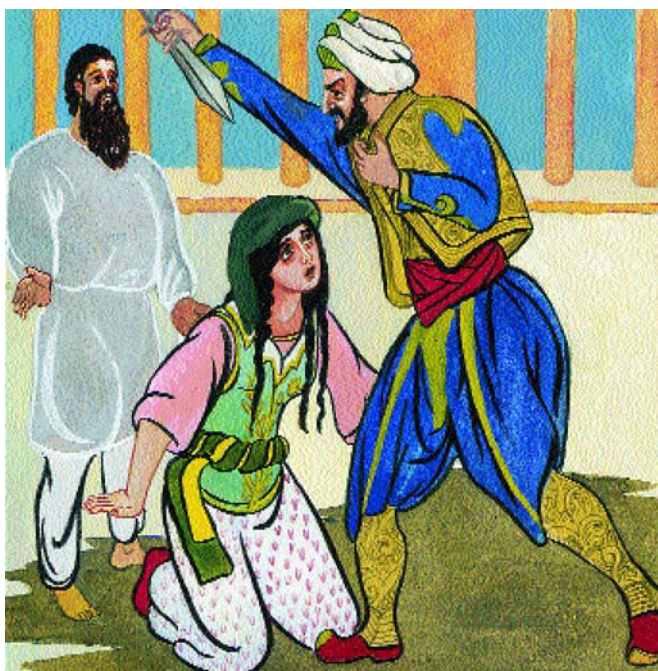
– Возненавидеть его? Увы, отец, это не в моих силах.

– Тогда по крайней мере будь мужественной и заставь себя изгнать мысль об этом строптивом рабе из своего сердца. Фатима, дитя мое, дочь моей возлюбленной Сулейки, которой ты не знала! Я всегда думал, что ты любишь меня так же, как и я тебя. Неужели ради какого-то иудея ты совсем забыла отца? С самого раннего детства тебе ни в чем не было отказу. Сегодня я впервые прошу тебя уступить мне. Не отвергай моей просьбы: будь решительной, доченька, и выбрось мысли о Шимшоне из своей головы.

– Я попытаюсь, отец.

– Согласись выйти замуж за эмира Ибрагима; он ведь только вчера сватался за тебя.

– Вот этого я не сумею, дорогой отец. Прошу тебя, дай мне время во всем разобраться.

В тот же день эмир Саид отправил еврейского раба в самый отдаленный конец своих владений, велел тамошним надсмотрщикам обращаться с ним возможно строже. Рабби Шимшон с терпением и спокойствием принял перемену в своей участи. Ни на секунду не пожалел он о том, что

отказался от предложения эмира. Управляющим в этой части угодий Саида оказался грубый и жестокий человек, которому доставляло удовольствие мучить подвластных ему рабов. Сколько же должен был вынести от него рабби Шимшон, для которого эмир потребовал особой строгости! Кнут управляющего то и дело опускался на спину несчастного, оставляя на ней кровавые рубцы. Но мужественный рабби Шимшон не жаловался, не роптал. Воображение не рисовало нашему герою бесчисленные блага, кои достались бы ему, женись он на любимой дочери эмира Саида, прекрасной Фатиме, заполучить руку и сердце которой стремились многие мужчины. Его не влекли ни власть, ни богатство, ни почет, ни другие земные радости. Что касается страданий, выпавших на его долю, то он смиренно выносил их, покорный воле небесного Отца. Даже крик боли, что так часто готов был вырваться у этого человека в миг, когда его бил кнутом жестокий надсмотрщик, он научился подавлять, а вместо этого лишь вздыхал и произносил вслух: «Да прославится имя Всевышнего!»

Í ðíáíéæáí èá ñéááóóò.

Í áðáááá ñ í áí áóéíáá Í áðèè Áè ò éíáíéíé.

«БАЗАР ЗА РЫНОК»

Марьян Беленький

Перевод с иврита автора

«Ōîēîēîō» – «îāđîāîāy î āāđîîō». Äëy îāđîāîîé äwîîîōè òāđî èîā îîēā îā îđēāîî āîî.

Согласно теории этногенеза Льва Гумилева, ядро нового этноса составляют конвикции и консорции – группы людей, объединенных общей судьбой и по каким-либо причинам покинувшие свою родину. Конвикцией может быть эмигрантская община (франкофоны Канады, «русские» в Израиле), субэтнос (например, донские казаки), религиозная община (старообрядцы, квакеры). Конвикция может исчезнуть, затеряться среди народа, в котором живут ее члены, либо же положить начало новому этносу.

Типичной конвикцией была вторая алия. Это были люди, сознательно покинувшие страну проживания, с тем чтобы начать новую жизнь на новой земле – с новым языком и новой культурой.

Увы, действительность, как это часто бывает, оказалась вовсе не такой, как представлялось новоприбывшим в светлых мечтах о Новой Родине. Новоприбывших встречали жара, комары, болота, малярия, арабы. Еврейские мальчики и девочки, оставившие папу и маму ради прекрасной мечты о новой родине, были вовсе не приспособлены к многочасовому физическому труду при изнурительном зное, многие не выдерживали и возвращались. Оставались и выживали наиболее идейно убежденные. Сажали сады, осушали болота, сражались с арабами, строили города, писали стихи на новом языке. Народники спорили с большевиками и троцкистами о том, какой социализм лучше. В том, что на новой родине должны быть установлены социалистические, справедливые порядки, никто не сомневался.

Колонисты, что остались в Палестине со времен барона Ротшильда, встречали новоприбывших с подозрением и недоверием. Поведение и вид этих странных людей были им чужды. С тех пор каждая волна алии получала от предыдущей несмыслимую кличку – стигму, дожившую до наших дней.

Так и живем. С трибун – пламенные речи о нерушимой дружбе всех еврейских народов, а на улице – анекдоты о горячих «марокканцах», тупых «поляках», холодных «полячках», «румынах»-ворах, жадных «персах», неопрятных волосатых «грузинах», «русских» проститутках, недотеп «еке», наивных «тейманим», туповатых «курдах», совсем тупых арабах, и уж о полных идиотах – депутатах кнесета.

Ï Î ÈBÈÈ

Прибывшие в Израиль в 1968 году репатрианты из Польши – «алия Гомулки» – столкнулись с устоявшимся еще с 30-х годов стереотипом «поляка», который, впрочем, так же далек от действительности, как стереотип «русской» проститутки, «румына»-вора или «вонючего» грузина.

Анекдоты о глупых поляках широко бытуют в США и Канаде, зато в Израиле совершенно не известны широко распространенные в США и Канаде анекдоты о JAP – Jewish American Princess, которые мы приводить не будем из-за их антисемитского характера.

Почему польские женщины в анекдотах фригидные? Некоторые социологи полагают, что, поскольку в Польше были проблемы с жильем и в одной комнате ютились несколько человек, женщины были приучены к сдержанности.

Так же объясняют израильские социологи происхождение анекдотов о «румынах»-ворах: в социалистической Румынии, мол, невозможно было прожить, не воруя.

Следует заметить, что «има полания» в иврите соответствует «еврейской маме» по-русски.

Два поляка в баре:

– Смотри, как интересно, у меня в стакане с виски плавает ледышка с дырочкой.

– Подумаешь, я на такой 30 лет женат.

– Дорогой, ты вчера ночью еще долго продолжал, после того как я заснула?

«Полячка» смотрит в зеркало:

– Так ему и надо!

Почему полячка досматривает порнофильмы до конца?

– Надеется, что в конце они поженятся.

Стадии состояния польской жены:

Больная.

Очень больная.

Совсем больная.

Вдова.

– Какая разница между польской мамой и ротвейлером?

– Ротвейлер в конце концов оставит ребенка в покое.

АЕА – АУОІАӨÛ ЕÇÃАВІ АІ ÈÈ

Пятая алия – выходцы из Германии, приехавшие в Израиль в 30-х годах, заложили основы современной промышленности. Они открыли многочисленные кафе, клубы, театры, издавали книги, журналы и газеты. От всего этого не осталось и следа... Кстати, первым в Израиле сатирическим изданием, задолго до «Беседера», был «Der Palestinishe Oilenschpiegel», некоторые шутки из которого актуальны по сей день...

В массовом фольклорном сознании израильтян «еке-поцы» остались тугодумами и недотепами.

Пара пожилых еке гуляет по парку, и на супруга наделала птичка.

– У тебя есть туалетная бумага?– спрашивает он.

– Зачем? Ведь птичка уже улетела.

İ ÀDİ ÊÊÀÍ ÖÛ

Ашкеназский истеблишмент относился к новым репатриантам из стран Востока с нескрываемым презрением; руководители государства в открытую называли их «человеческим мусором». Правящий истеблишмент вспоминал о новых гражданах страны лишь перед выборами.

О реальных тяготах новых репатриантов, об издевательствах над ними повествуют романы и повести писателей иракского происхождения Эли Амира («Курица для искупления»), Сами Михаэля («Равные и более равные»). А в израильских анекдотах «марокканцы» были и остались вспыльчивыми недотепами... Из песни слов не выкинешь, из анекдота – тем более.

Во многих анекдотах о марокканцах героем является Давид Леви. Образ этот чисто фольклорный и с оригиналом, одним из министров иностранных дел Израиля, ничего общего не имеет.

Марокканец посетил врача и заплатил ему 8 шекелей:

– На двери написано «Доктор принимает от 8 до 12».

– Что общего между марокканцем и сперматозоидом?

– Один из миллиона выходит в люди.

Дочь курда и марокканки: мало того, что она все время нервничает, так еще и не знает почему.

– Давай поиграем в шеш-беш, – говорит один марокканец другому.

– Что ж мы будем время терять, давай сразу драться.

Марокканец читает газету.

– Какое сегодня число? – спрашивают его.

- Не знаю.
- А вы в газете посмотрите.
- Но ведь газета – вчерашняя.

Поляку при операции удалили половину мозга.

- Ну, как дела? – спрашивают его после операции.
- Беседер, – отвечает он с марокканским акцентом.

Начало кулинарной книги для марокканцев:

«Прежде всего – успокойтесь».

- Когда марокканец слушает классическую музыку?
- Когда у него звонит телефон.

Анекдот периода «коровьего бешенства».

Марокканец приходит с женой в ресторан и заказывает говяжий стейк.

- А бешеной коровы вы не боитесь? – спрашивает официант.
- А чего мне ее бояться? Я с ней уже 20 лет прожил.

Марокканец прибыл в Париж и увидел Эйфелеву башню:

- Повезло этим французам – в центре Парижа нефть нашли.
- Почему в Марокко чисто на улицах?
- Весь мусор в Палестину уехал.

ÂÛÕÎÄÖÛ ÈÇ ÁÐÓÇÈÈ

Из всей 2000-летней культуры грузинских евреев массовому фольклорному сознанию израильтян доступно лишь одно: грузины – неопрятные и волосатые. Этот стереотип до сего дня варьируется в сотнях анекдотов и эстрадных монологов местных «стендапистов».

Грузин приходит к зубному врачу.

Врач видит, что у пациента все зубы – золотые.

– Зачем же вы пришли? – спрашивает врач.

– Поставить сигнализацию.

Ï ÄÐÑÈ

У каждого народа есть свои дураки и жадины.

Скупыми в Болгарии полагают габровцев. В Шотландии – жителей города Абердина. В России – евреев. У нас в стране эту функцию выполняют выходцы из Ирана (парси).

– Почему парси любит смотреть порнофильмы задом наперед?

– Ему нравится видеть, как девушка возвращает клиенту деньги.

– Почему парси любит фотографироваться на фоне окна?

– Чтобы сэкономить на рамочке.

– Что парси пишет на своем именинном торте?

– «Не для еды».

– Я с таким скупердяем, как ты, жить не хочу! Вот тебе кольцо, которое ты мне подарил на свадьбу 20 лет назад.

– А где коробочка?

– Почему парси убил жену?

– На кладбище продавали места со скидкой.

Почему у парси в доме много ковров?

– Если у гостя упадет на пол монетка, не будет слышно.

– Почему парси летом закрывает все окна?

– Чтобы соседи думали, что у него кондиционер.

Из кулинарной книги для парси:

«Сходите к соседке, попросите 5 яиц, стакан муки, молоко, соль и сахар».

Как потешаются над парси?

Нужно поместить его в круглую комнату и сказать:

– Здесь где-то в углу монетка завалялась...

– Почему парси долго не подходит к телефону?

– Чтобы те, кто звонит, думали, что у него большая квартира.

– Почему парси ест все продукты прямо в магазине?

– Там ведь написано: «Открывать здесь».

Парси говорит сыну:

– Если ты будешь себя хорошо вести, я возьму тебя в кафе, помотришь, как едят мороженое.

- Почему парсим соблюдают шабос?
- Чтобы экономить на свете по субботам.

ÊÓÐÄÛ

В иерархии глупости израильского анекдота курды занимают одно из последних мест – между депутатами кнессета и арабами.

«Рош курди», «ана курди» – это как «моя хата с краю, мы люды темни, нам абы гроши». Многие анекдоты про курдов аналогичны русским анекдотам про чукчей.

- Почему курдов нельзя принимать жестянщиками?
- Пока один будет стучать по жести, остальные начнут танцевать.

– Почему ты читаешь газету вверх ногами? – спрашивают курда.

– А что я могу сделать? Мне так продали.

– Я хочу купить этот телевизор.

– Это не для курдов.

– А откуда вы знаете, что я – курд?

– Потому что это – микроволновая печь.

– Какая разница между курдом и антенной?

– Антенна хоть что-то воспринимает.

ÐÓŃŃÈÈÁ

В современном иврите «руси» означает как «русских» евреев, так и «русских» русских. Поэтому, скажем, выражение «зона русия» (русская проститутка) израильтянин поймет как проститутка-репатриантка, а мы с вами – как шикса (гойка), приехавшая в Израиль на заработки. К сожалению, про «русских» израильтяне рассказывали и такое:

– Какая разница между русской женщиной и фалафелем?

– Фалафель на шекель дороже, и его нельзя использовать повторно.

Русского спрашивают в суде:

– Вы можете дать показания?

– Я новый репатриант из России, я приехал не для того, чтобы давать, а для того, чтобы брать.

(Из программы Дуду Топаз «Плитат а Пе», 1989 год. В записи программы реприза сопровождается аплодисментами.)

– Какая разница между русской женщиной и ее матерью?

– Разница в шекель.

(Из репертуара службы анекдотов компании «Пелефон», 2003 год.)

«Русский» везет через таможню 8 холодильников.

– Один – для мяса, другой – для молока, третий – для парве, четвертый – для пасхального мяса, пятый – для пасхального молока, шестой – для субботы, седьмой – для Йом Кипура.

– А восьмой?

– А если мне захочется кусочек сала?

Едут в поезде русский и марокканец.

Русский достает из футляра скрипку и начинает играть.

– Прекрати, ты мне на нервы действуешь, – возмущается марокканец.

– Но я еду на концерт, и мне нужно репетировать.

Марокканец начинает заниматься онанизмом.

– Что вы делаете, прекратите немедленно! – говорит русский.

– Я еду на свидание к девушке, и мне нужно репетировать.

Встречаются на улице две болонки:

– Знаешь, – говорит одна, – в России я была овчаркой.

ÀÛÕĬÄÖÛ ÈÇ ÉÀÌ ÁĬÀ

Йеменцы в израильском анекдоте – народ наивный и доверчивый. Не зря ведь именно у них в 50-х годах отбирали детей обманом, и до сих пор никто не знает, куда они делись. Если ашкеназу сказать: ваш ребенок в больнице умер, он такой крик поднимет, что вся больница сбежится, все организации на ноги поставит. А «теймани» выслушал это и пошел домой – Б-г дал, Б-г взял, ничего не поделаешь.

Йеменец заходит в двухэтажный автобус.

– Места внизу нет, – говорят ему, – поднимайтесь на второй этаж.

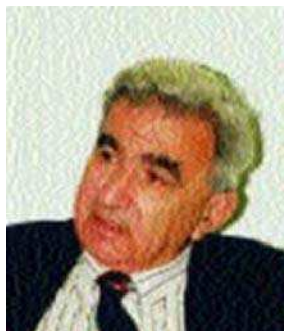
– Нет, я там не поеду. Там же водителя нет.

От газет, клубов, театров, кафе, от бурной общинной жизни «поляков», «венгров», «еке», «румын» не осталось ничего... Так же бесследно исчезнет, с Б-жьей помощью, и «русская» культура в Израиле. И это – имманентная часть естественно-исторического процесса этногенеза – формирование новой израильской нации.

Учите иврит.

ИЮНЬСКИЕ НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

18 ИЮНЯ

ГРИГОРИУ КАНОВИЧУ исполняется семьдесят пять. Родившийся в Каунасе, он давно завоевал широкую популярность своими романами на русском и литовском языках («Слезы и молитвы дураков», «И нет рабам рая», «Свечи на ветру» и др.).

Живя в Израиле, Г. Канович создает превосходную русскую прозу, чаще всего тяготеющую к истории еврейства, его сегодняшней судьбе. Неизменна приверженность писателя к глубинным нравственно-психологическим проблемам. Всегда поразительно высок художественный уровень постижения бытия в его произведениях. Лишнее тому подтверждение – недавние «Лики времени».

Мы от всей души поздравляем Г. Кановича с юбилеем, желаем ему долголетия и новых творческих свершений.

1 ИЮНЯ

65 יָאָרִים לְאַיִן דִּיאַאַיאָעִי актера, чтеца, народного артиста РФ Рафаэля Александровича Клейнера (р. 1939, с.Рубежное Луганской области).

5 ИЮНЯ

110 יָאָרִים לְאַיִן דִּיאַאַיאָעִי физикохимика, академика АН КазССР, профессора Томского, Среднеазиатского и Казахского университетов, автора трудов по теории растворов, сформулировавшего обобщенную теорию кислот и оснований, **Михаила Ильича Усановича** (1894, Житомир –1981, Алма-Ата).

45 ёàò ì ã äíý ì áððè боксера, чемпиона мира в легчайшем весе 1901 – 1902 гг. **Гарри Харриса** (Harris; 1880, Чикаго – 1959, Нью-Йорк).

8 ИЮНЯ

110 ёàò ì ã äíý ðíæääíèý композитора и пианиста, автора музыкальной трагикомедии «Пламя», балетной мистерии «Огелала», кантаты «Коммунистический манифест», симфоний, концертов, массовых песней, джазовой музыки **Эрвина Шультгофа** (Schulhoff; 1894, Прага – 1942, Вюльцбург).

13 ИЮНЯ

80 ёàò ì ã äíý ðíæääíèý лингвиста, профессора МГУ, автора трудов в области общего и романского языкознания, французского языка, по проблемам типологии и контрастивной лингвистики, семантики и прагматики, теории высказывания, грамматики, лексикологии, лексикографии, теории перевода **Владимира Григорьевича Гака** (р. 1924, Бежица Брянской обл.).

19 ИЮНЯ

105 ёàò ì ã äíý ðíæääíèý физика, члена-корреспондента АН СССР, профессора ЛГУ, автора трудов по спектроскопии и промышленному спектральному анализу, соавтора «Курса общей физики» **Сергея Эдуардовича Фриша** (1899, Петербург – 1977, Ленинград).

20 ИЮНЯ

50 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ первого израильского космонавта **Илана Рамона** (Ramon; 1954, Тель-Авив – 2003, погиб в катастрофе при посадке космического корабля «Колумбия»).

22 ИЮНЯ

30 éàò ìí àíÿ ìí àððè композитора, дирижера, члена Академии изящных искусств, профессора Парижской консерватории, автора балетов «Бык на крыше», «Сотворение мира», опер «Бедный матрос», «Христофор Колумб» и др. **Дариюса Мийо** (Milhaud; 1892, Экс-ан-Прованс, Франция – 1974, Женева).

27 ИЮНЯ

15 éàò ìí àíÿ ìí àððè философа, представителя логического эмпиризма, члена Британской АН, профессора Оксфордского и Лондонского университетов, автора трудов по лингвистической философии **Алфреда Джулса Айера** (Ayer; 1910 – 1989, Лондон).

28 ИЮНЯ

80 éàò ìí àíÿ ðíæääíéÿ автора памятников: «Жертвам концлагеря Треблинка» в Берлине, «Погибшим от насилия» в Касселе (Германия), «Погибшим от любви» в Оффенбахе, «Взывающий» в Дюссельдорфе, Е.С. Варге, И.Е. Тамму на Новодевичьем кладбище в Москве и др. **Вадима Абрамовича Сидура** (1924, Екатеринослав – 1986, Москва).

29 ИЮНЯ

50 ääò ì äü ðæääéü композитора, продюсера, художественного
руководителя фирмы «АРС», народного артиста РФ **Игоря Яковлевича Крутого** (р.
1954, Гайворон Кировоградской обл.).

ИЗ НАШЕЙ ИЮНЬСКОЙ ПОЧТЫ «Я ПРОХОДИЛ КРУГАМИ АДА ...»

В июне 1943 года в помещении школы на станции Туманово Смоленской области собрали несколько десятков детей из только что освобожденных от фашистских войск районов. Школа, понятное дело, сохранилась случайно.

Врачи Красной Армии молча смотрели на нас, осиротевших мальчиков и девочек. Вся эта бесприютная, оборванная и голодная ребятня – все до единого были беловолосы. И вдруг к столу позвали именно меня.

Я подошел к военврачам и услышал:

– Этот-то здесь почему?

Подполковник (я много лет видел его потом во сне) вытаращил на меня глаза. Позвал других медработников. Они все разом окружили меня – черноволосого, хлипкого, изможденного, и закидали вопросами:

– Ты откуда?

– Из Витебска.

– Что?! А как здесь оказался?

– 29 сентября 1941 года убежал из витебского гетто...

– И сколько же ты пробыл?

– Полтора года.

– Вы посмотрите! Значит, ты – еврейский мальчик! Где родные?

– Мамы, брата и сестренки, шестерых теток, маминых сестер, и их детей больше нет. Тысячи евреев, как и все мои родные, остались в гетто. Только тетя Хана и ее дочь Соня ушли со мной. Тетю Хану поймали полиция и расстреляли в конце 1942 года. Соню схватили в другой деревне и угнали в Германию.

– Как же вы уцелели? – удивленно спрашивали военврачи.

Я объяснил:

– Нам помогали. Меня в последний момент спасла Анна Пахомова. Спасла, рискуя своей семьей (у нее трое детей). Она меня и отправила сюда в Туманово.

Подполковник скомандовал:

– На весы его!

Меня поставили на весы и опять изумились:

– Всего-то в тебе весу двадцать семь килограмм! – огорченно констатировал военврач. – У тебя же страшнейшая дистрофия!

Медсестра в военной форме записывала мои ответы.

– Возраст?

– Я родился 22 декабря 1928 года.

...По возрасту (четырнадцать с половиной лет) меня должны были отправить в ремесленное училище или в ФЗУ. Но подполковник решил иначе:

– Как тебя зовут, мальчик? Как фамилия?

– Хаймович Лев...

– Отчество свое тоже помнишь, Лёва?

– Соседи звали папу Мишей.

Подполковник немного помолчал, затем сказал медсестре:

– Значит, пишите: Лев Михайлович Хаймович, родился 22 марта 1930 года. Записали? А теперь заполните вот этот бланк и отправляйте его в детский дом.

Тут я встречаю:

– Я же четыре класса закончил...

Он как рявкнет, не дав мне договорить:

– Выполняйте!

...В сущности, тот военврач меня спас. Не мог я стоять у станка.

Через две недели нас, несколько сотен сирот, везли в теплушках. На полу, на соломе спали впритирку по 60 человек. Наш вагон отцепили в Оренбургской области.

Перед нами предстала сначала ничем не примечательная железнодорожная станция, затем районный центр. Нас ждали ребята-детдомовцы, воспитатель и конюх – дед Гриша. На станцию они приехали на розвальнях и в тарансах. Я сразу подошел к деду:

– Поеду с вами.

– Садись, сынок! – улыбнулся дед Гриша.

– Можно, я буду править?

– А ты умеешь? – удивился дед.

– Да, я ведь с семи лет в седле. На витебский ипподром ходил, – с гордостью ответил я.

Папа мой в царской армии (он из Польши) был ездовой. В свои двенадцать лет я уже скакал на уровне наездника первого разряда. Упряжь всю знал назубок. Мечтал быть жокеем. Но война все сгубила.

В общем, дед Гриша взял меня на конюшню. Я стал его помощником. Лошади меня спасли. Тому – сено, тому – дрова, вот и тебе что-нибудь перепадет...

Ну а дальше, после детдома, я добровольно отправился на Балтфлот поступать в школу юнг Кронштадта. Отучился, а затем началась моя служба на боевых кораблях ККФ – Краснознаменного Каспийского флота. Тогда в городе Баку была наша база. Заочно я окончил в Баку еще и среднюю школу.

И тут неожиданно пришел приказ: лучших специалистов направить на БТЩ (базу минных тральщиков) Черноморского флота. Меня как старшину II статьи, радиотелеграфиста I класса послали в поселок Камыш-Бурун, что рядом с городом Керчь. Там-то я и принял пост командира отделения радиотелеграфистов и уже на базовом минном тральщике № 59 попал в свой второй круг ада – на траление боевых мин, смертельных «сюрпризов», оставшихся в море в ужасающей изобилии после недавней войны. Два наших корабля вместе с экипажами – в каждом по 83 моряка – погибли. Хочу, чтобы помнили военных моряков, благодаря которым стало безопасным Черное море!

Позднее нас, моряков с «благоприобретенным» тромбозом нижних конечностей, отправили в госпиталь, где мне хотели ампутировать ступню. Я не согласился – я же был солистом-чечеточником, – и подполковник медслужбы предупредил: «Смотри, помрешь, плясун!». В общем, я не помер и с отличием окончил Оренбургский педагогический институт, упорно тренировался и хоть сейчас спляшу «Яблочко»!

А теперь – о третьем хождении кругами ада при жизни. Умерла моя любимая, моя нежная и самая добрая на свете жена Валентина. Ей было чуть за шестьдесят, мы вместе прожили 42 года. У нас с ней трое сыновей. Старшему сейчас 46 лет, среднему – 44 и младшему – 42 года. Старший наш, Юра, стал «инвалидом детства» – у него не работает правая рука. Мы с ним сейчас вообще вдвоем.

Вот такой третий круг ада у меня – бывшего директора сельской школы, ветерана войны, старшего лейтенанта Военно-Морского Флота СССР.

Что говорить – жизнь есть жизнь. Но все-таки многовато для одного человека...

Через месяц мне стукнет 75 лет. Странно, но я еще живой. Правда, опять – как и 60 лет назад – ослаб очень и тоскую по Вале.

Всем сотрудникам «Лехаима» желаю здоровья, творческих успехов. И пусть их минует знакомство с адом! С уважением,

Ἐὰν θᾶεῖ τὰς,

ἰ. Νᾶί ἰ ἰέ, θᾶί φρένέε θ-ἰ

Ἐδᾶν τᾶδὸν τᾶ εδᾶν